ЭКОНОМИКА И ПРАВО. XXI ВЕК

Научно-правовой журнал

№ 4 (ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ) 2026 ГОД

Учредитель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал основан в 2009 г., включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2010 г.
Выходит один раз в три месяца
ISSN 2076-2828
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-37809 от 15 октября 2009 г.)

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани». 2026

Экономика и право. XXI век

научно-правовой журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), государственного и муниципального управления, вопросам развития российского законодательства и экономики, актуальным проблема государственного гражданского и предпринимательского права, а также вопросам экономики промышленности, агропромышленного комплекса, экономики строительства и операций с недвижимостью.

Главный редактор: Сангаджиев Бадма Владимирович

Первый заместитель главного редактора: Эриашвили Нодари Дарчоевич

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Корректор: Козлова Вера Ивановна

Компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3.
Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://economy-law.ru

E-mail: info@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-900-155-56-05

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Экономика и право. XXI век» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора: **Н.Д. Эриашвили,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин,** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

- **О.Н. Булаков** - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета.
- **Л.Ю. Грудцына** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.
- **Б.В. Сангаджиев** - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
- **Л.А. Тхабисимова** - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.
- **М.С. Шайхуллин** - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Научная специальность:
5.1.3. Гражданско-правовые (цивилистические) науки.

- **А.В. Барков** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Е.В. Богданов** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.
- **А.Н. Левушкин** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.
- **А.Х. Миндагулов** - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан).

Научная специальность:
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

- **Н.М. Бобошко** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **А.Ф. Дятлова** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **Е.И. Кузнецова** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **Н.Д. Эриашвили** - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Научная специальность:
5.2.7. Государственное и муниципальное управление.

- **Е.И. Кузнецова** - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **А.Н. Литвиненко** - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, Заслуженный экономист Российской Федерации.
- **О.В. Сараджева** - доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина.
- **Н.Д. Эриашвили** - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev,** Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law,
All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief: **N.D. Eriashvili,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Laureate of the Russian Government Prize in Science and Technology, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin,** Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Scientific specialty:
5.1.2. Public law (state legal) sciences.

- **O.N. Bulakov** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities.
- **L.Yu. Grudtsyna** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.
- **B.V. Sangadzhiev** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
- **L.A. Tkhabisimova** - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- **M.S. Shaikhullin** - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Scientific specialty: 5.1.3. Civil (civil) sciences.

- **A.V. Barkov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **E.V. Bogdanov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.
- **A.N. Levushkin** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.
- **A.Kh. Mindagulov** - Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan).

Scientific specialty:
5.2.3. Regional and sectoral economy.

- **N.M. Boboshko** - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

- **A.F. Dyatlova** - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economics and Accounting, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.
- **E.I. Kuznetsova** - Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
- **N.D. Eriashvili** - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Scientific specialty:
5.2.7. State and municipal administration.

- **E.I. Kuznetsova** - Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
- **A.N. Litvinenko** - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economic Security, St. Petersburg University, Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Economist of the Russian Federation.
- **O.V. Saradzheva** - Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor, Department of Economic Security, Audit and Controlling, Russian State University named after A.N. Kosygin.
- **N.D. Eriashvili** - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

- **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики
- **А.П. Галоганов** – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов
- **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
- **В.В. Комарова** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- **Г.Б. Мирзоев** – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»
- **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики
- **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

- **Zh.A. Bokoev** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic
- **A.P. Haloganov** — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers
- **S.D. Karakozov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University
- **V.V. Komarova** — a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)
- **R.M. Myrzalimov** — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic
- **K.Kh. Rakhimberdin** — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Анищенко Е. В. * Стратегически значимые угрозы обеспечения экономической безопасности и интенсификации экономического развития Российской Федерации в условиях санкционного давления и адаптации к новой реальности 13

Осипов К. С. * Правовое регулирование противодействия нелегальному переводу денежных средств трудовыми мигрантами как угроза экономической безопасности Российской Федерации 24

Озерова Р. А. * Антиконкурентные соглашения на рынке банковских услуг: сравнительно-правовой анализ опыта России и США 31

Иванова С. Г. * Правовое регулирование оказания государственных услуг 39

Терешин Я. А. * Правовое регулирование санкционного законодательства в зарубежных странах на примере Соединенных Штатов Америки 45

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Яковенко Д. А., Захаров Н. С., Городилова М. В., Симонов А. Н. * Цифровые платформы в системе государственных закупок: эффективность и риски 50

Полякова Г. Б., Александрова А. В. * Применение метода «регуляторной гильотины» к договорам и соглашениям, заключаемым Роспатентом с исполнительными органами субъектов Российской Федерации 57

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Бельская Ю. А. * Эффектуационные практики и выживаемость малого бизнеса в условиях неопределённости 63

Мальцева Ю. В. * Правовое регулирование наследования по закону и по завещанию 76

Альес Э. А. * Категория «соразмерность» в контексте института обеспечительных мер в судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) 79

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Рыкова Н. Ю. * Финансово-правовые механизмы защиты прав инвесторов при несостоятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг 84

Карибов Д. Н. * Особенности системы финансового управления в физкультурно-спортивных организациях 91

Морилов И. П. * Современные проблемы риск-менеджмента: особенности внедрения и функционирования в российских и зарубежных банках 96

ЭКОНОМИКА СТРОИТЕЛЬСТВА И ОПЕРАЦИЙ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Пименов В. Д. * Критерии обоснованности налоговой выгоды при разрешении налоговых споров в сфере строительства 102

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Коросташов М. Р. * О возможности расширения компетенции мировых судей по рассмотрению гражданских дел 107

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бельская Ю. А. * Формирование конкурентных преимуществ микропредприятия в сфере общественного питания в условиях ограниченных ресурсов 113

Смирнова А. В., Мицык Г. Ю. * Проблема проведения публичных богослужений в жилых помещениях 120
Сергиенко Е. А. * Экспериментальность как инструмент развития национальной системы правового регулирования выбросов парниковых газов 125
Полянский С. В. * Разграничение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности и общеуголовного мошенничества: критерии и проблемы квалификации 132

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Сергеева В. В. * Развитие промышленного туризма на Дальнем Востоке России 136
Александров А. Ю., Гладышева В. Р. * Эволюция законодательства о государственных закупках в России в период с 1917 года по настоящий момент 141

CONTENTS:

POLITICS AND LAW

Anishchenko E. V. * Strategically Significant Threats to Economic Security and the Intensification of Economic Development in the Russian Federation Amidst Sanctions Pressure and Adaptation to a New Reality 13

Osipov K. S. * Legal Regulation of Countermeasures Against Illegal Money Transfers by Migrant Workers as a Threat to the Economic Security of the Russian Federation 24

Ozerova R. A. * Anti-Competitive Agreements in the Banking Services Market: A Comparative Legal Analysis of the Experience of Russia and the United States 31

Ivanova S. G. * Legal Regulation of the Provision of Public Services 39

Tereshin Ya. A. * Legal Regulation of Sanctions Legislation in Foreign Countries: The Case of the United States of America 45

PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Yakovenko D. A., Zakharov N. S., Gorodilova M. V., Simonov A. N. * Digital Platforms in the Public Procurement System: Efficiency and Risks 50

Polyakova G. B., Aleksandrova A. V. * Application of the «Regulatory Guillotine» Method to Contracts and Agreements Concluded by Rospatent with Executive Bodies of the Constituent Entities of the Russian Federation 57

CIVIL AND BUSINESS LAW

Belskaya Yu. A. * Effectuation Practices and the Survival of Small Businesses Under Conditions of Uncertainty 63

Maltseva Yu. V. * Legal Regulation of Inheritance by Law and by Will 76

Alyes E. A. * The Category of «Proportionality» in the Context of Interim Measures in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings 79

LAW AND ECONOMICS

Rykova N. Yu. * Financial and Legal Mechanisms for Protecting Investor Rights in the Event of the Insolvency of Professional Securities Market Participants 84

Karibov D. N. * Specifics of the Financial Management System in Physical Culture and Sports Organizations 91

Morilov I. P. * Contemporary Issues in Risk Management: Implementation and Operational Aspects in Russian and Foreign Banks 96

ECONOMICS OF CONSTRUCTION AND REAL ESTATE OPERATIONS

Pimenov V. D. * Criteria for Justifying Tax Benefits in the Resolution of Tax Disputes within the Construction Sector 102

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Korostashov M. R. * On the Possibility of Expanding the Jurisdiction of Magistrates (Justices of the Peace) in Civil Cases 107

ISSUES IN RUSSIAN LEGISLATION

Belskaya Yu. A. * Developing Competitive Advantages for Micro-Enterprises in the Food Service Sector under Conditions of Limited Resources 113

Smirnova A. V., Mitsyk G. Yu. * The Issue of Conducting Public Religious Services in Residential Premises 120

Sergienko E. A. * The Use of Experimental Approaches as a Tool for Developing a National Legal Framework for Greenhouse Gas Emission Regulation 125
Polyansky S. V. * Distinguishing Between Fraud in Business Activities and General Criminal Fraud: Criteria and Challenges in Legal Classification 132

LEGAL ARCHIVE

Sergeeva V. V. * Development of Industrial Tourism in the Russian Far East 136
Aleksandrov A. Yu., Gladysheva V. R. * The Evolution of Legislation on Public Procurement in Russia from 1917 to the Present Day 141

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-13-23

АНИЩЕНКО Евгений Владимирович,
профессор кафедры экономической экспертизы и финансового мониторинга
МИРЭА – российского технологического университета,
доктор экономических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ УГРОЗЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ И АДАПТАЦИИ К НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. *На сегодняшний день состояние экономики Российской Федерации имеет крайне противоречивые качественные оценки, хотя и находящиеся в тесной количественной корреляции и взаимной обусловленности. В частности, в силу масштабного санкционного давления со стороны стран «коллективного Запада» внешнеторговая деятельность России качественно оценивается рядом специалистов как высоко неустойчивая в силу наличия значительного числа новых угроз, сформировавшихся по историко-экономическим масштабам практически «мгновенно», содержащих в себе существенные риски как устойчивости экономического развития, так и перспективам самого экономического развития страны. Однако количественные показатели развития внешнеторговой деятельности России по ряду характеристик показывают обратное.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, экономическое развитие, системные угрозы, санкционное давление.*

ANISHCHENKO Evgeny Vladimirovich,
Professor at the Department of Economic Expertise and Financial Monitoring,
MIREA – Russian Technological University,
Doctor of Economics, Associate Professor

STRATEGICALLY SIGNIFICANT THREATS TO ECONOMIC SECURITY AND THE INTENSIFICATION OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AMIDST SANCTIONS PRESSURE AND ADAPTATION TO A NEW REALITY

Annotation. *Currently, the state of the Russian Federation's economy is subject to highly contradictory qualitative assessments, even though these assessments remain closely linked through quantitative correlation and mutual interdependence. In particular, due to large-scale sanctions pressure from the «collective West,» some experts characterize Russia's foreign trade activity as highly unstable. This is attributed to the emergence—almost «instantaneously» in historical and economic terms—of a significant number of new threats that pose substantial risks both to the stability of economic development and to the country's future economic prospects. Conversely, however, quantitative indicators regarding the development of Russia's foreign trade suggest a different picture.*

Key words: *economic security, economic development, systemic threats, sanctions pressure.*

Острое политико-экономическое противостояние и беспрецедентный объем наложенных на Российскую Федерацию рестрикций со стороны «коллективного Запада» имеют своими главными целями подрыв возможностей реализации поставленных целей в сферах социально-экономического развития, повышения уровня обороноспособности России, и в целом формируют крайне опасные предпосылки для возникновения новых угроз и проблем в области обеспечения не только экономической, но и национальной безопасности страны в целом в плоть до ее расчленения и уничтожения.

Во многом такие последствия обусловлены

тем, что сегодня практически все страны с позиции теории систем представляет собой открытые социально-экономические системы, между которыми происходит обмен всевозможными экономическими и социальными ресурсами, и хозяйствующие субъекты которых находится в тесном социальном и экономическом взаимодействии с большими числом зарубежных хозяйствующих субъектов, в том числе обладающих государственным суверенитетом (т.е., как на внутригосударственном, так и на международном уровнях), а также с различными государственными, общественными институтами и организациями. При этом указанные виды связей постоянно находятся в процессе своего изменения, трансформации и реформирования под влиянием глобальных социальных, политических и экономических процессов.

В этом смысле не является исключением и Российская Федерации, в которой начиная с 90-х годов прошлого века в результате осуществления масштабных радикальных реформ были созданы фундаментальные предпосылки для построения как никогда, практически полностью открытой модели функционирования ее экономики под эгидой того же «коллективного Запада».

В силу этого придание российской экономике статуса «полностью открытой» было основано на установленных «коллективным Западом» стандартах и количественных макроэкономических показателях, к которым в течение более чем двадцати лет экономика России упорно приводилась.

Здесь важно отметить, что указанные стандарты «коллективного Запада» создавались не столько для управления своими экономиками, а сколько и прежде всего, для контроля, подчинения и управления экономиками других стан, не входящих в их коалицию. Эти стандарты и макроэкономические показатели были направлены на «выстраивание» экономик всех стран «в одну колонны» по одному «шаблону» для достижения своих гегемонистских устремлений и не учитывали серьёзных и принципиальных социально-экономических, ресурсных и географический и иных различий между этими странами и различными экономическими регионами, имеющих фундаментальные исторические основы, преодолеть которые в обычном, не принудительном порядке невозможно.

Обобщая результаты российской научной мысли, можно выделить следующие подходы к трактовке понятия открытая экономика.

Так, Е.А. Ерохина считает, что «открытой называют экономику, постоянно осуществляющую ввод и вывод вещества, энергии и информации в среду, т.е. имеющую постоянный выход на международные рынки товаров, капитала, рабочей силы, денег, информации в качестве продавца и/или покупателя». [1]

В свою очередь В.П. Оболенский в своих трудах формулирует два аспекта (подхода) при рассмотрении состояния открытости экономики, а именно:

- первый подход - институциональный, который представлен уровнем (в трудах В.П. Оболенского - степенью) либерализации валютного, торгового и таможенного законодательства государства. В рамках данного подхода считается, что чем меньше наложено государственных ограничений, тем выше уровень открытости национальной экономики;

- второй подход - функциональный, который отражает степень вовлеченности национальной экономики в международные торговые, финансовые и иные экономические связи, отражая тем самым, уровень зависимости воспроизводства Российской Федерации от зарубежного рынка капиталов, товаров и услуг. [2]

Таким образом общепринятым понимаем категории «открытая экономика» является такое состояние экономики страны, при котором, достигается её глубокая интеграция в мировую экономическую систему.

Однако здесь необходимо сделать определенные уточнения и пояснения в части понятия «интеграция в мировую экономику. В общем случае категория «экономическая интеграция» может отражает все возможные формы экономического взаимодействия или реализации совместных экономических процессов.

Постсоветская экономическая модель Российской Федерации, исходным пунктом формирования которой является начало девяностых годов прошлого века, в своем развитии прошла несколько этапов.

При этом в качестве основных моментов, обозначающих важнейшие этапы формирования современной конфигурации открытой российской экономической системы можно выделить следующие:

1) 1992 году - введение импортных таможенных тарифов, создающих основу для свободной внешнеторговой деятельности субъектов национальной экономики; [3]

2) 1996 году - осуществление перехода к свободной конвертации рубля по счету текущих операций;

3) 2001 – 2002 года - либерализация таможенных тарифов, направленная на относительное снижение ввозных барьеров и механизмов протекционизма национального производства;

4) 2006 году - отмена ограничений на операции с капиталом;[1]

5) 2010 году – завершение формирования Таможенного союза, в который вошли Российская Федерация, Республика Беларусь, Респу-

[1] Путем внесения изменений в соответствующие статьи Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 N 173-ФЗ [4].

блика Казахстан;[2]

6) 2011 году - создание зон свободной торговли на территории СНГ;

7) 2012 году - вступление Российской Федерации во Всемирную торговою организацию - ключевое, с точки зрения формирования открытой национальной экономической системы событие;

8) 2014 год – фактическое начало лавинообразного нарастания санкционного давления на Россию и, как следствие, формирование предпосылок для обратного процесса – постепенного сокращения степени открытости национальной экономики в целях обеспечения её экономической безопасности и финансового суверенитета; 2014 год, преобразование ранее созданного Таможенного союза в Евразийский экономический союз.[3]

Таким образом, фундаментальной основой функционирования российской экономической системы, сложившейся к середине второго десятилетия XXI века, стал её максимально открытый характер (в контексте изложенного выше понимания и трактовки данного понятия).

Реализованный переход к такой модели во многом обеспечил решение ряда масштабных, стратегически значимых социально-экономических проблем и задач путем реализации ряда основополагающих функций, присущих конфигурации максимально открытой национальной экономики, в качестве основных среди которых можно выделить следующие:

- фискальная – таможенные платежи, в том числе налог на добавленную стоимость (НДС) и акцизы на импортную продукцию, составили более 40% доходной части федерального бюджета Российской Федерации. При этом экспорт товаров давал от 30 до 50% годового прироста внутреннего валового продукта (ВВП), а за счет части экспортной выручки, которая была накоплена в условиях крайне позитивной внешнеторговой конъюнктуры. В результате сложились необходимые предпосылки для создания резервный фонд Правительства Российской Федерации [5];

- потребительская – резко возросли объемы импорта розничных товаров, что позволило в достаточно короткий период удовлетворить потребительский спрос практически по всем товарным группам, сформировав тем самым в сфере торговли высоко конкурентный рынок. Важно отметить, что удовлетворение потребительского спроса на этапе становления обновленной России оказало положительное влияние на решение возникших социальных пробоем и позволило в достаточной степени достичь общественной стабильности в стране;

- модернизационная – создались благоприятные условия для осуществления широкого круга возможностей импорта современных машин и оборудования, что позволило реализовать радикальное обновление значительной части национальной производственной базы и наладить производство на новой технологической платформе;

- инвестиционная – возникла глубокая интеграция российской экономики, в частности её финансового сектора в мировую финансовую систему, что обеспечило свободу движения капитала, которая запустила процесс притока зарубежных инвестиций, в том числе в форме капитальных вложений. Однако осуществление глубокой интеграции российской финансовой системы потенциально обеспечивало не только достижение положительных эффектов, но закладывало фундамент для формирования условий внешнего управления, подрывая финансовую и экономическую независимость России, а также в значительной степени способствовало разрушению реального сектора ее экономики, делая страну вассалом «коллективного Запада»;

- рыночная – осуществилась определенная модернизация, введение в эксплуатацию в ряде локальных промышленных производств современного оборудования и технологий, что в совокупности с относительно низкой стоимостью рабочей силы и природных ресурсов обеспечило возможности для перехода к выпуску конкурентоспособной продукции на этих производствах, освоение некоторых новых рыночных ниш и частичный выход на зарубежные рынки сбыта. Однако проведенная модернизация производственной базы не затронула стратегически значимые базовые сектора промышленного производства и способствовала оттоку капиталов и квалифи-

[2] Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация в соответствии с Договором от 6 октября 2007 года формируют таможенный союз. Высшим органом таможенного союза являются Межгосударственные Советы на уровне глав государств и глав правительств. Стороны таможенного союза Договором от 6 октября 2007 года учредили Комиссию таможенного союза – единый постоянно действующий регулирующий орган таможенного союза. Формирование таможенного союза предусматривает создание единой таможенной территории, в пределах которой не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. В рамках таможенного союза применяется единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами. В 2009 году Высший орган таможенного союза, Комиссия таможенного союза и правительства Сторон проводят комплекс мероприятий по завершению формирования договорно-правовой базы таможенного союза, включая Единый таможенный тариф, Таможенный кодекс, Статут Суда таможенного союза. [10]

[3] Евразийский экономический союз (ЕАЭС) - международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. В настоящее время в состав ЕАЭС входят пять стран: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой экономической политики в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в интересах повышения жизненного уровня государств-членов. [11]

цированных специалистов из них.

Современное положение Российской Федерации в мировой экономике обусловлено её серьёзными преимуществами в ресурсной базе и добывающей промышленности, высокими темпами развития сектора услуг и не вполне удовлетворительным уровнем технологической производственной базы для решения стратегически значимых задач восстановления лидирующих позиций страны на мировой арене, обеспечения устойчивого социально-экономического развития. Всё это определяет место национальной экономики в так-называемых глобальных производственно-сбытовых цепочках и формирует серьёзную стратегически значимую угрозу экономической безопасности страны.

Так возможности формирование конкурентных преимуществ и значимости России в глобальных производственно-сбытовых цепочках, определяются следующими ключевыми факторами:

положительными

- обширная ресурсная база, обеспечивающая до 40% встроенности экономики страны в мировые экономические процессы;

- значительные размеры внутреннего рынка сбыта;

отрицательными

- относительно большое географическое удаление от наиболее крупных торговых площадок;

- невысокое качество и эффективность работы институтов управления национальной экономикой.

Перечисленные факторы соответствуют характеристикам свойственными странам, которые в основном участвуют в сырьевых глобальных производственно-сбытовых цепочках. Однако Российская Федерация, принципиально несопоставима со странами, относимыми к сырьевой группе, такие, например, как страны Африки южнее пустыни Сахары или страны Латинской Америки, которые характеризуются меньшими размерами внутренних рынков сбыта, относительно дешевой рабочей силой и слаборазвитыми промышленным и технологическим секторами их национальных экономик.

Значительная доля сырьевых товаров в общем объеме экспорта Российской Федерации во многом обусловлена недостатками и стратегически значимыми ошибками государственного регулирования и управления экономикой в период реализации реформ, направленных на переход к рыночной модели хозяйствования. Поскольку к моменту слома, ранее сложившейся социалистической командно-административной системы управления экономикой, в стране отсутствовали: соответствующие собственные научная экономическая школа, теоретические и методологические основы организации рыночных механизмов. При этом происходил процесс активного прямого (без учета собственных страновых особенностей) копирования зарубежного опыта, а основным источником и поставщиком такого опыта являлись Соединенные Штаты Америки (США), передающим только те знания, которые способствовали их укреплению как единственного лидера мировой экономики независимо от их объективности и корректности.

В результате такого «научного» заимствования вторая в мире одна из крупнейших и фактически универсальная экономика (до 90-х годов прошлого века на территории СССР были обеспечены возможности для производства фактически всего спектра товаров народного потребления, машин и оборудования для всех отраслей), была преобразована в узкоспециализированную сырьевую экономику, характерную для стран «третьего мира» путем реализации ряда целенаправленных управленческих воздействий. Важно отметить, что узкая специализация является отличительной чертой, характерной для европейских стран, членов Европейского союза, как инструмент регулирования межгосударственной конкуренции, между странами участниками союза. В США узкая специализация наиболее ярко представлена на рынке труда, который также являлся высоко конкурентным в условиях однополярного мира.

Применительно к экономике Российской Федерации узкая специализация стала серьёзным сдерживающим и ограничивающим ее развитие фактором. В результате доля России в экспорте продукции обрабатывающих отраслей стала практически в три раза меньше, чем в среднем в мире [6].

Реализация концепции предельной открытости российской экономической системы сформировала серьёзную стратегически значимую угрозу для России, поставив национальную экономику в условия крайне трудно преодолимой (по крайней мере в краткосрочной перспективе и без значительных социально-экономических потрясений) технологической и производственной зависимости от стран «коллективного Запада» во главе с США. Важной особенностью формирования данной угрозы является то, что она носит не, так-называемый, естественный характер, обусловленный объективными условиями и результатами реализации совокупности экономических закономерностей и финансовых процессов, а является «рукотворной», субъективно навязанной из вне.

При этом, последствия реализации указанной угрозы, начали проявляться раньше 2022 года. Так в 2018 году Российская Федерация находилась на 12-м месте в списке крупнейших экспортеров мира, её доля составляла 2,3% мирового экспорта [6], однако в 2019 году страна занимала уже 16-е место в списке, а в 2020 году опустилась на 17-е место, в тоже время причины такого спада не были связаны с мировой пандемией «КОВИД-19».

Отраслевая специализация Российской Федерации на сырьевом секторе находит свое отражение и в достаточно высоком прямом участии в глобальных производственно-сбытовых цепочках и, в то же время имеет значительно низкую долю участия в самих производственных процессах (обратных процессах), и соответственно, в цепочках сбыта производственных товаров с высоким уровнем добавленной стоимости (см. рис. 1.3.1 и 1.3.2) [7].

Здесь следует отметить, что низкий уровень обратного участия США в глобальных производственно-сбытовых цепочках объясняется специфической конфигурацией их национальной экономики, основанной на транснациональных корпорациях, которые активно выводят трудоёмкие, неэкологичные и ресурсоёмкие производства за пределы своей страны. При этом на фоне сокращения промышленного производства на собственной территории США, пользуясь и злоупотребляя неограниченными возможностями по производству (печатанию) денег как фактически единственный эмитент мировой валюты – доллара, создавали у себя глобальные финансовые институты для монопольного управления всей мировой экономикой, финансово подчиняя себе экономики других стран, в том числе опираясь на свою военную мощь, организуя по всему миру свое военное присутствие и создавая военные конфликты.

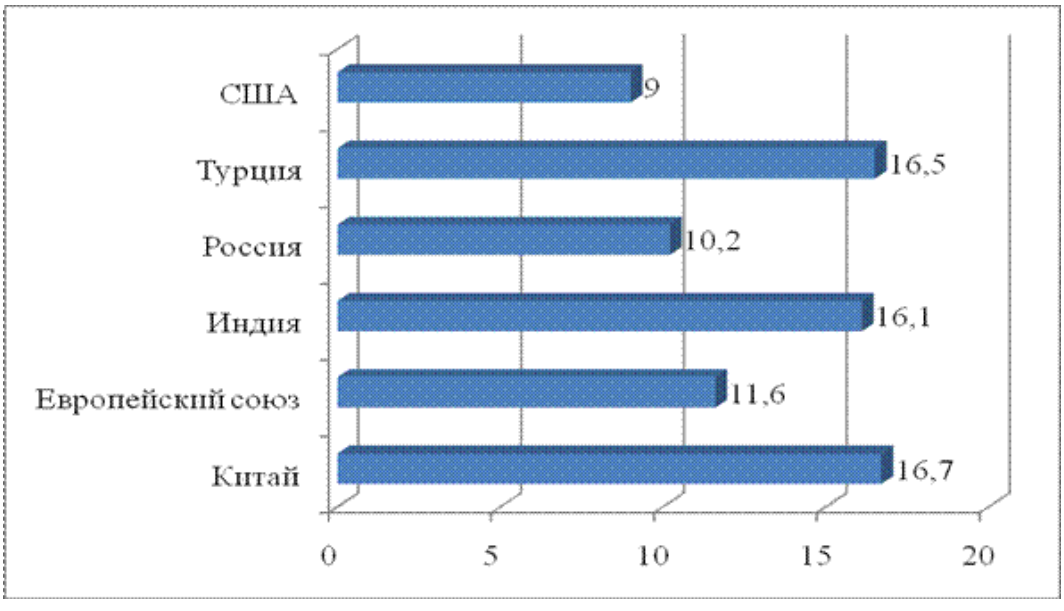

Рис. 1.3.1. Доля обратного участия стран в глобальных производственно-сбытовых цепочках (% от общего объема экспорта)

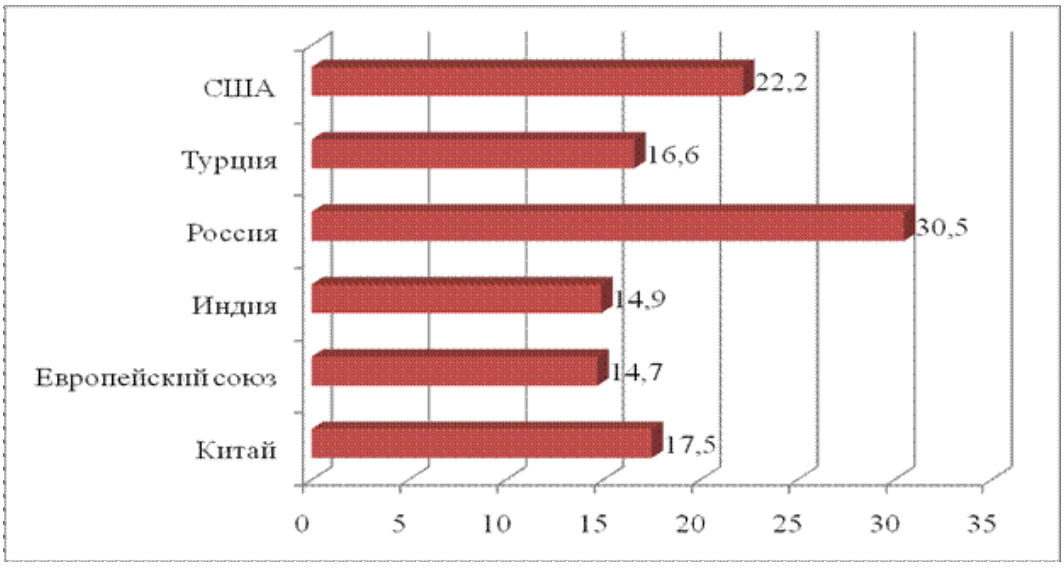

Рис. 1.3.2. Доля прямого участия в глобальных производственно-сбытовых цепочках (% от общего объема экспорта)

Прямое участие страны в глобальных производственно-сбытовых цепочках отражает тот объем добавленной стоимости, созданной в стране, которая не относится к конечному потреблению в пункте назначения экспорта, а реэкспортируется далее. Высокий уровень прямого участия в глобальных производственно-сбытовых цепочках показывает, что национальная экономика производит и экспортирует больше, так называемых, промежуточных товаров или услуг, которые впоследствии используются в составе продукции, экспортируемой другими странами. Так около 30% экспорта из Российской Федерации участвует в дальнейших экспортных процессах из других стран, и это является самым высоким показателем среди стран с сопоставимым уровнем развития экономики. Это в полной мере согласуется с тем, что структура российского экспорта в основном представлена сырьевыми товарами, которые впоследствии реэкспортируются иностранными торговыми партнерами, но не в их первоначальном виде, а перерабатываются и далее следуют в глобальных цепочках уже в составе произведенных товаров с большим объемом добавочной стоимости (например, детали и комплектующие или конечные товары).

Обратная вовлеченность Российской Федерации в глобальные производственно-сбытовые цепочки составляет всего порядка 10%, это ниже, чем наблюдается в среднем по странам Европейского Союза, и значительно ниже, чем значения данного показателя для таких стран, как Турецкая Республика, Республика Индия и Китайская Народная Республика. При это, необходимо отметить, что существующая доля обратного участия Российской Федерации в, так называемой, иностранной добавленной стоимости в структуре национального экспорта, имеет свою специфику и обусловлена тем, что импортируемые (в достаточно крупных объемах) ресурсы в основном предназначены для обеспечения добычи полезных ископаемых, что еще больше «цементирует» именно добывающий характер российской экономики, тем самым значительно затрудняя процесс противодействия ранее описанной стратегически значимой угрозе экономической безопасности страны.

В целом, согласно устоявшейся точки зрения, что чем выше степень открытости экономики и чем сильнее она интегрирована в глобальные производственно-сбытовые цепочки, тем больше преимуществ получает национальная экономика [8]. Тем не менее на сегодняшний день, данные процессы в основном используются странами «коллективного Запада», а также транснациональными корпорациями как инструмент конкурентной борьбы, с помощью которого реализуется быстрое подавление национальных производств и захват высокодоходных секторов мирового рынка.

Обобщая все вышеизложенное можно сделать вывод о том, что реалии функционирования российской экономической модели, ориентированной на открытый тип стали, начиная с 2014 года, стали крайне опасным угрозообразующим фактором, проявление которого подрывает фундаментальные основы суверенитета страны и ее социально-экономической системы, поскольку открывает широкие возможности для западных стран во главе с США по реализации внешнего управления и ведения, так называемых, «санкционных войн», которые по своим масштабам в конце февраля 2022 года достигли своего апогея и в настоящее время вышли на неправой беспрецедентно высокий уровень, нарушая все нормы международного права. В результате установленный западными странами поли санкционный режим приобрел качественно новые характеристики, приняв комплексный и всеобъемлющий характер. Исходя их этого, есть все основания говорить, что сложившаяся ситуация привела к демонтажу всей модели сотрудничества России со большинством стран «коллективного Запада» и их «вассалов», которая была сформирована за годы постсоветского развития Российской Федерации. Здесь следует отметить, что несмотря на организацию беспрецедентного санкционного давления на Россию и использование всех своих политических, военных и иных ресурсов, «коллективный Запад» со своими «вассалами» во главе с США смог привлечь на свою сторону не более 20-25%, в то время как население стран, поддерживающих или сочувствующих России достигает 50%, а по некоторым оценкам и более. Только население Китая и Индии, не отрицающих, а в некоторых случаях и поддерживающих линию поведения России, составляет порядка 40%.

Не прекращаются попытки «коллективно Запада», хотя и не всегда удачные, по организации планомерного «выдавливания» российской экономики из сформированных процессов, а также глобальных цепочек создания добавленной стоимости. Все это значительно сужает возможности кооперационного замещения неразвитых секторов российской экономики и требует принципиально нового научного подхода к созданию основ и принципов развития национальной экономической системы и, в особенности, ее производственной составляющей, а также выявления и оценки угроз обеспечения экономического и финансового суверенитета и экономической безопасности страны.

В целях обеспечения полноты понимания современных фундаментальных проблем обеспечения экономической безопасности и интенсификации экономического развития Российской Федерации в условиях санкционного давления и адаптации к новой реальности целесообразно сопоставить существующее состояние процесса мировой глобализации процессов жизнедеятельности мирового сообщества с предшеству-

ющими периодами его развития.

Начало и, соответственно, первый этап развития процесса глобализации жизнедеятельности мирового сообщества можно связывать с XX веком, ознаменовавшимся двумя мировыми войнами, как отражением результатов мировой военной глобализации. На этом этапе своего развития экономическая глобализация изначально охватывала лишь ряд стран, которые имели собственные, зачастую крайне индивидуализированные и в определенной мере специфические интересы практически во всех основных сферах их жизнедеятельности (экономика, политика, культура и др.).

В это время развития специфика мировой глобализации, определялась геополитической и геоэкономической структура мира, в основе формирования которой лежали идеологические, политические, экономические, социальные, культурные и другие факторы, обусловленные глобальным (на мировом уровне) противостоянием двух мировых систем – капиталистической и социалистической, окончательно оформившихся после второй мировой войны. В основе указанного противостояния лежали коренные различия в ценностно-мировоззренческих установках двух мировых систем и соответствующее противоборство между ними. При этом основными инструментами и методами борьбы, а также усиления стратегических позиций обоих противоборствующих систем достигалось, в основном путем формирования военно-политических, экономико-политических блоков, и иных блоковых формирований, а также борьбой за включения так называемых «неопределившихся», то есть занимавших нейтральную позицию государств в установившиеся соответствующие сферы влияния с обоих сторон.

В свете этого главной стратегической целью для каждой из противоборствующих сторон являлось не только создание наиболее крупных идеологически-близких формаций, а также обеспечение формирования максимально распределенной системы оснащенных военных баз, но и экспорт или масштабирование своей модели экономическо-политического развития: централизованной планово-директивной – для мировой социалистической системы и формально децентрализованной либеральной-рыночной – для мировой капиталистической системы.

В основе описанной модели первого этапа мировой глобализации экономики, как инструмента противостояния США – сверхдержавы. возглавляющей мировую капиталистическую систему и СССР – сверхдержавы, возглавляющей мировую социалистическую систему, был положен именно процесс идеологической и отчасти экономической экспансии, а не фактор повышения эффективности производственно-торговой деятельности.

Здесь целесообразно отметить, что Советский Союз также выстраивал свою экономическую модель на основе принципов разделения труда и экономической специализации стран, входящих в состав социалистической системы, однако отдельного термина для определения данного явления в советской экономической науке не использовалось.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что обе противоборствующие системы мирового хозяйствования были заинтересованы, прежде всего, в расширенном масштабировании собственной модели развития. Однако распад, в силу ряда причин, СССР и, как следствие, распад мировой социалистической системы привели к тому, что именно созданная западными странами во главе с США интегрированная экономико-политическая формация, а также их транснациональные экономико-производственные объединения стали доминирующими элементами в мировой экономике, а так называемые «стандарты глобализации», навязываемые другим странам, стали обозначаться как общемировые стандарты. При этом реальной функцией и предназначением таких стандартов являлись, как и прежде, экспансия и подавление конкурирующих государств за счет «принудительной специализации», которые если и не скрывались, то фактически никогда не упоминались и не упоминаются в настоящее время, и не рассматриваются в рамках проводимых научных исследований «западного мира». В стратегическом масштабе современная политика западных стран определяется прежде всего их экономическими интересами в таких областях как контроль над товарными и финансовыми потоками, а также над «распространением технологий» и естественных ресурсов.

В результате реализации такой политики сложившаяся мировая экономическая система, объединяющая все государства, является неоднородной и имеет четко выраженную двухуровневую структуру: первый и самый высокий уровень - западные страны во главе с США, так называемые страны «золотого миллиарда»; второй, нижний уровень остальные государства, экономики которых имеют статус развивающихся. Основу второй группы стран составляют государства, входившие ранее в сферу влияния СССР, а также страны, исторически находящиеся под контролем и влиянием отдельных развитых западных государств, в том числе и их бывшие колонии, экономическое развитие которых находится под постоянным мониторингом и контролем, направленным на недопущение перехода их экономик к развитому типу. Ярким примером выступают страны Южной Америки и Мексика, которые не протяжении уже более чем двухсот лет находятся в состоянии «постоянного системного кризиса», проявления которого хоть и носят разнообразный характер, но сохраняют постоянство негативного воздействия на их со-

циально-экономическое развитие.

Влияние западных стран на страны, так называемого, второго (в некоторых источниках именуемых третьего) мира осуществляется путём использования негосударственных глобальных или транснациональных структур.

Состояние социально-экономического и политического противоборства, межгосударственной борьбы и конкуренции, при котором используются в основном политические, экономические и финансовые инструменты воздействия, а главным методом борьбы выступает наложение на отдельные государства ограничений доступа к природным, финансовым, товарным и технологическим ресурсам, в рамках настоящего исследования получило название *«геоэкономическая модель развития».*

Такая модель мирового развития для отдельных государств с глубокой специализацией их национальных экономик в условиях реализации процесса глобализации, может иметь «фатальные» или катастрофические последствия, приводящие к полной потере не только экономического или финансового, но в целом и государственного суверенитета.

Геоэкономическая модель развития, пришедшая после распада СССР и соответствующей мировой социалистической системы на смену биполярной модели мирового развития предшествующего периода, когда две системообразующие сверхдержавы стремились добиться победы в международном противостоянии за счет военных методов воздействия и создания военно-политических блоков и союзов, объективно стала монополярной.

Несмотря на переход к монополярной геоэкономической модели мирового развития военные конфликты не исчезли, они продолжали возникать и возникают в настоящее время, изменив свои источник инициирования и целевую ориентацию. По большей части современные военные инспирированы США при поддержке фактически «вассально» зависимых от них стран «западного мира», в особенности стран - членов блока НАТО. Как уже было сказано, цели современных военных конфликтов претерпели кардинальные изменения. На сегодняшний день главной целью провоцирования государств – объектов вооруженного нападения и формирования «горячих точек» в целых регионах является:

- принуждение к глубокой степени специализации и интеграции в происходящий процесс мировой глобализации;

- навязывание стандартов и вовлечение в контролируемые глобальные производственно-сбытовые цепочки;

- принуждение к следованию мифической либеральной модели экономического развития по западным «лекалам».

Достаточно серьезное экономическое отставание Российской Федерации от стран «золотого миллиарда», формирующих современный процесс мировой глобализации, объясняется не столько декларируемым «проигрышем» в холодной войне, сколько резким, извращенным и неподготовленным «вхождением» в процесс монополярной мировой глобализации в ходе проводимых в 90-х годах прошлого века так называемых «рыночных реформ». В результате ресурсы страны по большей части были разграблены зарубежными «партнерами», ранее существовавшая экономика России была значительно разрушена, а ее остатки полностью интегрированы во внешнюю экономическую инфраструктуру стран «золотого миллиарда», эксплуатирующую, подавляющую российскую экономику и не дающую ей развиваться, что сделало принципиально невозможным достижение Россией такого уровня социально-экономического развития, который имеют сами страны «золотого миллиарда», главным образом Соединенные Штаты Америки.

Описанные факты раскрывают сущность и содержание масштабной стратегически значимой угрозы экономической безопасности Российской Федерации, а именно реализации внешнего блокирования её социально-экономического развития по мере роста благосостояния населения и экономического потенциала страны путем использования негосударственных или надгосударственных глобальных транснациональных структур, путем воздействия на мировую экономическую инфраструктуру для создания таких конъюнктурных условий, которые провоцируют кризисные состояния в российской экономике и оказывают значительное тормозящее воздействие на процесс её экономического развития.

С описанными выше стратегически значимыми угрозами экономической безопасности Российской Федерации имеет тесную взаимосвязь и во многом взаимную обусловленность еще одна не менее опасная масштабная угроза, связанная с формированием мировых экономико-политических центров влияния на основе транснациональных корпораций.

Примерно до середины прошлого века стратегически значимые угрозы и проблемы в сфере обеспечения экономической безопасности были связаны в основном со страновой спецификой организации финансово-хозяйственной деятельности суверенных государств, которые были обусловлены присущими им особенностями исторического, культурного и идеологического развития и эволюции. Для экономик западных стран характерной чертой является их ориентация «вовне», провозглашая тем самым экспансию своей цивилизационной модели на максимально большее количество суверенных государств в качестве основной доктрины социально-экономического развития.

При этом исторически для Российской Федерации по большей части характерно обеспечение собственной жизнеформирующей автономности

в совокупности с «эволюционным», преимущественно «оборонным» характером взаимодействия с окружающими государствами, что несмотря на проведенные и проводимые реформы эти тенденции сохраняются и в настоящее время. В свете этого серьезной стратегически значимой угрозой экономической безопасности Российской Федерации, обусловленной процессом глобализации мирового хозяйства, является утрата финансового и в целом экономического суверенитета страны, что характерно для подавляющего большинства как государственных, так и политических формирований в мире, за исключением США.

На основе изложенных результатов анализа функционирования предельно открытой экономической системы Российской Федерации в условиях глобализации всех жизнеформирующих процессов существования мирового сообщества можно сделать вывод о том, что для выходя из сложившейся ситуации полной экономической зависимости и вассального подчинения России «западному миру» необходимо разработать и реализовать на государственном уровне новую концепцию модели хозяйствования Российской Федерации, основанной на принципе оптимальной ограниченной открытости национальной экономики. При этом в качестве критерия оптимизации, определяющего рациональные границы и степень открытости национальной экономики, должны стать реализация собственных интересов российского государства, общества и личности в сфере обеспечения экономического и финансового суверенитета страны, обеспечения её экономической, в том числе, производственной, продовольственной и финансовой безопасности, с одновременной ускоренной модернизацией и обновлением всего производственного комплекса страны как неотъемлемых элементов обеспечения национальной безопасности России в целом.

Еще одним существенным фактором, определяющим векторы современного развития России и западных стран, являются особенности организации экономической и производственной деятельности, которые объективно обусловлены имающимися большими территориальным и ресурсными возможностями Российской Федерации, с одной стороны, и соответствующими ограниченными ресурсными возможностями, с другой стороны. Западные страны, исторически, имеют ограниченные запасы ресурсов, из-за этого они были вынуждены определить в качестве основного приоритета своего развития инновационный путь, высокие темпы модернизации и совершенствования технологий. Данные факторы способствовали становлению западных стран как экономически развитых, обладающих мощным промышленным потенциалом субъектов мировой экономики. Но при этом, эти страны были и остаются в сильной степени ресурсно-зависимыми от России.

Перед Российским государством подобные задачи в прямой постановке не ставились на всем протяжении всего времени его существования, за исключением советского и последующего периодов, а социально-экономическое развитие обеспечивалось, как правило, за счет расширения собственных границ путем присоединения малонаселенных и отсталых, однако обладающих богатым ресурсным потенциалом сопредельных территорий и государств. Экстенсивный путь развития России, временами прерывающийся принудительной и скачкообразной модернизацией (индустриализацией и т. д.) во многом обусловлен именно колоссальными (можно сказать избыточными) запасами природных ресурсов. Для обновленной России конца XX и начала XXI веков задача интенсивного производственно-технологического развития также не ставилась в силу навязанной из вне ресурсно-добывающей ориентации ее экономики.

Результатом проявления описанных особенностей стал исторически сформировавшийся «догоняющий» характер экономического развития России, при котором основным ориентиром в гонке экономического развития выступают западные страны. Такая траектория развития является в особенности характерной для относительно коротких периодов быстрого промышленного развития царской России времени Петра 1 и отдельных этапов развития России XIX и отчасти Советского Союза.

В современной России сформировавшаяся экономическая система и тенденции экономического развития, в том числе в сфере организации финансово-хозяйственной деятельности имеют определенные принципиальные отличия от западных.

Так, до настоящего времени основу экономики России составляли такие системообразующие элементы как естественные монополии, имеющие в основном сырьевую ориентацию, а в западных странах такими элементами являются ориентированные на обрабатывающую промышленность, организованную в «транснациональные объединения». Использование в рамках настоящей работы понятия «транснациональные объединения» вместо традиционного термина «транснациональные корпорации» обусловлено тем, что первый более полно отражает суть и смысл всего множества тех международных экономических интеграционных образований, которые на сегодняшний день занимают доминирующее положение в мировой экономике. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что классическое и общепринятое определение понятия «корпорация» трактует его как юридическое лицо с особой долевой и распределенной структурой управления, в которой собственники данного юридического лица не имеют полномочий оперативного управления, и разветвленной

международной сетью филиалов, производственных мощностей и официальных представительств [9].

Важно отметить, что при использовании понятия «корпорация» речь идет именно о юридическом лице, то есть о субъекте экономики, подчинённом элементе национальному и/или международному праву. Однако на сегодняшний день функционал и структура транснациональных корпораций далеко вышли за границы приведенного выше понимания:

- объединяя в себе подразделения политико-правового лоббирования интересов;

- включая в свою структуру фактически целые, пусть и слаборазвитые, государства;

- формируя центры влияния на крупнейшие экономические и политические державы мира.

Таким образом учитывая все вышесказанное, предложенный термин «транснациональные объединения», является обобщающим, имеет в своей классификационной основе:

- производственно-финансовые элементы;

- подразделения политического влияния;

- экономические и финансовые рычаги внешнего управления в том числе и государствами;

- надгосударственный характер своего функционирования.

Для транснациональных объединений характерна высокая географическая рассредоточенность, подразумевающая размещение их производственных структур на территориях большого числа различных государств. В то же время основные элементы их управления, включая так называемые «аналитические исследовательские структуры», отвечающие за политику создание новых технологий и оптимизацию их функционирования, находятся на территории исторически родственного суверенного или «базового» государства, что позволяет устранять ключевые угрозы для своих системообразующих структур. Риску подвержены лишь отдельные производственно-сбытовые структуры транснациональных объединений, которые выведены за пределы «базового» государства. При этом главной уязвимостью процесса функционирования транснационального объединения могут быть внешние по отношению к нему воздействия политического и правового характера по инициативе соответствующих органов власти суверенного государства. В связи с этим, в целях снижения главного странового риска для транснациональных объединений используются интегрированные в них структуры политического влияния и воздействия на отдельные составляющие государственного суверенитета, чаще всего такому внешнему воздействию подвергается финансовый суверенитет страны. Это обусловлено тем, что на сегодняшний день финансы являются главным инструментом управления экономическими процессами, в том числе и на глобальном уровне. Главной целью внешнего вмешательства транснациональных объединений в суверенные сферы государства является реформирование органов государственной власти с целью создания механизмов блокирования процедур, направленных на обеспечение экономической безопасности, финансового и экономического суверенитета соответствующего государства и защиту его национальных интересов. Как правило это достигается политическим, военным и иными путями формирования так называемых демократических институтов управления в стране, основанных на коллегиальном принципе принятия решений. При таком управлении решения, принимаемые верховными органами власти, всегда могут быть заблокированы коллегиальными органами и это, как правило, органы законодательной ветви власти. Такое управление позволяет:

- во-первых, «проталкивать» к принятию такие законодательные акты, которые формируют, закрепляют и обеспечивают эффективное функционирование «удалённого» корпоративного управления теми структурными элементами транснациональных объединений, которые развернуты в соответствующем суверенном государстве;

- во-вторых, одновременно блокировать принятие всех неугодных нормативных актов, преследующих национальные интересы государства, или трансформировать их ключевые формулировки до «безопасного» для транснационального объединения состояния в процессе коллегиального принятия и утверждения соответствующих документов.

Таким образом, транснациональные объединения сами по себе являются источником достаточно большого количества угроз экономической безопасности Российской Федерации, поскольку, по своей сути являются инструментами проникновения «сильных экономик» (и, отчасти, стоящих за ними государств) или отдельных экономических форм в суверенные государства и, как следствие, формирования внешних рычагов управления последними. При этом серьезной угрозой экономической безопасности России, имеющей стратегический масштаб, является, так называемая «демократизация» и «либерализация» (добровольная либо принудительная) ключевых институтов и механизмов государственного управления, которая делает фактически невозможным оперативное принятие решений и реализацию управления экономикой, направленного на обеспечение экономической безопасности страны, защиту её суверенитета и национальных интересов. Деструктивное воздействие на государственный суверенитет в особенности в сфере экономической и финансовой безопасности является неотъемлемой характеристикой деятельности транснациональных объединений, так как в современном мире границы их экономических интересов не совпадают с границами национальных интересов тех государств, в ко-

торых они были изначально созданы. Указанные обстоятельства и обуславливают крайне негативную роль транснациональных объединений не только как финансово-производственных субъектов мировой экономики, но и надгосударственных политических акторов.

Список литературы:

[1] Ерохина Е.А. Теория экономического развития (системно – самоорганизационный подход) / Монография. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. – 160 с.

[2] Оболенский В.П. Открытость национальных экономик: мир и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 1. – С. 5–15.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 14.06.1992 N 630 «О Временном импортном таможенном тарифе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_566/ (дата обращения: 04.08.2026).

[4] Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 N 173-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения: 04.08.2026).

[5] Оболенский В.П. Технологическая модернизация промышленности: вклад импорта // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 8. – С. 33-38.

[6] Russia's Economy Loses Momentum Amidst Covid-19 Resurgence; Awaits Relief From Vaccine. / Russia Economic Report, No. 44. - World Bank Group, 2020. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/12/16/russias-economy-loses-momentum-amid-covid-19-resurgence-says-new-world-bank-report (дата обращения: 04.08.2026).

[7] Андреева Т.В., Курлыкова А.В. Формирование системы показателей оценки эффективности управления ценностной цепочкой продукта пищевой промышленности // Экономические отношения. – 2019. – № 3. С. 1987-2000.

[8] Доклад Всемирного банка об экономике России №44 за 2020 год, с 58-60. // World Bank. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/189351608098609835-0080022020/original/RussiaEconomicReport44inRussian.pdf (дата обращения: 04.08.2026).

[9] Борисов А.Б. Большой экономический словарь / 3-е. изд.: - М.: Книжный мир. 2016. 543 с.

[10] «О Таможенном союзе. // Официальный сайт: Таможенный союз Евразийского экономического сообщества. URL: http://www.tsouz.ru/aboutets/Pages/default.aspx (дата обращения: 04.08.2026).

[11] Росстат — Евразийский экономический союз // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12880 (дата обращения: 04.08.2026).

References:

[1] Erokhina E.A. Theory of Economic Development (A Systems-Self-Organization Approach) / Monograph. – Tomsk: National Research Tomsk State University, 2019. – 160 p.

[2] Obolensky V.P. Openness of National Economies: The World and Russia // World Economy and International Relations. – 2017. – No. 1. – pp. 5–15.

[3] Decree of the President of the Russian Federation dated June 14, 1992, No. 630 «On the Provisional Import Customs Tariff of the Russian Federation» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_566/ (accessed: 04.08.2026).

[4] Federal Law «On Currency Regulation and Currency Control» dated December 10, 2003, No. 173-FZ // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (accessed: 04.08.2026).

[5] Obolensky V.P. Technological Modernization of Industry: The Contribution of Imports // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2010. – No. 8. – pp. 33–38.

[6] Russia's Economy Loses Momentum Amidst Covid-19 Resurgence; Awaits Relief From Vaccine. / Russia Economic Report, No. 44. - World Bank Group, 2020. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/12/16/russias-economy-loses-momentum-amid-covid-19-resurgence-says-new-world-bank-report (accessed: 04.08.2026).

[7] Andreeva T.V., Kurlykova A.V. Development of a System of Indicators for Evaluating the Efficiency of Value Chain Management in the Food Industry // Economic Relations. – 2019. – No. 3. pp. 1987–2000.

[8] World Bank Report on the Russian Economy No. 44 (2020), pp. 58–60. // World Bank. URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/189351608098609835-0080022020/original/RussiaEconomicReport44inRussian.pdf (accessed: 04.08.2026).

[9] Borisov A.B. Comprehensive Economic Dictionary / 3rd ed. – Moscow: Knizhny Mir, 2016. 543 p.

[10] «On the Customs Union.» // Official Website: Customs Union of the Eurasian Economic Community. URL: http://www.tsouz.ru/aboutets/Pages/default.aspx (accessed: 04.08.2026).

[11] Rosstat — Eurasian Economic Union // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12880 (accessed: 04.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-24-30

ОСИПОВ Кирилл Сергеевич,
студент магистратуры 2 года обучения
Высшей школы государственного аудита (факультет),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
тел.: +7(920) 186-83-34,
e-mail: kirill13021719@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются правовое регулирование противодействия нелегальному переводу денежных средств трудовыми мигрантами как фактору, создающему угрозы экономической безопасности Российской Федерации. Помимо этого, статья раскрывает содержание понятия «нелегальный перевод» в контексте валютного и налогового регулирования, систематизируются основные каналы и схемы осуществления таких переводов, среди которых неформальные системы расчетов, использование подставных лиц и операции с цифровыми финансовыми активами, а также анализирует действующую нормативно-правовую базу, регулирующую вопросы данной тематики. Особое внимание в исследовании уделено институциональным механизмам контроля, в том числе роли банков как агентов валютного контроля, деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу, межведомственному взаимодействию и международному сотрудничеству. В заключительной части статьи выявлены пробелы правового регулирования, обусловленные трансграничным характером операций, развитием финансовых технологий и сложностью идентификации конечных бенефициаров, и предложены направления совершенствования системы противодействия, сочетающие нормативно-правовые, технологические и просветительские меры.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность, трудовые мигранты, нелегальные денежные переводы, противодействие, правовые механизмы, валютный контроль.*

OSIPOV Kirill Sergeevich,
2nd year Master's student,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

LEGAL REGULATION OF COUNTERMEASURES AGAINST ILLEGAL MONEY TRANSFERS BY MIGRANT WORKERS AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the legal mechanisms for countering the illegal transfer of funds by migrant workers as a factor threatening the economic security of the Russian Federation. In addition, the paper elaborates on the concept of an "illegal transfer" in the context of currency and tax regulation, systematises the main channels and schemes used to carry out such transfers – including informal settlement systems, the use of nominees, and transactions involving digital financial assets – and analyses the current regulatory framework governing these issues. Particular attention in the study is paid to institutional control mechanisms, including the role of banks as currency control agents, the activities of Rosfinmonitoring, interdepartmental cooperation, and international collaboration. In the final part of the article, gaps in the legal regulation are identified; these stem from the cross-border nature of the transactions, the development of financial technologies, and the difficulty of identifying ultimate beneficiaries. The article also proposes ways to improve the counteraction system by combining regulatory, technological, and educational measures.*

Key words: *economic security, migrant workers, illegal money transfers, counteraction, legal mechanisms, currency control.*

Введение

Экономика и ее современное состояние в Российской Федерации характеризуется значительной зависимостью от труда иностранных граждан, поскольку именно трудовые мигранты обеспечивают восполнение дефицита рабочей силы в сферах строительства, ЖКХ, сельского хозяйства и услуг. Важным следствием масштабной трудовой миграции выступают трансграничные денежные переводы, которые представляют собой значительные финансовые потоки, направляемые мигрантами в страны происхождения. Так, по данным статистики, в 2025 году объемы таких переводов остаются стабильно высокими, показывая существенный рост из года в год [10]. И, учитывая современное состояние и рост трансграничных переводов, все чаще возникает вопрос законности и правомерности проводимых переводов.

Следует отметить, что нелегальные денежные переводы формируют широкий комплекс угроз экономической безопасности государства. Для начала, они способствуют оттоку капитала и искажают платежный баланс, снижая прозрачность международных финансовых потоков. Помимо этого, данные операции нередко сопряжены с уклонением от уплаты налогов и сокрытием реальных доходов, что влечет потери бюджетных доходов. Далее, неформальные каналы переводов средств зачастую используются для финансирования противоправной деятельности, включая легализацию преступных доходов и поддержку экстремистских структур. Наконец, широкое распространение «серых» схем подрывает доверие к финансовой системе и снижает эффективность макроэкономического регулирования.

Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью сбалансировать поддержку легальной трудовой миграции и минимизировать имеющиеся сопутствующие финансовые риски в современных социально-экономических и геополитических условиях, где трудовая миграция компенсирует дефицит рабочей силы в ключевых отраслях, но, вместе с тем, порождает риски для экономической безопасности. Помимо этого, необходимо отметить, что в настоящий момент существующие механизмы контроля не успевают за развитием цифровых платежных инструментов и масштабами трансграничных потоков, что также повышает актуальность исследований на данную тему.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовых механизмов противодействия нелегальным денежным переводам трудовых мигрантов и разработка предложений по их совершенствованию. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть понятие нелегального денежного перевода и классифицировать основные каналы осуществления таких переводов;

2. Охарактеризовать действующую нормативно-правовую базу, регулирующую трансграничные переводы и противодействие легализации доходов;

3. Выявить проблемы действующего правового регулирования данной отрасли в Российской Федерации;

4. Сформулировать предложения по повышению эффективности системы противодействия нелегальному переводу денежных средств трудовыми мигрантами.

Научная новизна настоящей статьи заключается в комплексном межотраслевом подходе к анализу механизмов противодействия нелегальным денежным переводам трудовых мигрантов, поскольку при исследовании учитывались нормы валютного, налогового, уголовного и административного права, а также анализировалась практика финансового мониторинга.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, позволяющие провести анализ законодательства и сопоставить их с правоприменительной практикой, а также методы системного анализа и обобщения информации.

Основная часть

Так, погружаясь в тему исследования, следует отметить, что само понятие нелегального перевода денежных средств официально не закреплено в нормах российского законодательства, что позволяет по-разному трактовать данный термин. Фактически, в широком смысле, нелегальным переводом признается любая транзакция, проведенная с нарушением закона. Однако, говоря в контексте обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, необходимо отметить, что трансграничная операция квалифицируется как нелегальная, если она нарушает требования именно валютного, налогового или антиотмывочного законодательства.

В рамках данной темы исследования, раскрывающей вопросы противодействия нелегальным финансовым операциям со стороны трудовых мигрантов, также важно учитывать особенности именно миграционной среды, поскольку трудовые мигранты нередко выбирают наиболее простые и дешевые способы перевода денежных средств, при этом не всегда понимая, что такие схемы могут нарушать нормы действующего законодательства.

На практике распространены сразу несколько противоправных схем. Во-первых, в платежных документах зачастую указывают ложное назначение перевода, например, маскируют операцию под возврат долга или покупку товара [11]. Целью данного искажения сведений является снижение риска дополнительной проверки со стороны банка. Значительная часть нелегальных операций реализуется с участием посредников,

то есть мигрант передает наличные российскому гражданину или иному лицу, которое оформляет перевод от своего имени, что позволяет частично обойти процедуры идентификации и осложняет установление реального отправителя средств.

Помимо этого, определенные трудности для контроля создают схемы переводов через платежные системы и операции «с карты на карту». В данных случаях суммы нередко делят на несколько транзакций, укладываясь в лимиты, не требующие усиленной проверки, либо совершают переводы в короткие сроки, что затрудняет выявление общей схемы и единого умысла.

Далее, существенную угрозу представляет также незаконное перемещение наличных средств через таможенную границу, в том числе вывоз средств сверх разрешенного лимита без декларирования либо с использованием способов обхода таможенного контроля.

Наконец, развитие цифровых финансовых технологий в современном мире привело к появлению новых каналов нелегальных переводов, связанных с использованием криптовалют и иных цифровых активов, которые позволяют существенно ограничить идентификацию участников операций [11]. При этом конвертация таких активов в традиционные деньги часто происходит через обменные сервисы, не соблюдающие требования законодательства о противодействии легализации доходов и финансированию терроризма.

Таким образом, специфика миграционной среды обусловливает широкое распространение упрощенных и зачастую противоправных способов перевода денежных средств. Все рассмотренные существующие схемы создают серьезные риски для финансовой системы и существенно затрудняют контроль со стороны уполномоченных органов. Именно многообразие и трансграничный характер каналов, используемых для переводов, требуют комплексного подхода к противодействию, сочетающего совершенствование нормативной базы, развитие технологических инструментов мониторинга и просветительскую работу с мигрантами.

Важную роль в рассмотрении тему исследования играет правовая основа противодействия нелегальным денежным переводам в Российской Федерации, которую составляет совокупность нормативно-правовых актов, которые определяют правила проведения валютных операций, порядок проверки участников сделок и полномочия надзорных органов.

Ключевым актом выступает Федеральный закон от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». Данный нормативно-правовой акт закрепляет обязанности резидентов и нерезидентов представлять достоверные сведения и подтверждающие документы [4, ст. 24], а также наделяет кредитные организации функциями агентов валютного контроля и позволяет проверять законность операций и отмечать подозрительные действия [4, ст. 22].

Помимо этого, важную роль играет также Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». В рамках данной темы следует отметить, что рассматриваемый нормативно правовой акт устанавливает правила идентификации клиентов, закрепляет нормы контроля за операциями [3, ст. 4] и выявления бенефициарных владельцев [3, ст. 6.1], а также обязывает банки направлять в Федеральную службу по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) данные о подозрительных транзакциях.

Нельзя не отметить, что правовую основу денежных переводов формируют и указы Президента Российской Федерации. Так, например, Указ Президента Российской Федерации от 27.04.2023 №307 хотя и не регулирует переводы напрямую, но влияет на существенные аспекты рассмотрения данного вопроса, например, устанавливает правила для тех, кто работает в России, включая требования, в том числе, к прохождению процедур дактилоскопической регистрации и оформлению вида на жительство [5], что неоспоримо связано с возможностями банковских операций и осуществления переводов, поскольку, в данном случае, наличие у мигранта стабильного правового статуса обусловливает расширение его возможностей в финансовой сфере, упрощает процедуру открытия банковского счета, идентификации в платежных системах и осуществления трансграничных и внутренних денежных переводов. Данный факт свидетельствует о том, что рассматриваемый нормативно-правовой акт способствует легализации финансовых операций соответствующей группы лиц за счет формирования законодательно закрепленных предпосылок для доступа к банковским и платежным услугам.

Помимо вышеперечисленного, важно отметить, что за нарушения валютного законодательства в Российской Федерации предусмотрена административная ответственность по статье 15.25 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [1]. В свою очередь, за легализацию преступных доходов наступает уже уголовная ответственность по статьям 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]. Однако, нельзя не обратить внимание, что в рамках правоприменительной практики ответственность за рассмотренные нарушения зачастую ложится на работодателя, а не на самого трудового мигранта. Так, например, в 2021 году в соответствии с данными Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.01.2022 по делу №А45-15459/2021 инспекция привлекла организацию к ответственности по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, поскольку компания выплатила зарплату 112

иностранным работникам наличными. По результатам проверки был составлен протокол об административном правонарушении и постановление о привлечении организации к административной ответственности в виде штрафа в размере 3 миллионов рублей [6]. В то же время, исходя из данных Обзора судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024, существуют также примеры целенаправленного уклонения трудовыми мигрантами от оформления карт и счетов в российских банках для получения заработной платы, что также приравнивается к нарушению норм действующего налогового законодательства, поскольку означает прямую выплату средств наличными и, как следствие, сокрытие реальных доходов [7].

Таким образом, правовая база противодействия нелегальным денежным переводам опирается на комплекс нормативно-правовых актов, ключевыми из которых выступают законы №173-ФЗ и №115-ФЗ. В свою очередь, ответственность за рассматриваемые нарушения предусмотрена на основании статей КоАП РФ и УК РФ. Эффективность правового регулирования в данном случае во многом зависит от способности надзорных структур выявлять операции с признаками подозрительности, в частности, по критериям несоответствия доходов и объемов переводов, дробления сумм, использования посредников и транзакций в высокорисковых юрисдикциях.

Говоря об институциональных механизмах контроля и борьбы с нелегальными переводами со стороны трудовых мигрантов, необходимо упомянуть, что они строятся на совместной работе нескольких уполномоченных органов, каждый из которых выполняет закрепленные за ним задачи в общей системе финансового контроля.

Так, первым их уполномоченных органов является Центральный банк Российской Федерации, который не только контролирует работу кредитных организаций и регулирует платежные системы, но и устанавливает правила внутреннего контроля в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма, а также проверяет соблюдение валютного законодательства, что позволяет обеспечить единообразное применение норм в банковском секторе. Помимо этого, важную роль играет и ранее упомянутый Росфинмониторинг, который координирует действия в сфере борьбы с легализацией преступных доходов, а именно анализирует данные от банков, выявляет типичные схемы подозрительных операций, организует взаимодействие между ведомствами и сотрудничает с зарубежными финансовыми разведками [13]. Именно совместная работы данных уполномоченных органов обеспечивает комплексную оценку рисков и оперативную реакцию на новые способы обхода действующего законодательства.

Далее, важным звеном первичного контроля являются сами кредитные организации, которые идентифицируют клиентов, оценивают и проверяют, соответствуют ли транзакции заявленным целям и доходам, а также запрашивают дополнительные документы при подозрительных признаках и передают сведения в последующие уполномоченные органы. При реализации данных полномочий в современном мире банки используют автоматизированные системы мониторинга операций и риск-ориентированные методики.

Нельзя не отметить и Федеральную таможенную службу, которая отвечает за контроль перемещения наличных средств через таможенную границу и выявляет случаи недекларирования, пресекая незаконный вывоз капитала, то есть обеспечивает надзор на этапе физического перемещения денег трудовыми мигрантами из Российской Федерации в страны происхождения [13].

Важно упомянуть, что, как уже было отмечено ранее, в современных условиях денежные переводы трудовых мигрантов выступают важным для изучения элементом как национальной, так и мировой финансовой системы, поскольку они не только стимулируют потребительскую активность в государстве, но и формируют комплекс рисков для экономической безопасности, связанных с непрозрачностью отдельных каналов переводов и их потенциальным использованием в противоправных схемах. В связи с этим особую научную и практическую значимость приобретает задача выявления структуры таких переводов, которая включает в себя распределение по каналам, направлениям и объемам и позволяет адекватно оценивать уязвимости системы финансового контроля и выстраивать эффективные меры регулирования.

В настоящее время структура трансграничных и внутренних денежных переводов, осуществляемых трудовыми мигрантами, не представлена в едином виде открытой статистики, поскольку ранее упомянутые ведомства, такие как, например, Росфинмониторинг, оперируют информацией в рамках риск-ориентированного контроля и расследований, а не публичного мониторинга по социально-демографическим категориям. Данный факт является существенным пробелом современного состояние регулирования аспектов противодействия нелегальному переводу денежных средств трудовыми мигрантами, однако косвенные параметры структуры потоков все-таки могут быть реконструированы на основе типологий подозрительных операций, публикуемых Росфинмониторингом в ежегодных отчетах [9], а также через анализ каналов переводов, выявляемых в рамках межведомственного взаимодействия и надзорной практики. Дополнительными источниками эмпирических данных

выступают аналитические обзоры Банка России по трансграничным переводам физических лиц, отраслевые исследования и научные публикации, в которых агрегируются сведения о преобладающих направлениях, объемах и способах осуществления переводов мигрантами. Именно многоуровневый подход позволяет сформировать представление о структуре потоков и ключевых уязвимостях, значимых для целей валютного контроля и противодействия легализации доходов. Данную структуру можно разделить на несколько сформированных групп.

В первую очередь выделяют группу, сформированную по использованным каналам осуществления, которые делятся на формальные, то есть банковские переводы, системы быстрых платежей, специализированные платежные сервисы или почтовые переводы, и неформальные, к которым относятся схемы, которые не проходят через финансовую инфраструктуру, например, ранее упомянутая передача наличных через доверенных лиц. Далее, особое место занимает группа распределения средств по географическому направлению. В настоящее время, потоки концентрируются, в первую очередь, в сторону государств СНГ, среди которых Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан [10]. Однако в данном случае структура динамична, поскольку на нее влияют миграционные тренды, экономические условия в странах исхода и принимающей стороны, а также внешнеполитические факторы. Помимо этого, важную роль играет и разделение денежных переводов по валютной структуре. Следует заметить, что исторически заметную долю валютных переводов занимали доллары США, но в последние годы наблюдается тенденция к росту доли рублей и других валют. Наконец, значимую нишу занимает и группа, сформированная на основе целей расходования проводимого перевода. Так, средства направляются в страну происхождения на разные нужды, в том числе на содержание семей, погашение кредитов, инвестиции в домашнее хозяйство или малый бизнес на родине.

Таким образом, сведения обо всех подозрительных операциях передаются по определенной цепочке, которая начинается с кредитных организаций, поступает в Росфинмониторинг и аналитические центры Банка России и, при необходимости, направляется в правоохранительные органы для дальнейшего расследования и установления нарушения законодательства. Деятельность всех уполномоченных органов направлена на единую цель, которая заключается в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации путем предупреждения, выявления и пресечения нелегальных денежных переводов, легализации преступных доходов и иных противоправных финансовых операций. Сама структура переводов трудовых мигрантов сочетает формальные и неформальные каналы, различается по географии, валюте, целям и другим аспектам. Причем, значительная часть потоков до сих пор остается вне официальной статистики, что также создает уязвимости для финансового контроля и требует комплексного мониторинга на межведомственном уровне.

Однако, несмотря на структурированную схему противодействия осуществлению нелегальных переводов трудовыми мигрантами, система контроля до сих пор сталкивается с рядом проблем, снижающих ее результативность. Для начала следует отметить, что в современных реалиях сложно установить участников операций из-за широкого использования посредников, подставных лиц и анонимных платежных инструментов. Помимо этого, контроль за наличными расчетами и неформальными системами переводов также остается ограниченным, поскольку данные каналы действуют вне банковского надзора и плохо поддаются традиционному мониторингу. К тому же, развитие финансовых технологий опережает адаптацию контрольных механизмов. В настоящее время злоумышленники активно используют криптовалюты, P2P-платформы и электронные кошельки, где идентификация пользователей часто не отвечает требованиям действующего законодательства, а инструменты отслеживания транзакций недостаточно развиты. Наконец, особую уязвимость демонстрирует именно специфика миграционной среды, поскольку из-за невысокого уровня финансовой и правовой грамотности трудовые мигранты нередко не знают о требованиях закона и рисках участия в сомнительных схемах, поэтому зачастую становятся удобной целевой аудиторией для организаторов нелегальных переводов [12].

Для повышения эффективности противодействия нелегальным переводам необходим комплекс мер, направленный на полноценный и всесторонний контроль проводимых денежных операций. Для начала, важно усилить риск-ориентированный подход с помощью инструментов на базе больших данных и машинного обучения, которые позволят выявлять нетипичные операции и быстрее реагировать на подозрительные транзакции. Помимо этого, целесообразно направить внимание на разработку дополнительных механизмов идентификации, например, за счет биометрии, цифровых профилей участников и создания единого пространства доверия, гарантирующего достоверное установление личности. Далее, важно развивать механизмы контроля и на международном уровне, где целесообразно наладить обмен данными в режиме реального времени между финансовыми разведками и надзорными органами разных стран, что ускорит выявление трансграничных схем [8]. Наконец, важным направлением совершенствования системы противодействия нелегальным переводам является повышение финансовой грамотности самих

трудовых мигрантов. В рамках данной меры целесообразно проводить просветительские мероприятия, выпускать информационные материалы на распространенных среди мигрантов языках и разъяснять, как пользоваться легальными каналами переводов, что поможет снизить вовлеченность работников в незаконные схемы.

В качестве вывода важно заметить, что при реализации рассмотренных мер важно соблюдать баланс между эффективностью контроля и удобством легальных финансовых операций. Нельзя отрицать, что избыточные административные барьеры могут подтолкнуть не только действующих нарушителей, но и добросовестных участников рынка к уходу в теневой сектор и, как следствие, существенно снизить ожидаемый эффект от реализуемых действий.

Таким образом, проведенное исследование однозначно свидетельствует о том, что нелегальные денежные переводы трудовых мигрантов выступают системным фактором угрозы экономической безопасности Российской Федерации, поскольку они обеспечивают устойчивый отток капитала, искажают платежный баланс, ведут к прямым потерям бюджетных доходов и служат каналом финансирования противоправной деятельности, включая схемы легализации преступных доходов.

Существующий правовой инструментарий и институциональная архитектура позволяют выявлять и пресекать подозрительные операции, однако их результативность существенно ограничена технологическими и организационными барьерами, среди которых, в первую очередь, низкая прозрачность неформальных каналов расчетов, недостаточная синхронизация межведомственного и международного обмена данными, а также сложности идентификации конечных бенефициаров.

Заключение

В целях устранения выявленных уязвимостей требуется не декларативное, а предметное усиление системы контроля, а именно внедрение риск-ориентированных алгоритмов мониторинга в кредитных организациях с обязательной фиксацией признаков дробления сумм и аномальной частоты переводов, нормативное закрепление требований к верификации клиентов из числа иностранных граждан, включая синхронизацию данных миграционного учёта и банковской идентификации, расширение практики межведомственных запросов между уполномоченными органами в отношении операций с признаками подозрительности, а также развитие механизмов международного обмена информацией по трансграничным переводам.

Таким образом, нейтрализация рисков, связанных с нелегальными переводами мигрантов, возможна исключительно в рамках жестко скоординированной политики, сочетающей усиление надзорных полномочий, технологическую модернизацию контрольных процедур и адресное правовое регулирование уязвимых сегментов финансового рынка. Реализация такого подхода обеспечит существенное повышение прозрачности финансовых потоков, минимизацию рисков легализации доходов и укрепление устойчивости финансовой системы Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 04.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть 1). – ст. 1.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – ст. 2954.

[3] Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 33 (часть I). – ст. 3418.

[4] Федеральный закон от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. –ст. 4859.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 27.04.2023 №307 «Об особенностях правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445926/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/?ysclid=msivg1dv12731740149 (дата обращения: 07.08.2026).

[6] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.01.2022 по делу №А45-15459/2021 // Информационно-справочная система Аюдар Инфо. URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/7/doc_id/79039/ (дата обращения: 20.07.2026).

[7] Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024) // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520/2c8cb6987af77e733e80ad5d73887b8ad0bee1f5/ (дата обращения: 20.07.2026).

[8] Артюшков Н. И., Прасолов В. И., Закатов Е. Д. Трудовая миграция и её влияние на отмывание денежных средств и финансирование терроризма // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № 5. – URL: https://esj.today/PDF/78ECVN525.pdf (дата обращения: 20.07.2026).

[9] Исследование типологий отмывания денег

и финансирования терроризма // Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу. URL: https://www.fedsfm.ru/documents/typologies (дата обращения: 07.08.2026).

[10] Киргизские мигранты в 2025 году перевели из РФ рекордные $3,2 млрд // Официальный сайт телеканала НТВ. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2966802/ (дата обращения: 20.07.2026).

[11] Орлова Л. Н., Смирнов В. М. Минимизация рисков государства от незаконной трудовой деятельности мигрантов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2024. – Т. 59, №2. – С. 153–176.

[12] Сапир Е. В., Чистякова А. А. Денежные переводы трудовых мигрантов: социально-экономические риски и возможности регулирования // Теоретическая экономика. – 2022. – №11. – С. 77-88.

[13] Тизов Н. В. Валютный контроль, осуществляемый сотрудниками таможенных органов, как составная часть экономической безопасности России // КиберЛенинка. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/valyutnyy-kontrol-osuschestvlyaemyy-sotrudnikami-tamozhennyh-organov-kak-sostavnaya-chast-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii (дата обращения: 20.07.2026).

References:

[1] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on July 4, 2026) (with amendments and additions, effective as of July 7, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on June 10, 2026, with amendments dated June 29, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[3] Federal Law of August 7, 2001, No. 115-FZ «On Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism» (as amended on June 10, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 33 (Part I). – Art. 3418.

[4] Federal Law of December 10, 2003, No. 173-FZ «On Currency Regulation and Currency Control» (as amended on December 28, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 50. – Art. 4859.

[5] Decree of the President of the Russian Federation dated April 27, 2023, No. 307, «On the Specifics of the Legal Status of Certain Categories of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation» // Consultant Plus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445926/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/?ysclid=msivg1dv12731740149 (accessed: August 7, 2026).

[6] Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated January 13, 2022, in Case No. A45-15459/2021 // Audar Info information and reference system. URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/7/doc_id/79039/ (accessed: July 20, 2026).

[7] Review of Judicial Practice Regarding Certain Issues Concerning the Application of Article 15.25 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2024) // Consultant Plus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520/2c8cb6987af77e733e80ad5d73887b8ad0bee1f5/ (accessed: July 20, 2026).

[8] Artyushkov N. I., Prasolov V. I., Zakatov E. D. Labor Migration and Its Impact on Money Laundering and Terrorist Financing // The Eurasian Scientific Journal. – 2025. – Vol. 17. – No. 5. – URL: https://esj.today/PDF/78ECVN525.pdf (accessed: 20.07.2026).

[9] Study of Typologies of Money Laundering and Terrorist Financing // Official Website of the Federal Financial Monitoring Service. URL: https://www.fedsfm.ru/documents/typologies (accessed: 07.08.2026).

[10] Kyrgyz Migrants Transferred a Record $3.2 Billion from the Russian Federation in 2025 // Official Website of the NTV Television Channel. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2966802/ (accessed: 20.07.2026).

[11] Orlova L. N., Smirnov V. M. Minimizing State Risks Arising from Illegal Labor Activities of Migrants // Moscow University Economics Bulletin (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika). – 2024. – Vol. 59, No. 2. – pp. 153–176.

[12] Sapir E. V., Chistyakova A. A. Remittances from Labor Migrants: Socio-Economic Risks and Regulatory Opportunities // Theoretical Economics. – 2022. – No. 11. – pp. 77–88.

[13] Tizov N. V. Currency control exercised by customs officials as an integral part of Russia's economic security // CyberLeninka. – 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/valyutnyy-kontrol-osuschestvlyaemyy-sotrudnikami-tamozhennyh-organov-kak-sostavnaya-chast-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii (accessed: 20.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-31-38

ОЗЕРОВА Раиса Андреевна,
магистрант кафедры правовых дисциплин
Высшей школы государственного аудита
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

АНТИКОНКУРЕНТНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ НА РЫНКЕ БАНКОВСКИХ УСЛУГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ И США

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию антиконкурентных соглашений в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки с акцентом на специфику банковского сектора. Исследуются категории запрещённых соглашений, применяемые стандарты оценки (per se и rule of reason), механизмы доказывания, а также меры ответственности и программы смягчения наказания. Особое внимание уделено современным вызовам, связанным с цифровизацией и алгоритмизацией финансовых рынков. На основе анализа правоприменительной практики и доктринальных источников выявлены ключевые сходства и различия в подходах двух юрисдикций, а также перспективы возможного сближения практик. Обосновывается финансово-правовое значение проблемы: антиконкурентные соглашения кредитных организаций рассматриваются как фактор, искажающий трансмиссию денежно-кредитной политики, увеличивающий расходы бюджетов и затрагивающий устойчивость финансовой системы.*

Ключевые слова: *антимонопольное регулирование, антиконкурентные соглашения, сравнительно-правовой анализ, картельные (горизонтальные) соглашения, банковский сектор, доказывание нарушений, прямые и косвенные доказательства, правило разумности (rule of reason), per se запреты, финансовое право, Банк России, денежно-кредитная политика, публичные финансы, ФАС России, цифровизация экономики, международное сотрудничество.*

OZEROVA Raisa Andreevna,
Master's Student of the Department of Legal Disciplines
of the Higher School of Public Audit
of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ANTI-COMPETITIVE AGREEMENTS IN THE BANKING SERVICES MARKET: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND THE UNITED STATES

Annotation. *The article provides a comparative legal analysis of approaches to regulating anticompetitive agreements in the Russian Federation and the United States of America, with a focus on the specifics of the banking sector. The categories of prohibited agreements, the applicable assessment standards (per se and rule of reason), the evidence mechanisms, as well as liability measures and penalty mitigation programs are examined. Special attention is paid to modern challenges related to the digitalization and algorithmization of financial markets. Based on an analysis of law enforcement practice and doctrinal sources, key similarities and differences in the approaches of the two jurisdictions have been identified, as well as the prospects for possible convergence of practices. The financial and legal significance of the issue is substantiated: anticompetitive agreements between credit institutions are considered a factor that distorts the transmission of monetary policy, increases budget expenditures, and affects the stability of the financial system.*

Key words: *antitrust regulation, anticompetitive agreements, comparative legal analysis, cartel (horizontal) agreements, banking sector, proof of violations, direct and indirect evidence, rule of reason, prohibitions, financial law, Bank of Russia, monetary policy, public finance, FAS of Russia, digitalization of the economy, international cooperation.*

Антимонопольное регулирование соглашений хозяйствующих субъектов является одним из ключевых инструментов обеспечения конкурентной среды. В условиях глобализации и цифровизации экономики особую актуальность приобретает анализ различных правовых подходов к квалификации и пресечению антиконкурентного поведения, особенно в высококонцентрированных и системно значимых секторах, таких как банковский. Российская и американ-

ская правовые системы, несмотря на общую цель - защиту конкуренции, демонстрируют существенные различия в методологии и инструментарии.

Целью настоящей статьи является проведение детального сравнительно-правового анализа регулирования антиконкурентных соглашений в РФ и США, с фокусом на банковском секторе и учётом последних тенденций правоприменительной практики.

Вместе с тем проблема антиконкурентных соглашений в банковском секторе не исчерпывается рамками антимонопольного права и имеет выраженное финансово-правовое измерение. Согласно пункту «ж» статьи 71 Конституции Российской Федерации финансовое и кредитное регулирование, денежная эмиссия, а также федеральные банки находятся в ведении Российской Федерации [1], а кредитные организации являются ключевыми участниками финансовой системы, деятельность которых подчинена публично-правовому регулированию и надзору Банка России [3; 4]. Банковские услуги в этом смысле представляют собой не обычный товар, а канал, через который реализуются публичные финансовые интересы государства: проводится денежно-кредитная политика, обеспечивается устойчивость банковской системы, обслуживаются публичные финансы. Поэтому соглашение банков о ценах, ставках или комиссиях причиняет вред не только отдельным потребителям, но и публичному финансовому правопорядку в целом.

Правовая основа регулирования ограничивающих конкуренцию соглашений в Российской Федерации заложена в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции). Ключевую роль в этом контексте играет статья 11 данного закона, которая устанавливает общий запрет на соглашения хозяйствующих субъектов, если они приводят или способны привести к ограничению конкуренции. При этом законодатель дифференцирует подходы, выделяя несколько категорий таких соглашений с особыми условиями оценки [5].

Прежде всего, речь идёт о картельных (горизонтальных) соглашениях. Согласно части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции, запрещаются договорённости между хозяйствующими субъектами-конкурентами (то есть действующими на одном товарном рынке - как в сфере продажи, так и приобретения товаров), если такие соглашения ведут или могут привести к ряду негативных последствий: установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок; манипулированию ценами на торгах; разделу товарного рынка (по территории, объёму продаж, ассортименту, составу участников); сокращению или прекращению производства; отказу от заключения договоров с определёнными контрагентами [5].

Второй значимой категорией выступают вертикальные соглашения - договорённости между субъектами, действующими на разных уровнях цепочки поставок (например, производитель и дистрибьютор). Часть 2 статьи 11 Закона о защите конкуренции запрещает такие соглашения, если они приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара (за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи) либо содержат обязательство покупателя не продавать товары конкурента продавца. При этом закон предусматривает механизмы оценки допустимости: статья 12 Закона о защите конкуренции устанавливает критерии, при соблюдении которых вертикальное соглашение может быть признано допустимым. Один из ключевых критериев - рыночная доля каждого из участников: если доля каждого на соответствующем товарном рынке не превышает 20%, соглашение получает иммунитет от запрета. Помимо этого, допустимыми могут признаваться соглашения, отвечающие иным условиям статьи 12 Закона о защите конкуренции (например, договоры коммерческой концессии, соглашения между субъектами, входящими в одну группу лиц при наличии контроля). Важно отметить специальное правило: запрет на установление цены перепродажи в вертикальных соглашениях не распространяется на соглашения между самими финансовыми организациями - это обусловлено спецификой рынка финансовых услуг [5; 18]. Представляется, что с финансово-правовой точки зрения данное исключение объясняется тем, что ценообразование на финансовом рынке испытывает непосредственное воздействие публичного регулирования (ключевая ставка, обязательные нормативы и иные требования Банка России), вследствие чего общие антимонопольные правила применяются здесь с учётом специального финансового законодательства [4; 5].

Отдельно часть 4 статьи 11 Закона о защите конкуренции запрещает иные соглашения между хозяйствующими субъектами (за исключением уже упомянутых вертикальных, подпадающих под статью 12 Закона о защите конкуренции), если установлено, что они ограничивают конкуренцию. К таким могут быть отнесены, в частности, договорённости о навязывании контрагенту невыгодных или не относящихся к предмету договора условий, об экономически, технологически или иным образом не обоснованном установлении различных цен (тарифов) на один и тот же товар, о создании препятствий для доступа других субъектов на рынок или выхода из него, об установлении условий членства в профессиональных и иных объединениях. Часть 5 статьи 11 Закона о защите конкуренции запрещает физическим лицам, коммерческим и некоммерческим организациям осуществлять координацию экономической деятельности хозяйствующих

субъектов, если такая координация приводит к последствиям, указанным в частях 1-3 статьи 11 Закона о защите конкуренции, и при этом не может быть признана допустимой согласно статьям 12 и 13 Закона о защите конкуренции или не предусмотрена федеральными законами [5].

Для сравнения: в американской правовой системе подход иной. Основу регулирования составляют Sherman Act (1890), Clayton Act (1914) и FTC Act (1914). Ключевая особенность - применение двух стандартов оценки. Первый - per se запреты. Они применяются к практикам, которые судебная практика однозначно признала заведомо вредными для конкуренции (фиксация цен, раздел рынков, сговор на торгах). Для признания нарушения достаточно доказать сам факт такого соглашения; углублённый анализ его последствий не требуется. Второй стандарт - правило разумности (rule of reason). Оно применяется к большинству вертикальных соглашений и сложным горизонтальным схемам. Суд в этом случае проводит сбалансированный анализ: взвешивает проконкурентные эффекты (например, повышение эффективности, снижение издержек) и антиконкурентные последствия, учитывает рыночную власть участников и реальное влияние на потребителей. В последние годы судебная практика демонстрирует нюансы: например, в 2024 году Апелляционный суд четвёртого округа в деле United States v. Brewbaker постановил, что сговор на торгах (bid-rigging) между компаниями, которые одновременно состоят в вертикальных отношениях (производитель и поставщик), не подпадает автоматически под per se, а должен оцениваться по правилу разумности, поскольку гибридный характер соглашения может нести проконкурентные выгоды. При рассмотрении дел в банковском и иных секторах антимонопольные органы (DOJ, FTC) дополнительно анализируют структурные особенности рынка (уровень концентрации, барьеры входа) и то, как соглашения влияют на доступность услуг для разных групп клиентов [19; 23].

Таким образом, и в российском, и в американском подходе прослеживается стремление найти баланс: с одной стороны - не допустить практик, подрывающих конкуренцию, с другой - не ограничивать без достаточных оснований легальную бизнес-кооперацию, которая может приносить пользу рынку.

В российской практике доказывание антиконкурентных соглашений строится на комплексном использовании как прямых, так и косвенных доказательств. К прямым доказательствам относятся материалы, непосредственно фиксирующие волю сторон на ограничение конкуренции: письменные соглашения, протоколы совещаний, переписка (в том числе в электронном виде - корпоративная почта, мессенджеры, облачные хранилища). Отдельно стоит отметить цифровые следы: данные с электронных торговых площадок, логи, которые ФАС активно собирает и анализирует. Для этого служба использует специализированные инструменты - например, автоматизированную систему «Антикартель», которая позволяет сопоставлять заявки участников торгов и выявлять подозрительные паттерны [7; 12; 16].

Косвенные доказательства (поведенческие паттерны) играют в российской практике не менее важную роль. Антимонопольный орган анализирует совокупность фактов, которые в отдельности могут казаться нейтральными, но в системе указывают на координацию. Среди таких признаков: синхронное изменение цен без объективных рыночных причин, совпадение IP-адресов при подаче заявок, пересечение кадрового состава, использование общей инфраструктуры (единый адрес, контакты), аномальное поведение на торгах (минимальное снижение цены, «победы по очереди»). Однако здесь критически важно не допустить формального подхода [7; 16].

Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2, сама по себе схожесть модели поведения не доказывает сговор [7]. ФАС и суды обязаны установить причинно-следственную связь: доказать, что действия участников были частью единого плана, направленного на ограничение конкуренции, а не являлись следствием независимых, рациональных решений. Если участники приводят убедительные экономические аргументы (например, синхронное повышение цен объяснялось общим ростом себестоимости сырья), эти доводы подлежат оценке. Таким образом, задача органа - сформировать взаимосвязанную систему косвенных доказательств, не оставляющую разумного экономического объяснения вне рамок сговора.

В американской практике (DOJ и FTC) акцент смещён в сторону углублённого экономического анализа и построения так называемых «теорий вреда» (theories of harm). Регуляторы не просто констатируют факт соглашения, а детально прорабатывают гипотезу о том, какой именно механизм и с какой вероятностью приведёт к ущербу для конкуренции. В рамках таких теорий анализируется влияние соглашения на цены, объёмы производства, качество услуг, исследуются сетевые эффекты, барьеры для новых игроков (включая финтех-стартапы), а также специфические современные риски - например, алгоритмическая координация (когда участники используют схожие алгоритмы ценообразования, что создаёт риск неявной синхронизации решений) [20; 22]. Например, в 2023 году DOJ и FTC выпустили обновлённые Руководящие принципы по слияниям (2023 Merger Guidelines), где ещё сильнее подчеркнули роль экономического анализа. В частности, в них расширен спектр теорий вреда: отдельно рассматриваются риски для экосистемной конкуренции, устранения потенциаль-

ных конкурентов, влияния на рынки труда. При этом американские регуляторы подчёркивают: анализ строится с учётом неопределённости - речь идёт об оценке вероятностей, а не абсолютных истин [20; 22].

Сопоставляя подходы, можно отметить: российская практика делает акцент на сборе и системной оценке доказательств (включая цифровые следы), где экономический анализ служит инструментом для подтверждения выводов. В американской модели экономический анализ и построение теории вреда часто выступают центральным элементом расследования - именно экономическая гипотеза во многом определяет направление сбора доказательств и оценку их достаточности.

Специфика банковского сектора порождает особые вызовы для антимонопольного правоприменения: высокая концентрация рынка, системная значимость участников, тесная интеграция с финтехом и всё более распространённая алгоритмизация процессов. Эти факторы требуют от регуляторов гибких подходов к доказыванию нарушений и взвешенной оценки баланса между проконкурентными эффектами новых технологий и рисками ограничения конкуренции.

С точки зрения финансового права значимость проблемы проявляется как минимум в трёх аспектах. Во-первых, конкуренция между банками является необходимым условием трансмиссии денежно-кредитной политики. Банк России во взаимодействии с Правительством РФ разрабатывает и проводит единую государственную денежно-кредитную политику, а целями его деятельности являются, в частности, развитие и укрепление банковской системы и обеспечение стабильности финансового рынка [4]. При этом процентные ставки по кредитам и вкладам, а также комиссионное вознаграждение устанавливаются кредитными организациями по соглашению с клиентами (статья 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности») [3]. Изменение ключевой ставки передаётся в экономику лишь тогда, когда банки самостоятельно и конкурентно формируют свои ставки; картельный сговор «отвязывает» рыночные ставки от решений регулятора и тем самым снижает эффективность одного из основных инструментов финансовой политики государства. Во-вторых, банки являются участниками отношений в сфере публичных финансов: они выдают банковские гарантии в обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов (статья 45 Федерального закона № 44-ФЗ) [6], принимают на депозиты временно свободные бюджетные средства. Сговор в этой сфере завышает издержки публичных заказчиков и в конечном счёте увеличивает расходы бюджетов, что противоречит закреплённому в статье 34 Бюджетного кодекса РФ принципу эффективности использования бюджетных средств [2]. В-третьих, антимонопольное вмешательство на банковском рынке должно соотноситься с задачами обеспечения финансовой стабильности: не всякая кооперация банков (например, в сфере платёжной инфраструктуры или при финансовом оздоровлении кредитных организаций) является антиконкурентной, и её оценка требует учёта позиции финансового регулятора. Не случайно законодатель предусматривает для финансовых организаций особые правила: так, условия признания доминирующим положения кредитной организации устанавливаются Правительством РФ по согласованию с Банком России (часть 7 статьи 5 Закона о защите конкуренции) [5].

В российской практике одним из показательных примеров стало дело о координации на рынке банковских гарантий (2022-2023 годы). ФАС России выявила признаки нарушения части 5 статьи 11 Закона о защите конкуренции: ряд крупных банков согласованно устанавливали единые тарифы и распределяли «зоны ответственности». В качестве доказательств служба собрала переписку менеджеров, а также проанализировала поведенческие паттерны - синхронное изменение тарифов и отсутствие конкурентной борьбы на отдельных торгах [9; 16]. Для финансового права этот кейс показателен тем, что банковские гарантии служат обеспечением исполнения государственных и муниципальных контрактов [6]: завышение их стоимости в результате сговора закладывается в цену контрактов и оплачивается за счёт бюджетных средств, то есть ущерб от картеля в конечном счёте ложится на публичные финансы. Этот кейс демонстрирует, как в российской практике комбинируют прямые доказательства (переписка) и косвенные (поведенческие паттерны), чтобы выстроить причинно-следственную связь между действиями участников и ограничением конкуренции.

Другой актуальный тренд - анализ соглашений банков с финтех-компаниями. ФАС регулярно оценивает эксклюзивные договоры, задаваясь вопросом: не создают ли они барьеров для входа на рынок цифровых финансовых услуг других игроков? В таких делах регулятор применяет подход, близкий к rule of reason: тщательно взвешивает проконкурентные эффекты (например, стимулирование инноваций, повышение эффективности услуг) и потенциальные риски ограничения доступа конкурентов [9]. Это отражает общую тенденцию: при оценке сложных цифровых экосистем формальный запрет часто уступает место детальному анализу последствий.

В американской практике также видны схожие вызовы, но с некоторыми особенностями в методологии. В 2022 году Министерство юстиции США (DOJ) расследовало координацию между JPMorgan Chase, Bank of America и Citigroup при торгах за государственные контракты. Банки обменивались конфиденциальной информацией о заявках конкурентов. В этом в деле DOJ приме-

нил стандарт per se (когда само действие признаётся незаконным без глубокого анализа его эффективности), несколько сотрудников привлекли к уголовной ответственности, а банки выплатили штрафы. Здесь акцент сделан на жёсткой реакции на явную координацию, которая сама по себе подрывает конкуренцию [9]. Таким образом, и в американской практике картели на рынке банковских услуг, связанных с публичными контрактами, расцениваются в том числе как посягательство на интересы публичных финансов.

Ещё более сложный вызов возник в 2024 году, когда DOJ возбудило дело против компании, разрабатывавшей программное обеспечение для банков. Обвинение строилось на том, что алгоритм, используемый банками, позволял им негласно координировать цены или условия кредитования [9; 10]. Этот кейс поднимает важные вопросы для правоприменения: как оценивать роль технологий в координации, как анализировать «чёрные ящики» алгоритмов и как разграничивать автономные действия системы и намеренное манипулирование ею со стороны участников рынка.

Финансово-правовая природа банковской конкуренции особенно отчётливо проявляется в американской модели контроля экономической концентрации. Основными полномочиями по рассмотрению слияний банков обладают федеральные банковские регуляторы - Федеральная резервная система, Федеральная корпорация по страхованию вкладов (FDIC) и Управление контролёра денежного обращения (OCC), тогда как DOJ участвует в оценке конкурентных последствий таких сделок. В сентябре 2024 года DOJ отказалось от специальных Руководящих принципов по слияниям банков 1995 года и выпустило банковское приложение (Banking Addendum) к Руководящим принципам 2023 года, подготовленное во взаимодействии с указанными регуляторами [21]. Тем самым в США защита конкуренции в банковском секторе встроена в систему финансового (банковского) регулирования. В России аналогичную функцию выполняет взаимодействие ФАС России и Банка России как мегарегулятора финансового рынка [4; 5].

Сопоставляя эти примеры, можно отметить общую тенденцию: и в России, и в США регуляторы всё чаще сталкиваются с необходимостью адаптировать инструменты доказывания к новым реалиям - цифровизации, алгоритмизации, сложным партнёрствам. В российской практике акцент делается на комплексном сборе и системной оценке доказательств (включая цифровые следы), где экономический анализ служит инструментом для подтверждения выводов. В американской модели экономический анализ и построение «теории вреда» часто выступают центральным элементом расследования - именно экономическая гипотеза во многом определяет направление сбора доказательств и оценку их достаточности. В обоих случаях ключевой задачей остаётся нахождение баланса: с одной стороны - пресечение антиконкурентных практик, с другой - не подавление инноваций, которые могут иметь значительный проконкурентный эффект.

В настоящее время, несмотря на фундаментальные различия правовых систем - континентальное право в России и прецедентное в США - в антимонопольной сфере наметился заметный тренд на сближение подходов.

Одним из ключевых направлений этого сближения стал анализ цифровых рынков. И в России, и в США антимонопольные органы при оценке рыночного положения компаний всё активнее учитывают такие факторы, как сетевые эффекты, контроль над данными и риски алгоритмической координации. В России это нашло отражение в «пятом антимонопольном пакете»: в Закон о защите конкуренции были официально введены понятия «сетевой эффект» и «цифровая платформа», а также закреплены специальные критерии для определения доминирующего положения с учётом этих особенностей. Аналогично в США и ЕС регуляторы (например, FTC, DOJ) в своих обзорах слияний и расследовании практик платформ делают акцент на том, как накопление данных и алгоритмические механизмы усиливают рыночную власть и создают барьеры для новых игроков. Особую сложность представляет выявление алгоритмического сговора: когда алгоритмы ценообразования, учитывающие действия конкурентов, приводят к негласной координации цен, имитируя картель без прямых письменных договорённостей. Здесь обе юрисдикции ищут баланс: с одной стороны - не подавлять инновации в сфере алгоритмического управления, с другой - не допустить скрытого ограничения конкуренции [8; 11; 15].

Второе важное направление - оценка слияний. В обеих системах растёт внимание к так называемым «убийственным приобретениям» (killer acquisitions). В ответ регуляторы в США и ЕС стали активнее применять экономический анализ, фокусируясь на оценке потенциальной конкуренции и долгосрочных эффектов сделки. В России этот подход пока развивается: эксперты отмечают, что существующий количественный подход к контролю концентрации ограничивает возможности выявления таких сделок в инновационном секторе, и обсуждают необходимость специальных методических инструментов [14].

Третьим фактором сближения выступает международное сотрудничество. Площадки вроде Международной конкурентной сети (ICN), ОЭСР и ЮНКТАД действительно способствуют обмену лучшими практиками. В рамках этих форумов антимонопольные ведомства разных стран обсуждают актуальные вызовы (цифровые рынки, трансграничные картели, новые формы концентрации), координируют расследования и

вырабатывают общие подходы к сложным вопросам. Яркий пример - инициатива ФАС России по созданию Рабочей группы ЮНКТАД по трансграничным картелям, которая была запущена в 2020 году [13; 17].

При этом важно подчеркнуть: слепое копирование практик невозможно и нецелесообразно. Различия в экономических условиях (структура рынков, уровень развития технологий), институциональных особенностях (роль судебной практики, система правоприменения) и геополитических факторах неизбежно влияют на то, как те или иные инструменты работают на практике. То, что эффективно в одной юрисдикции, может дать сбой в другой из-за иных правовых традиций или рыночных реалий. Поэтому наиболее продуктивным подходом сейчас считается не унификация, а взаимное обогащение: изучение успешного опыта других стран с последующей адаптацией конкретных механизмов с учётом национального контекста.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что российская модель делает акцент на чётких законодательных запретах и критериях допустимости, тогда как американская система опирается на гибкое судебное толкование и экономический анализ. В банковском секторе обе юрисдикции сталкиваются со схожими вызовами, связанными с цифровизацией и алгоритмизацией, и ищут баланс между защитой конкуренции и стимулированием инноваций.

Вместе с тем проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что антиконкурентные соглашения на рынке банковских услуг представляют собой проблему не только антимонопольного, но и финансового права. Во-первых, банки являются ключевым звеном механизма реализации денежно-кредитной политики, и картельные соглашения о процентных ставках и комиссиях искажают передачу решений Банка России в экономику, снижая эффективность публичного финансового регулирования. Во-вторых, сговор кредитных организаций на рынках, связанных с публичными финансами (банковские гарантии по государственным контрактам, размещение бюджетных средств), ведёт к неэффективному расходованию бюджетных средств и противоречит принципу эффективности, закреплённому бюджетным законодательством. В-третьих, в банковском секторе защита конкуренции неотделима от обеспечения финансовой стабильности, что требует согласованного применения антимонопольного и банковского законодательства и тесного взаимодействия антимонопольного органа с финансовым регулятором - как это реализовано в США во взаимодействии DOJ с федеральными банковскими регуляторами, а в России - во взаимодействии ФАС России с Банком России.

С учётом изложенного перспективными направлениями представляются: развитие механизмов совместной оценки ФАС России и Банком России соглашений кредитных организаций, способных повлиять на трансмиссию денежно-кредитной политики и устойчивость финансового рынка; усиление антимонопольного и финансового контроля на рынках банковских услуг, обслуживающих публичные финансы; а также селективное использование зарубежного опыта с учётом национальных особенностей и развитие международного сотрудничества в рамках существующих площадок.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – 04.07.2020.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. - № 31. - Ст. 3823.

[3] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 6. - Ст. 492.

[4] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 28. - Ст. 2790.

[5] Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 08.03.2026, с изм. от 29.04.2026) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 31 (1 ч.). -Ст. 3434

[6] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. - № 14. - Ст. 1652.

[7] Разъяснение N 3 Президиума Федеральной антимонопольной службы «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» (утв. протоколом Президиума Федеральной антимонопольной службы от 17 февраля 2016 г. N 3) // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/71342856/ (дата обращения: 09.08.2026).

[8] Арутюнян А. А., Бербенева А. Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. – 2022. - № 3. - С. 79-96.

[9] База решений и правовых актов Федеральной антимонопольной службы // Официальный сайт ФАС - URL: https://br.fas.gov.ru (дата обращения: 09.08.2026).

[10] Банк как субъект контроля // Официальный сайт ФАС - URL: https://br.fas.gov.ru (дата обращения: 09.08.2026).

[11] Давидюк В. А. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых платформ (мар-

кетплейсов) в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2026. - № 18 (621). - С. 456-460.

[12] Доказательства в антимонопольных делах: стандарты и правоприменительная практика // Юридическая фирма BRACE – URL: https://brace-lf.com/informaciya/konkurentnoe/dokazatelstva-v-antimonopolnykh-delakh?ysclid=msltjxbvz487978970 (дата обращения: 09.08.2026).

[13] Загораева Р. Р. Возможности применения зарубежного антимонопольного опыта в условиях российской экономики // Молодой ученый. - 2021. - № 22 (364). - С. 186-187.

[14] Исаченко У. И. Проблема killer acquisitions в антимонопольном праве: сравнительно-правовой анализ и перспективы для России // Исследования молодых ученых : материалы CXXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2026 г.). - Казань : Молодой ученый, 2026. - С. 84-88.

[15] Карцхия А. А. Конкуренция в условиях цифровизации: российский и зарубежный опыт // Правовая информатика. - 2026. - №2. - С. 224-233.

[16] Назаренко Я., Занина А. Отвечать придется всей картелью // Коммерсантъ. – 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8814356?ysclid=msltk0n911787471754 (дата обращения: 09.08.2026).

[17] ФАС: для противодействия трансграничным нарушениям правил конкуренции важна консолидация международных усилий // Официальный сайт ФАС - URL: https://fas.gov.ru/news/33353?ysclid=msltogii1f601586348 (дата обращения: 09.08.2026).

[18] Цена перепродажи товара: правовой режим вертикальных ограничений // Юридическая фирма BRACE – URL: https://brace-lf.com/informaciya/konkurentnoe/tsena-pereprodazhi-tovara?ysclid=mslslp4wt226582891 (дата обращения: 09.08.2026).

[19] Boyadzhyan D., Carson D. Supreme Court Allows Anomalous Antitrust Carveout for Bid Rigging by Dual Distributors // URL: https://www.manatt.com/insights/newsletters/client-alert/supreme-court-allows-anomalous-antitrust-carveout (дата обращения: 09.08.2026).

[20] DOJ and FTC Issue Final 2023 Merger Guidelines With Significant Changes and Updates // Crowell. - 2023. - URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=2ed8b89c-abec-4d6f-a70f-fa17f4136ac4, свободный (дата обращения: 09.08.2026).

[21] DOJ scraps 1995 Bank Merger Guidelines, overhauling antitrust review and increasing uncertainty // Norton Rose Fulbright. - 2024. - URL: https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/ee83f5e2/doj-scraps-1995-bank-merger-guidelines-overhauling-antitrust-review-and-increasing-uncertainty (дата обращения: 24.09.2026).

[22] FTC and DOJ finalize new merger guidelines articulating expansive theories of enforcement // HOGAN LOVELLS CADWALADER. - 2023. - URL: https://www.hlc.com/en/publications/ftc-and-doj-finalize-new-merger-guidelines-articulating-expansive-theories-of-enforcement (дата обращения: 09.08.2026).

[23] Rooney W., Fleming T.G. Time for a New Sherman Act? The Debate on Antitrust Reform in Historical Perspective // URL: https://www.researchgate.net/publication/362262677_Time_for_a_New_Sherman_Act_The_Debate_on_Antitrust_Reform_in_Historical_Perspective (дата обращения: 09.08.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). – July 4, 2020.

[2] Budget Code of the Russian Federation dated July 31, 1998, No. 145-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Art. 3823.

[3] Federal Law dated December 2, 1990, No. 395-1 «On Banks and Banking Activity» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 6. – Art. 492.

[4] Federal Law dated July 10, 2002, No. 86-FZ «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 28. – Art. 2790.

[5] Federal Law dated July 26, 2006, No. 135-FZ (as amended on March 8, 2026, with changes dated April 29, 2026) «On Protection of Competition» (with amendments and additions, effective from July 1, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part 1). – Art. 3434

[6] Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 14. – Art. 1652.

[7] Clarification No. 3 of the Presidium of the Federal Antimonopoly Service, «Proving Impermissible Agreements (Including Cartels) and Concerted Practices in Commodity Markets, Including in Bidding Processes» (approved by the protocol of the Presidium of the Federal Antimonopoly Service dated February 17, 2016, No. 3) // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/71342856/ (accessed: August 9, 2026).

[8] Arutyunyan A. A., Berbeneva A. D. The Evolution of Antimonopoly Regulation of Digital Platforms // Digital Law. – 2022. – No. 3. – pp. 79–96.

[9] Database of Decisions and Legal Acts of the Federal Antimonopoly Service // Official Website of the FAS – URL: https://br.fas.gov.ru (accessed: August 9, 2026).

[10] A Bank as a Subject of Oversight // Official Website of the FAS – URL: https://br.fas.gov.ru (accessed: August 9, 2026).

[11] Davidyuk V. A. Antimonopoly Regulation of the Activities of Digital Platforms (Marketplaces) in the Russian Federation // Young Scientist. – 2026. –

No. 18 (621). - Pp. 456–460.

[12] Evidence in Antitrust Cases: Standards and Law Enforcement Practice // BRACE Law Firm – URL: https://brace-lf.com/informaciya/konkurentnoe/dokazatelstva-v-antimonopolnykh-delakh?ysclid=msltjxbvz487978970 (accessed: 09.08.2026).

[13] Zagoraeva R. R. Possibilities for Applying Foreign Antitrust Experience within the Russian Economy // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. – 2021. – No. 22 (364). – Pp. 186–187.

[14] Isachenko U. I. The Problem of «Killer Acquisitions» in Antitrust Law: A Comparative Legal Analysis and Prospects for Russia // Research by Young Scientists: Proceedings of the CXXII International Scientific Conference (Kazan, April 2026). – Kazan: Molodoy Ucheny, 2026. – Pp. 84–88.

[15] Kartskhiya A. A. Competition in the Era of Digitalization: Russian and International Experience // Legal Informatics. – 2026. – No. 2. – Pp. 224–233.

[16] Nazarenko Ya., Zanina A. The Entire Cartel Will Have to Answer // Kommersant. – 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8814356?ysclid=msltk0n911787471754 (accessed: 09.08.2026).
[17] FAS: Consolidating international efforts is essential for countering cross-border competition law violations // Official website of the FAS – URL: https://fas.gov.ru/news/33353?ysclid=msltogii1f601586348 (accessed: 09.08.2026).

[18] Resale price of goods: The legal regime for vertical restraints // BRACE Law Firm – URL: https://brace-lf.com/informaciya/konkurentnoe/tsena-pereprodazhi-tovara?ysclid=mslslp4wt226582891 (accessed: 09.08.2026).

[19] Boyadzhyan D., Carson D. Supreme Court Allows Anomalous Antitrust Carveout for Bid Rigging by Dual Distributors // URL: https://www.manatt.com/insights/newsletters/client-alert/supreme-court-allows-anomalous-antitrust-carveout (accessed: 09.08.2026).

[20] DOJ and FTC Issue Final 2023 Merger Guidelines With Significant Changes and Updates // Crowell. – 2023. – URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=2ed8b89c-abec-4d6f-a70f-fa17f4136ac4 (accessed: 09.08.2026).

[21] DOJ scraps 1995 Bank Merger Guidelines, overhauling antitrust review and increasing uncertainty // Norton Rose Fulbright. - 2024. - URL: https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/ee83f5e2/doj-scraps-1995-bank-merger-guidelines-overhauling-antitrust-review-and-increasing-uncertainty (accessed: 24.09.2026).

[22] FTC and DOJ finalize new merger guidelines articulating expansive theories of enforcement // HOGAN LOVELLS CADWALADER. - 2023. - URL: https://www.hlc.com/en/publications/ftc-and-doj-finalize-new-merger-guidelines-articulating-expansive-theories-of-enforcement (accessed: 09.08.2026).

[23] Rooney W., Fleming T.G. Time for a New Sherman Act? The Debate on Antitrust Reform in Historical Perspective // URL: https://www.researchgate.net/publication/362262677_Time_for_a_New_Sherman_Act_The_Debate_on_Antitrust_Reform_in_Historical_Perspective (accessed: 09.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-39-44

ИВАНОВА Светлана Георгиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры юриспруденции Московского городского
университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова,
e-mail: IvanovaSG1@ks.mos.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Аннотация. *Одним из факторов развития социального государства – Российской Федерации, является повышение уровня жизни граждан, создание комфортной среды, обеспечивающей высокое качество жизни. Одним из таких направлений государственной политики является предоставление населению различного рода услуг, охватывающих практически все сферы социальной жизни. Цель работы – провести анализ нормативного правового регулирования предоставления государственных услуг, а также механизм их реализации. В статье обращается внимание на деятельность Многофункциональных центров предоставления государственных услуг в городе Москве, а также классификацию и виды предоставляемых услуг.*

Ключевые слова: *государственные и муниципальные услуги, виды услуг, оказание государственных услуг, заявители, Многофункциональные центры предоставления государственных услуг.*

IVANOVA Svetlana Georgievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence
of the Moscow City University of Management
of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkov

LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES

Annotation. *One of the factors contributing to the development of a welfare state in the Russian Federation is raising the standard of living of citizens and creating a comfortable environment that ensures a high quality of life. One such area of state policy is providing the population with various types of services that cover almost all spheres of social life. The aim of the work is to analyse the regulatory and legal framework governing the provision of public services, as well as the mechanism for their implementation. The article focuses on the activities of Multifunctional Centers for the provision of public services in Moscow, as well as the classification and types of services provided.*

Key words: *State and municipal services, types of services, provision of public services, applicants, multifunctional centers for the provision of public services.*

Конституция РФ в ст.7 п.1 провозгласила Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Кроме того, в ст.114 (в) установлено, что Правительство РФ в частности, обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения [1].

Принципиально новым нормативным правовым актом, перестроившим всю систему федеральных органов и определивших их функции и компетенцию явился Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [2]. В п.1 (д) Указа включено понятие оказание государственных услуг как предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях.

Вслед за появлением такой формулировки в профессиональном сообществе началось обсуждение соотношение понятий «государственная услуга» как они определены в Указе и возмездное оказание услуг, согласно Гражданскому Кодексу РФ. Подводя итог высказанным мнениям, следует присоединиться к позиции, которая принципиально разделяет эти виды услуг. Гражданско-правовые услуги непосредственно связаны с гражданско-правовыми договорами, в которые стороны вступают, проявляя волю и

волеизъявление, формулируя условия договора, устанавливают сроки исполнения. При осуществлении государственных услуг, волеизъявление проявляет только сторона-заявитель, а со стороны исполнителя возникает обязанность оказать запрошенную услугу, причем на основании соответствующего стандарта. Как справедливо отмечалось, в данном случае, это не гражданско-правовые, а административные правоотношения, в которых используется общий термин «услуги» в качестве определенного блага.

Следует согласиться с позицией, высказанной Л.Г. Терещенко, по мнению которой «Термин «публичные услуги» гораздо шире «государственных услуг». Публичные услуги могут оказывать и государственные, и негосударственные структуры. Главное, что их объединяет, - это заинтересованность в них общества, социальная значимость» [3].

Принципиальным явилось принятие Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон № 210) [4].

Закон № 210 устанавливает основные принципы и правила предоставления государственных и муниципальных услуг. В ст.2 содержатся определения терминов «государственные» и «муниципальные услуги». Так, государственная услуга предоставляется федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Интересно, что и в Бюджетном Кодексе РФ в ст.6 указаны государственные (муниципальные) услуги (работы) - услуги, оказываемые органами государственной власти (органами местного самоуправления), государственными (муниципальными) учреждениями и в случаях, установленных законодательством Российской Федерации, иными юридическими лицами [5]. Также, статья 50 Кодекса устанавливая виды налоговых доходов федерального бюджета, говорит в этом контексте о государственных услугах (государственной пошлины за совершение федеральными органами исполнительной власти юридически значимых действий в случае подачи заявления и (или) документов, необходимых для их совершения, в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг).

Государственные услуги предоставляются по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги. Установлен заявительный порядок при оказании такого рода услуг.

Заявитель - физическое или юридическое лицо либо их уполномоченные представители, обращаются в орган, предоставляющий государственные услуги, или в орган, предоставляющий муниципальные услуги.

Впервые в Законе №210 установлена система взаимодействия заявителей и различных государственных и муниципальных органов, которая осуществляется через многофункциональные центры (МФЦ). Таким образом, МФЦ являются своеобразной площадкой – посредником между заявителем и государственным органом, что позволяет заявителю непосредственно взаимодействовать только с МФЦ.

Ст.15 Закона №210 включает в себя нормы об особенностях функционирования и получения услуг в МФЦ. Так, ст.15 устанавливает принцип «одного окна», в соответствии с которым предоставление государственной или муниципальной услуги осуществляется после однократного обращения заявителя с соответствующим запросом, а взаимодействие с органами, предоставляющими государственные услуги, или органами, предоставляющими муниципальные услуги, осуществляется МФЦ без участия заявителя в соответствии с нормативными правовыми актами.

Количество МФЦ в городе Москве увеличивается, так, например, на ноябрь 2026 года, количество таких учреждений было 139, а в Санкт-Петербурге 78. Число учреждений, оказывающих государственные услуги в этих городах не является решающим, хотя важным для жителей. Большее значение имеет количество и перечень оказываемых услуг. В городе Москве свыше 300 услуг являются основными, базовыми, тогда как общее их число более 600. В Санкт-Петербурге количество оказываемых услуг более 400. Причем в этих двух городах число оказываемых услуг постоянно расширяется. Примером может служить взаимодействие МФЦ города Москвы с ГБУ «Малый бизнес Москвы», который оказывает всяческое содействие малым и средним предприятиям, а также индивидуальным предпринимателям, начиная с их регистрации и консультируя по вопросам предпринимательской деятельности.

МФЦ играют ключевую роль в предоставлении государственных услуг. Заявители обращаются за государственными услугами в различных сферах, например для физических лиц это – получение личных документов, социальные пособия, пенсионные выплаты, жилищные правоотношения. Для юридических лиц – это регистрация юридических лиц и ИП, вопросы налогообложения, получение сведений из Реестров. Так, например, отмечается, что «В настоящий момент Росреестр использует высокотехнологичные сервисы с применением технологий искусственного интеллекта, в частности «Цифровой помощник регистратора ЕВА», назначение

которого заключается в автоматизации процесса приема документов в многофункциональных центрах (МФЦ) и совершенствование проведения правовой экспертизы государственными регистраторами» [6].

Как справедливо отмечает Корепина А.В. «Закон предусматривает в качестве обязательного признака инициативу со стороны заинтересованного лица - получателя услуги. Следовательно, характерной чертой правоотношений по предоставлению таких услуг является активное поведение лиц, заинтересованных в их получении (обращение граждан за ее предоставлением, подача необходимых документов и др.)». [7].

Ст. 4 Закона №210, устанавливает принципы предоставления государственных и муниципальных услуг. Среди них: правомерность предоставления государственных и муниципальных услуг; заявительный порядок обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг; правомерность взимания с заявителей государственной пошлины за предоставление государственных и муниципальных услуг, платы за предоставление государственных и муниципальных услуг; открытость деятельности органов, предоставляющих государственные услуги; доступность обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг и предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья. По-нашему мнению, в число принципов предоставления государственных и муниципальных услуг целесообразно включить принцип срочности, поскольку предоставление услуг (также как и другие обращения заявителей) осуществляется в строго определенные сроки.

Так, например, ст.11.1. Закона №210 говорит о том, что заявитель может обратиться с жалобой, в том числе в следующих случаях:

- нарушение срока регистрации запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги;
- нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги. В указанном случае досудебное (внесудебное) обжалование заявителем решений и действий (бездействия) МФЦ, работника МФЦ возможно в случае, если на МФЦ, решения и действия (бездействие) которого обжалуются, возложена функция по предоставлению соответствующих государственных или муниципальных услуг.

Заявитель вправе получить государственную услугу в электронной форме, если это не запрещено законом, а также в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Важно, что такая форма осуществляется по выбору заявителя, за исключением случая, если на основании федерального закона предоставление государственной или муниципальной услуги осуществляется исключительно в электронной форме.

С другой стороны, в некоторых случаях заявитель предоставляет необходимые документы в электронной форме. Такие случаи могут быть прямо предусмотрены в административном регламенте данной услуги, при техническом взаимодействии МФЦ с профильным ведомством (межведомственное взаимодействие), а также, если для получения услуги не требуется личная подача документов. В таких случаях, устанавливаются определенные требования к формату документов: это технические требования, связанные с видом документов, иногда и к разрешению документа и размеру файла. Излишне говорить о том, что не все заявители имеют возможность соблюдать установленные требования в полном объеме. Кроме того, стоит обратить внимание на проблемы, связанные с отсутствием связи в сети интернет. Это приводит к тому, что заявитель уверен, что документы в электронной форме отправлены в соответствующий орган, принимающий решение, тогда как документы в силу технических причин не получены. В таких случаях повторное действие только на стороне заявителя, который вновь отправляет документы и вместе с тем, контролирует их получение. Такие ситуации возникают достаточно часто и, к сожалению, все необходимые действия по исправлению ситуации осуществляются заявителем.

Также важно отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8], что государственные органы обязаны обеспечить доступ к информации о предоставлении государственных услуг через информационно-телекоммуникационные сети, включая Интернет.

В соответствии с пунктом 4 статьи 16 ФЗ №210 МФЦ обязаны:

- информировать заявителей о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг;
- о ходе выполнения запросов о предоставлении государственных и муниципальных услуг;
- консультировать заявителей о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг в МФЦ и через порталы государственных и муниципальных услуг;
- оборудовать в МФЦ рабочие места, предназначенные для обеспечения доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

После вступления в силу ФЗ №210, который предусматривал создание в РФ учреждений, предоставляющих государственные и муниципальные услуги в режиме «Одного окна» в Москве интенсивно стала развиваться данная система. Предусматривалось взаимодействие с государственными органами без участия заявителя для снижения административных барьеров и предо-

ставление государственных услуг более удобным способом для физических и юридических лиц. На этапе развития данной системы в городе Москве было решено, что сначала центры предоставляют услуги некоторых территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти города Москвы (Управления Росреестра, Управления Федеральной налоговой службы, Управления Федеральной миграционной службы и Отделения Пенсионного фонда РФ по Москве и Московской области). На вновь возникшие центры возлагались следующие функции: прием запросов заявителей и выдача документов по результатам предоставления гос.услуг, организация и координация оказания востребованных услуг, представление и интересов заявителей при взаимодействии с органами власти и другими организациями, информирование граждан о порядке получения гос.услуг и ходе исполнения запросов. На сегодня учреждения «Мои Документы» представляют собой важную систему оказания государственных услуг в мегаполисе, и оказывают более 400 видов услуг в таких сферах как недвижимость, оформление документов, социальная помощь, регистрация юридических лиц, и ИП и многие другие.

На основании Закона №210 на уровне города Москвы был принят ряд подзаконных нормативных актов, развивающих положения федерального Закона. Основным нормативным актом, регулирующим данные правоотношения является Постановление Правительства Москвы от 23.04.2014 № 219-ПП (ред. от 01.09.2026) «Об организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных услуг на территории города Москвы».

Государственные услуги в МФЦ города Москвы предоставляются физическим лицам, на основании соглашений о взаимодействии, заключенных федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами исполнительной власти города Москвы, органами местного самоуправления, подведомственными им организациями, с уполномоченным МФЦ. Государственные услуги в МФЦ предоставляются в соответствии с административными регламентами.

МФЦ создаются в форме филиалов ГБУ МФЦ города Москвы на основании решений Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы, который является учредителем учреждений. Предоставляются услуги по принципу «одного окна» на территории города Москвы соответственно через филиальную сеть.

Создание МФЦ в Москве осуществляется в соответствии со схемой их размещения, утвержденной Правительством Москвы, при этом учитывается численность населения районов города Москвы.

МФЦ не являются юридическими лицами и действуют на основании положений, утверждаемых руководителем ГБУ МФЦ города Москвы в соответствии с типовой формой, утвержденной приказом ГБУ МФЦ города Москвы.

Кроме того, указанным Постановлением №219-ПП, Приложением №6 установлен Стандарт обслуживания заявителей при организации предоставления государственных и иных услуг в многофункциональных центрах предоставления государственных услуг на территории города Москвы. Целями данного Стандарта является обеспечение комфортности и доступности предоставления заявителям государственных услуг; повышение качества обслуживания заявителей, а также информирование заявителей о загруженности МФЦ, среднем времени ожидания в очереди в режиме реального времени.

В последние годы жители Москвы восприняли такую форму обращения в МФЦ как использование государственной информационной системы «Портал государственных и муниципальных услуг (функций) города Москвы» при наличии стандартного или полного доступа к подсистеме «личный кабинет».

Указанным Постановлением утвержден перечень государственных услуг. оказываемых филиалами МФЦ, среди них, например, такие как:

государственный кадастровый учет и (или) государственная регистрация прав на недвижимое имущество и предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости. Данные государственные услуги МФЦ оказывает во взаимодействии с Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Москве, филиал публично-правовой компании «Роскадастр» по Москве.

Государственные услуги относительно установления страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, а также по поводу выплаты страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, МФЦ оказывает во взаимодействии с Отделением Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по г. Москве и Московской области (ОСФР по г. Москве и МО).

Регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, выдача, замена паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации и ряд других во взаимодействии с Главным управлением Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Москве.

Также МФЦ оказывает дополнительные государственные услуги, среди которых можно выделить регистрацию транспортных средств,

государственную регистрацию юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств. Ряд дополнительных услуг МФЦ осуществляет при взаимодействии с ГБУ «Малый бизнес Москвы». Среди них предоставление информации по финансовой и имущественной поддержке субъектов малого предпринимательства, Услуга по информированию о Цифровой платформе МСП, а также предоставление информации по вопросам бухгалтерского учета, налогообложения, а также по вопросам трудового и гражданского законодательства в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

Так, по мнению исследователей «Результаты поэтапного внедрения многофункциональных центров в субъектах РФ демонстрируют сокращение сроков получения государственных и муниципальных услуг, снижение межведомственной волокиты, достижение существенного антикоррупционного эффекта за счет отсутствия непосредственного взаимодействия с предоставляющими услуги государственными и муниципальными служащими, исчезновение спроса на деятельность посредников» [10].

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2026).

[2] Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ, № 11, 15.03.2004, ст. 945.

[3] Публичные услуги и право: Науч.-практ. пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Норма, 2007. С. 12. (автор главы - Л.К. Терещенко).

[4] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 01.11.2026) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ, 02.08.2010, № 31, ст. 4179.

[5] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.06.2026, с изм. от 22.10.2026) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, N 31, ст. 3823.

[6] Цифровизация гражданских правоотношений. Проблемы теории и практики: монография / Т.Ю. Астапова, Н.В. Бандурина, М.Ю. Барышников и др.; под общ. ред. Н.В. Бандуриной, М.Н. Илюшиной. Москва: ИНФРА-М, 2026. 216 с.

[7] Корепина А.В., Васильева Я.В., Бойкова А.С. Организация государственных и муниципальных услуг: Учеб. пособ. Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Сев.-Зап. институт (филиал) Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вологда: Фонд развития филиала МГЮА в г. Вологде. С. 9 - 10.

[8] Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ, 16.02.2009, N 7, ст. 776.

[9] Постановление Правительства Москвы от 23.04.2014 № 219-ПП (ред. от 01.09.2026) «Об организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных услуг на территории города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, № 24, 29.04.2014.

[10] Институт государственных и муниципальных услуг в современном праве Российской Федерации: монография / С.А. Васильев, Е.Ю. Грачева, Е.Н. Дорошенко и др.; отв. ред. В.И. Фадеев. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 208 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation, adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: September 15, 2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation No. 314 dated March 9, 2004 (as amended on March 27, 2023) «On the System and Structure of Federal Executive Bodies» // Collected Legislation of the Russian Federation, No. 11, March 15, 2004, Art. 945.

[3] Public Services and Law: A Scientific and Practical Handbook / Ed. by Yu. A. Tikhomirov. Moscow: Norma, 2007, p. 12 (chapter author: L. K. Tereshchenko).

[4] Federal Law No. 210-FZ dated July 27, 2010 (as amended on November 1, 2026) «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» // Collected Legislation of the Russian Federation, August 2, 2010, No. 31, Art. 4179.

[5] Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated July 31, 1998 (as amended on June 26, 2026, with further amendments dated October 22, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, August 3, 1998, No. 31, Art. 3823.

[6] Digitalization of Civil Legal Relations. Problems of Theory and Practice: A Monograph / T.Yu. Astapova, N.V. Bandurina, M.Yu. Baryshnikov, et al.; edited by N.V. Bandurina and M.N. Ilyushina. Moscow: INFRA-M, 2026. 216 p.

[7] Korepina A.V., Vasilyeva Ya.V., Boykova A.S. Organization of State and Municipal Services: A Textbook. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), North-Western Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Vologda: Foundation for the Development of the MSAL Branch in Vologda. pp. 9–10.

[8] Federal Law No. 8-FZ of February 9, 2009 (as amended on July 31, 2025) «On Ensuring Access

to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies» // Collected Legislation of the Russian Federation, February 16, 2009, No. 7, Art. 776.

[9] Decree of the Government of Moscow No. 219-PP of April 23, 2014 (as amended on September 1, 2026) «On the Organization of the Activities of Multifunctional Centers for the Provision of State Services in the City of Moscow» // Bulletin of the Mayor and Government of Moscow, No. 24, April 29, 2014.

[10] The Institution of State and Municipal Services in the Modern Law of the Russian Federation: A Monograph / S.A. Vasiliev, E.Yu. Gracheva, E.N. Doroshenko, et al.; Ed. by V.I. Fadeev. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2016. 208 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-45-49

ТЕРЕШИН Ярослав Андреевич,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Высшая школа государственного аудита,
кафедра правовых дисциплин, 2 курс магистратуры,
e-mail: Yarik2337@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ САНКЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Аннотация. *В данной статье будет рассмотрено современное, действующее санкционное законодательство США, применяемое в отношении Российской Федерации и эффекты, которые оно оказывает. Также в статье будут рассмотрены тенденции развития данного законодательства.*

Ключевые слова: *международное право, государство, международные санкции, меры принуждения, законодательство США.*

TERESHIN Yaroslav Andreevich,
Lomonosov Moscow State University,
Higher School of State Audit, Department of Legal Disciplines,
2nd year Master's degree student

LEGAL REGULATION OF SANCTIONS LEGISLATION IN FOREIGN COUNTRIES: THE CASE OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Annotation. *This article will examine the current, in-force U.S. sanctions legislation applied with respect to the Russian Federation and the effects it produces. The article will also consider trends in the development of this legislation.*

Key words: *international law, state, international sanctions, coercive measures, U.S. legislation.*

Введение

На данный момент, проблема применения односторонних экономических санкций является одной из самых актуальных в современном международном праве. Основными странами, применяющими эти санкционные ограничения являются Соединенные Штаты Америки, Великобритания, а также страны Европейского Союза. Это объясняется тем, что данные государства обладают большим влиянием в международной торговле и могут оказывать значительное воздействие на государства, с более слабыми экономиками и торговыми связями. Именно активность практики применения санкционных ограничений данными государствами позволило сформировать большую законодательную базу по применению данного вида ограничений. При этом возникает вопрос – какими нормативно правовыми актами регулируются применение односторонних санкционных ограничений?

Одной из главных проблем в вопросе изучения санкционного законодательства, является его фрагментарность и то, что оно не систематизировано. Существует большое количество различных исполнительных указов Президента США, законов и директив, которые по большей части дублируют санкционные ограничения, которые они вводят.

Целями данной работы являются анализ санкционного законодательства Соединенных Штатов Америки, применяемого в отношении Российской Федерации. Также одной из целей является систематизация нормативно-правовых актов для более точного и ясного понимания какие нормативно-правовые акты вводят ограничения в отношении российских физических и юридических лиц.

Для достижения поставленных целей, нужно выполнить часть задач:

- изучить действующее санкционное законодательство США, применяемое в отношении Российской Федерации;
- проанализировать действующее санкционное законодательство США, применяемое в отношении Российской Федерации;
- выявить тенденции развития данного законодательства и введения новых санкционных ограничений в отношении Российской Федерации.

Также в рамках данного исследования использовались такие методы исследования как анализ, синтез, абстрагирование и сравнение.

Основная часть

Главным и наиболее часто применяющим экономические санкции государством является

Соединенные Штаты Америки. Данный вопрос находится в ведении Казначейства США (The US Treasury), а именно осуществляется через Управление по контролю за иностранными активами (далее – «OFAC»). OFAC непосредственно следит за соблюдением санкционных ограничений, устанавливает запреты для санкционных лиц доступа к финансовой системе США, или осуществлению сделок или операций с американскими лицами. Свои санкционные ограничения OFAC накладывает в соответствии с Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA). Именно на его основе вводится большинство санкционных программ OFAC [4].

Санкционные ограничения зависят от программы и ее цели. На официальном сайте OFAC есть программы в отношении России, Ирана, Кубы, Северной Кореи и Венесуэлы. В результате виды запретов, применяемых в каждой программе, могут различаться — от блокировки собственности конкретных физических и юридических лиц до запретов для американских лиц на совершение определённых операций или иных сделок с участием указанных лиц или юрисдикций. В отношении России действует следующие программы: Программа санкций, основанная на Акте Магнитского (The Magnitsky Act); Программа санкций за вредоносную зарубежную деятельность России (Russian harmful foreign activities sanctions); Программа санкций в отношении Украины /России (Ukraine-/Russia-related sanctions); Программа санкций, основанная на Законе о противодействии противникам Америки посредством санкций (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions- «CAATSA») [5].

В качестве мер санкционного воздействия, OFAC выделяет следующие инструменты: Санкции на основе списков; санкции в отношении правительства или режима; широкие санкции на основе юрисдикции; секторальные санкции и вторичные санкции. В зависимости от программы используется один или несколько вышеперечисленных инструментов.

Все вышеперечисленные ограничения вводились на протяжении долгого времени различными актами и указами Президента США. Их стоит разделить на введённые до и после 24 февраля 2022 года.

Первый акт, вводящий финансовые санкции против России впервые после распада СССР – Закон им. Магнитского, 2012 года [6]. С одной стороны этот закон отменил поправку Джексона-Вэника и законодательное закрепление нормальных торговых отношений с Россией. С другой стороны, он вводил ограничения в отношении 64 лиц, а также предписывал вносить в этот список лица, которые причастны к убийствам, пыткам или иным нарушениям прав человека. Как такового экономического эффекта не имел.

Также был принят целый ряд различных исполнительных указов (Executive order) Президента США – 13 660, 13 661, 13 662 и 13685.

Исполнительный указ 13 660 был принят 6 марта 2014 года и вводил чрезвычайное положение в связи с событиями в Крыму и на Украине. Он наделял Администрацию США применять блокирующие финансовые и визовые ограничения в отношении определенного круга лиц и тех лиц, которые оказывают им содействия [7]. При этом напрямую Российская Федерация в данном указе не упоминается. Позже по данному указу были введены санкции в отношении 129 физических лиц и 25 организаций.

Второй указ под номером 13 661 был принят 16 марта 2014 года. Он вносил изменения в основания для применения блокирующих финансовых санкций и визовых ограничений. Среди таких оснований - работа в правительственных структурах России, ОПК России, действия от лица или в интересах высокопоставленных российских чиновников, ранее заблокированных по основаниям данного указа лиц, оказание материальной, финансовой или технологической помощи высокопоставленным российским чиновникам или заблокированным по основаниям данного указа лицам [8]. Именно данный указ будет активно использоваться как механизм введения блокирующих финансовых санкционных ограничений против россиян вплоть до начала 2020ых годов. В соответствии с данным указом были введены санкции в отношении 109 физических лиц, 79 организаций, 5 воздушных и 3 морских судна. Организации в основном были представлены оборонными и промышленными предприятиями, а физические лица – высокопоставленные чиновники и руководители крупных государственных компаний.

Исполнительный указ номер 13 662 был принят 20 марта 2014 года. Данный указ играет большую роль в законодательном регулировании санкций, так как именно он вводил секторальные санкции [9]. Таким образом сам факт принадлежности к тому или иному сектору экономики Российской Федерации мог стать основанием для введения ограничений. Полномочие по определению таких секторов было отнесено к полномочиям Министерства финансов США совместно с Государственным департаментом. Среди таких секторов экономики Указ 13 662 выделяет сектор финансовых услуг, энергетику, горнодобывающую и металлургическую отрасли, машиностроение, оборонно-промышленной сектор и другие связанные с вышеперечисленными подсектора экономики. Таким образом, в своей сути данный указ установил правовые основы для введения санкционных ограничений в отношении ряда государствообразующих предприятий и фактического возможности ареста активов [3].

Исполнительный указ 13 662 сопровождался четырьмя директивами Министерства финан-

сов США. Каждая из директив была посвящена разным секторам экономики России и вводила новые санкционные ограничения. Директива 1 была принята 16 июля 2014 года и была связана с финансовым сектором, а также устанавливала запрет для американских лиц долговое финансирование на срок свыше 90 дней (позже в 2017 г. данный срок был уменьшен до 14 дней). Директива 2 также была введена 16 июля. Именно в эту дату OFAC опубликовало «список лиц под секторальными санкциями США» (далее - SSI). Директива 2 вводила те же ограничения, что и директива 1, но в отношении энергетических компаний с установленным лимитом 60 дней.

Директивы 3 и 4 в свою очередь были приняты 12 сентября 2014 года и устанавливали ограничения в отношении оборонно-промышленного и нефтегазового секторов. Для поименованных компаний ОПК вводился 30-дневный срок. А Директива 4 и ее дальнейшие редакции устанавливали запрет (прямой или косвенный) на предоставление товаров, технологий и услуг для развития российских проектов нефтедобычи на арктическом шельфе или добычи сланцевой нефти.

Все вышеперечисленные доктрины в совокупности с исполнительным указом 13 662 ввели в SSI 211 российских организаций. Также в отношении 75 организаций применялись как секторальные, так и блокирующие санкции.

И наконец исполнительный указ 13 685 от 19 декабря 2014 года. Данный нормативно-правовой акт вводил отдельные ограничения для американских лиц или в американской юрисдикции. Главной целью данного акта является блокирование права пользования и распоряжения собственностью определенными лицами и запрета на определенные операции на территории Крыма. Кроме того, данный указ также вводит ограничения на передачу технологий из территории Крыма или наоборот, а также запрет на осуществления инвестиционной деятельности любого лица США вне зависимости от его расположения [10]. Также данный акт вводил новые основания для блокирующих санкций - ведение деятельности на территории Крыма, руководство организацией на территории Крыма, материальная помощь лицам, заблокированных по данному указу, а также действия от их лица.

Стоит отметить, что США 31 января 2015 года сделали ряд послаблений в отношении ранее наложенных санкционных ограничений на Крым. Среди них: разрешение вновь пересылать денежные средства жителям данного региона, не находящимся под персональными санкциями, а также лицам проживающим в Крыму снова разрешили пользоваться банковскими счетами в финансовых учреждениях США, при условии, неделового характера, осуществляемых банковских операций [2, с. 182].

Очень важную роль в регулировании санкционных ограничений, принятых до февраля 2022 года, играет закон о противодействии противникам Америки посредством санкций (CAATSA) принятый в августе 2017 года [11]. Данный нормативный правовой акт фактически кодифицировал все санкционные ограничения, введенные при администрации Президента США Барака Обамы, выносил вопрос санкционных режимов в отношении Российской Федерации на уровень Конгресса США, расширял секторальные санкции (расширял список секторов российской экономики в отношении которых имелось право на введение санкционных ограничений – например железнодорожное производство, металлургия и добыча полезных ископаемых), вводил новые возможности для введения санкций в отношении определенных лиц, за осуществление определенных действий связанных с Россией. Данный закон расширил введение санкционных ограничений даже на те проекты, которые территориально находились за пределами Российской Федерации и ее территориального моря. Закон также вводил ограничения на использование корреспондентских счетов США иностранными финансовыми организациями при условии их вовлеченности в крупные сделки с лицами из санкционных списков, либо способствование в совершении сделок таким лицам. Таким образом именно в законе CAATSA начинаются появляться вторичные санкции США [1].

Все вышеперечисленное является лишь малой частью тех экономических ограничений, которые были введены в отношении Российской Федерации со стороны Соединенных Штатов Америки. Но именно вышеперечисленные нормативные правовые акты стали основой для дальнейшего санкционного давления, особенно после 2022 года.

После 24 февраля 2022 года была принято огромное количество нормативных правовых актов, но самым масштабным и кооперирующим большую часть санкционного законодательства США стал закон «о санкциях против России и Ирана» от 18 сентября 2026 года [11]. Данный закон вводит новые секторальные, блокирующие и неблокирующие санкции против России. Также данный закон значительно расширяет вторичные санкции против 5 главных стран-импортеров российской сырой нефти и природного газа за 12 месяцев до вступления данного закона в силу. Данные санкции подразумевают введение тарифов на весь экспорт товаров для данных стран в размере до 100 процентов. Также закон предусматривает введение 500 процентных пошлин в размере от стоимости на все товары российского происхождения. При этом данный закон устанавливает, что является дополнением к уже действующим пошлинам.

Новые правила освобождают от вторичных пошлин импорт российского природного газа (но не сырой нефти) странами, которые не входят

в пятерку стран, наиболее активно способствующих уклонению России от санкций в нефтяной сфере, как отмечалось выше, импортируют природный газ российского происхождения в объеме менее 15 процентов от общего объема экспорта природного газа из России за последний год и приняли меры по сокращению импорта таких продуктов из природного газа.

Данный закон также создал орган, осуществляющий контроль за исполнением вторичных санкций.

Кроме всего перечисленного, ужесточились санкции против финансового сектора: закон предписывает президенту вводить санкции в отношении любого финансового учреждения, которое, по мнению президента, организовано в соответствии с законодательством России и полностью или частично принадлежит российскому правительству, а также в отношении иностранных финансовых учреждений, которые сознательно участвуют в крупных финансовых операциях с любым российским финансовым учреждением и его дочерними или правопреемными организациями, внесенными в санкционный список в соответствии с законом.

Президент также может ввести санкции в отношении любой организации, в которой российское Правительство имеет контрольный пакет акций или долю, превышающую контрольный пакет, или даже в отношении организации, которая, по мнению президента, связана с российским правительством.

Ограничения коснулись и инвестиций в Россию. Были введены ограничения в отношении российского рынка ценных бумаг. Был введен полный запрет для граждан США на покупку российских государственных облигаций, листинг или торговлю российскими компаниями на биржах ценных бумаг США [13].

При этом данный закон является первым законом санкционного регулирования США, который прописал за Президентом возможность отменять санкции. Зачастую главным критерием в данном случае является формулировка, что такая отмена должна быть в национальных и экономических интересах США. Также в данном законе был прописан четкий и конкретный механизм снятия экономических санкций с России.

Заключение

Таким образом, проанализировав действующее санкционное законодательство Соединенных Штатов Америки, мы видим, что ранее перечисленные нормативные правовые акты направлены на полную изоляцию Российской Федерации из международных торговых отношений. И данный эффект усиливается с каждым новым исполнительным указом или законом.

С другой стороны, некая гибкость, которая была дана Президенту США в вопросе принятия санкций против России ставит под вопрос эффективность и императивность положений, прописанных в новейшем законе.

В результате, можно сделать вывод, что санкционное регулирование в США идет к определенной кодификации законодательства, но при этом оно продолжает дополняться, а законодатель вводить новые санкции против России несмотря на избирательность их применения со стороны главы исполнительной власти.

Список литературы:

[1] Бранзбург П.А. – «Санкции США в отношении ТЭК России: риски и перспективы». - Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы (Сборник статей) / Под ред. С.В. Гландина, М.Г. Дораева. – М.:Инфотропик Медиа, 2018. – С. 42-65.

[2] Максуров, А. А. Международное санкционное право и антисанкционное законодательство Российской Федерации : монография / А.А. Максуров. - Москва : Юстицинформ, 2024. - 488 с.

[3] Сахаров Ю.А. – «Влияние санкций на российский рынок ценных бумаг». - Экономические санкции против России: правовые вызовы и перспективы (Сборник статей) / Под ред. С.В. Гландина, М.Г. Дораева. – М.:Инфотропик Медиа, 2018. – С. 66-77.

[4] Introduction to the Office of Foreign Assets Control. // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/935656/download?inline= (дата обращения: 13.09.2026).

[5] Russia-related Sanctions Programs // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/russia-related-sanctions (дата обращения: 13.09.2026).

[6] Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5801/download?inline (дата обращения: 13.09.2026).

[7] Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5946/download?inlinehttps://ofac.treasury.gov/media/5801/download?inline (дата обращения: 13.09.2026).

[8] Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5956/download?inline (дата обращения: 13.09.2026).

[9] Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5961/download?inline (дата обращения: 13.09.2026).

[10] Blocking Property of Certain Persons and Prohibiting Certain Transactions With Respect to the Crimea Region of Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5966/download?inline (дата обращения: 13.09.2026).

[11] Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-

and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions (дата обращения: 13.09.2026).

[12] One Hundred Nineteenth Congress of the United States of America // Congress.gov URL: https://www.congress.gov/119/bills/hr5334/BILLS-119hr5334enr.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

[13] The Lindsey O. Graham Sanctioning Russia and Iran Act of 2026 becomes law: an overview of the new US sanctions and tariff framework // Clyde&Co. URL: https://www.clydeco.com/en/insights/2026/09/the-lindsey-o-graham-sanctioning-russia-and-iran-a (дата обращения: 13.09.2026).

References:

[1] Branzburg, P. A. – «US Sanctions Against Russia's Fuel and Energy Sector: Risks and Prospects.» In *Economic Sanctions Against Russia: Legal Challenges and Prospects* (Collection of Articles), edited by S. V. Glandin and M. G. Doraev, 42–65. Moscow: Infotropic Media, 2018.

[2] Maksurov, A. A. *International Sanctions Law and the Anti-Sanctions Legislation of the Russian Federation* (Monograph). Moscow: Yustitsinform, 2024. 488 p.

[3] Sakharov, Yu. A. – «The Impact of Sanctions on the Russian Securities Market.» In *Economic Sanctions Against Russia: Legal Challenges and Prospects* (Collection of Articles), edited by S. V. Glandin and M. G. Doraev, 66–77. Moscow: Infotropic Media, 2018.

[4] Introduction to the Office of Foreign Assets Control. // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/935656/download?inline= (accessed: 13.09.2026).

[5] Russia-related Sanctions Programs // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/russia-related-sanctions (accessed: 13.09.2026).

[6] Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5801/download?inline (accessed: 13.09.2026).

[7] Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5946/download?inline (accessed: 13.09.2026).

[8] Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5956/download?inline (accessed: 13.09.2026).

[9] Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5961/download?inline (accessed: 13.09.2026).

[10] Blocking Property of Certain Persons and Prohibiting Certain Transactions With Respect to the Crimea Region of Ukraine // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/media/5966/download?inline (accessed: 13.09.2026).

[11] Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions // OFAC. URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions (accessed: 13.09.2026).

[12] One Hundred Nineteenth Congress of the United States of America // Congress.gov URL: https://www.congress.gov/119/bills/hr5334/BILLS-119hr5334enr.pdf (access date: 09.13.2026).

[13] The Lindsey O. Graham Sanctioning Russia and Iran Act of 2026 becomes law: an overview of the new US sanctions and tariff framework // Clyde&Co. URL: https://www.clydeco.com/en/insights/2026/09/the-lindsey-o-graham-sanctioning-russia-and-iran-a (accessed 09/13/2026).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-50-56

ЯКОВЕНКО Дмитрий Анатольевич,
кандидат экономических наук, доцент,
НОЧУ ВО «Московский экономический институт» (г. Москва),
ORCID: 0000-0003-4864-7981,
e-mail: cafmo@yandex.ru

ЗАХАРОВ Никита Сергеевич,
студент,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород),
e-mail: kitiwe1@yandex.ru

ГОРОДИЛОВА Мария Владимировна,
соискатель,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, филиал в г. Ташкенте (г. Ташкент),
e-mail: pruna2013@yandex.ru

СИМОНОВ Александр Николаевич,
кандидат экономических наук, доцент,
Ставропольский государственный аграрный университет (г. Ставрополь),
ORCID: 0000-0001-8022-0692,
e-mail: simalnik@yandex.ru

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РИСКИ

Аннотация. *В статье рассматривается роль цифровых платформ в системе государственных закупок Российской Федерации. Обосновывается, что цифровизация закупочной деятельности изменила не только технический порядок размещения информации и проведения процедур, но и саму организационную логику взаимодействия государства, заказчиков, поставщиков, контрольных органов и операторов электронных площадок. Цифровые платформы в сфере закупок выступают инструментом повышения прозрачности, снижения трансакционных издержек, стандартизации процедур, расширения доступа участников к закупочной информации и усиления контрольной функции государства.*

Одновременно цифровая трансформация закупочной системы порождает новые риски. К ним относятся зависимость участников от устойчивости информационных систем, формализация закупочных процедур, неравномерность цифровых компетенций заказчиков и поставщиков, угрозы информационной безопасности, риски недобросовестного использования цифровых технологий, а также возможность подмены содержательной конкуренции формальным соблюдением электронных процедур. Отмечается, что эффективность цифровых платформ в государственных закупках не может оцениваться только по степени автоматизации. Она зависит от качества правового регулирования, достоверности данных, доступности цифровой инфраструктуры, согласованности контрольных механизмов и способности системы обеспечивать реальную конкуренцию.

Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие цифровых платформ в государственных закупках должно быть связано с переходом от простого электронного документооборота к более зрелой модели управления закупочным циклом, включающей планирование, размещение закупки, выбор поставщика, исполнение контракта, электронное актирование, контроль и аналитическое сопровождение.

Ключевые слова: *государственные закупки, цифровые платформы, контрактная система, единая информационная система, электронные закупки, цифровизация, эффективность закупок, риски цифровизации, государственное управление.*

YAKOVENKO Dmitriy Anatolevich,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Moscow Economic Institute (Moscow, Russia)

ZAKHAROV Nikita Sergeevich,
Student,
Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

GORODILOVA Mariya Vladimirovna,
Degree Applicant,
Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent Branch (Tashkent, Uzbekistan)

SIMONOV Aleksandr Nikolaevich,
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Stavropol State Agrarian University (Stavropol, Russia)

DIGITAL PLATFORMS IN THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM: EFFICIENCY AND RISKS

Annotation. *The article examines the role of digital platforms in the public procurement system of the Russian Federation. It is substantiated that the digitalization of procurement activities has changed not only the technical procedure for publishing information and conducting procurement procedures, but also the organizational logic of interaction between the state, customers, suppliers, supervisory authorities and electronic platform operators. Digital platforms in procurement serve as a tool for increasing transparency, reducing transaction costs, standardizing procedures, expanding access to procurement information and strengthening the state control function.*

At the same time, digital transformation of the procurement system creates new risks. These include dependence on the stability of information systems, excessive formalization of procurement procedures, uneven digital competencies of customers and suppliers, information security threats, risks of unfair use of digital technologies, and the possibility of replacing real competition with formal compliance with electronic procedures. The article notes that the effectiveness of digital platforms in public procurement cannot be assessed only by the degree of automation. It depends on the quality of legal regulation, data reliability, accessibility of digital infrastructure, consistency of control mechanisms and the ability of the system to ensure real competition.

The conclusion is made that the further development of digital platforms in public procurement should be associated with the transition from electronic document flow to a more mature model of procurement cycle management, including planning, procurement publication, supplier selection, contract execution, electronic acceptance, control and analytical support.

Key words: *public procurement, digital platforms, contract system, unified information system, electronic procurement, digitalization, procurement efficiency, digital risks, public administration.*

Введение

Государственные закупки относятся к числу наиболее значимых инструментов публичного управления. Через закупочную систему государство обеспечивает функционирование органов власти, учреждений здравоохранения, образования, социальной защиты, обороны, коммунальной и транспортной инфраструктуры. Закупки одновременно выступают экономическим, правовым и управленческим механизмом, поскольку через них распределяются бюджетные средства, формируется спрос на товары, работы и услуги, поддерживается деятельность хозяйствующих субъектов и реализуются публичные обязательства государства.

Цифровизация закупочной деятельности стала одним из наиболее заметных направлений трансформации государственного управления. Если на ранних этапах электронные технологии воспринимались преимущественно как способ размещения информации о закупках, то в настоящее время цифровые платформы выполняют более широкий круг функций. Они обеспечивают регистрацию участников, публикацию планов и извещений, подачу заявок, проведение электронных процедур, заключение контрактов, размещение сведений об исполнении обязательств, электронное актирование, контроль и аналитическую обработку данных.

Центральное место в российской системе цифровых закупок занимает единая информационная система в сфере закупок. ЕИС объединяет информацию о закупках по Федеральному закону № 44-ФЗ и Федеральному закону № 223-ФЗ, обеспечивая публичность закупочной деятельности и доступ участников к сведениям о потребностях заказчиков [1; 2]. Вместе с электронными торговыми площадками, реестрами, механизма-

ми электронной подписи и сервисами межведомственного информационного взаимодействия она формирует цифровую инфраструктуру закупочного цикла.

Научный интерес к данной теме обусловлен тем, что цифровая платформа в государственных закупках не является нейтральным техническим посредником. Она влияет на поведение заказчиков и поставщиков, задаёт стандарты оформления документов, определяет скорость взаимодействия, ограничивает или расширяет доступ к информации, повышает прослеживаемость действий участников, а также формирует новые условия контроля. В этом смысле цифровая платформа становится институциональным элементом закупочной системы.

Вместе с тем цифровизация не устраняет автоматически традиционные проблемы государственных закупок. Сохраняются вопросы качества планирования, обоснования начальной цены контракта, добросовестности участников, конкуренции, исполнения контрактов и контроля результата. Более того, цифровая среда может создавать новые формы уязвимости: технические сбои, ошибки данных, зависимость от алгоритмов, киберриски, цифровое неравенство участников, формальное соблюдение процедур при отсутствии реального экономического эффекта.

Поэтому исследование цифровых платформ в системе государственных закупок требует не только описания их преимуществ, но и анализа рисков. Эффективность цифровизации должна оцениваться не по количеству электронных процедур, а по тому, насколько цифровая среда способствует достижению целей закупочной системы: экономии бюджетных средств, развитию конкуренции, прозрачности, снижению коррупционных возможностей, качественному исполнению контрактов и удовлетворению публичных потребностей.

Цель статьи заключается в анализе эффективности и рисков использования цифровых платформ в системе государственных закупок Российской Федерации.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие контрактную систему, закупки отдельными видами юридических лиц, информационные технологии, электронную подпись и защиту данных, а также научные публикации по вопросам цифровизации государственного управления, цифровой экономики и рисков использования цифровых технологий.

Нормативную основу исследования составляют Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Федеральный закон № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», а также подзаконные акты, определяющие порядок функционирования единой информационной системы в сфере закупок и регистрацию участников закупок [1–8].

Теоретическую основу статьи составляют работы, посвящённые цифровизации государственного управления и правовым аспектам цифровой экономики. В частности, положения о перспективах использования цифровых технологий в сфере государственных услуг и управления позволяют рассматривать закупочные платформы как часть более широкой цифровой трансформации публичного сектора [9]. Экономико-правовой анализ инновационной деятельности в цифровой экономике важен для понимания того, что цифровые решения изменяют не только технологическую сторону управления, но и правовую архитектуру экономического взаимодействия [10]. Работы, посвящённые использованию цифровых технологий организованной преступностью и мониторингу финансовых активов криминального происхождения, учитываются при анализе рисков недобросовестного поведения в цифровой закупочной среде [11; 12].

Методологическую основу исследования составили системный, формально-юридический, институциональный и сравнительно-аналитический методы. Системный метод позволил рассмотреть цифровые платформы как элемент закупочной системы, связанный с планированием, размещением, исполнением и контролем контрактов. Формально-юридический метод применялся при анализе нормативных требований к информационному обеспечению закупок. Институциональный подход позволил рассмотреть цифровую платформу как механизм регулирования поведения участников закупок. Сравнительно-аналитический метод использовался для сопоставления эффектов и рисков цифровизации закупочной деятельности.

Статья не содержит эмпирического исследования конкретных закупок, заказчиков или электронных площадок. Такой подход обусловлен целью работы: выявить общие теоретико-правовые и организационно-экономические характеристики цифровых платформ в сфере государственных закупок, а не оценивать результаты отдельной закупочной практики.

Результаты и обсуждения

Цифровые платформы в системе государственных закупок представляют собой не просто электронные сервисы для размещения информации. Их значение состоит в том, что они формируют новую среду закупочного взаимодействия. В этой среде заказчик, поставщик, оператор электронной площадки, контрольный орган и

финансовый орган действуют в рамках единого информационного контура. Закупочная процедура становится не разрозненной последовательностью документов, а цифровым процессом, в котором каждое действие оставляет информационный след.

Наиболее очевидный эффект цифровых платформ связан с повышением прозрачности закупок. Размещение сведений о планировании, извещениях, документации, протоколах, контрактах и их исполнении делает закупочную деятельность более открытой для участников рынка, контрольных органов и общества. Прозрачность в данном случае имеет не только информационное, но и дисциплинирующее значение. Заказчик вынужден действовать в условиях публичности, а поставщик получает возможность сопоставлять условия закупок, отслеживать процедуры и защищать свои права.

Однако прозрачность цифровой платформы не равнозначна полной понятности закупочной системы. Большой объём размещаемой информации требует специальных навыков поиска, анализа и интерпретации. Для профессиональных поставщиков цифровая среда создаёт дополнительные возможности, тогда как для небольших организаций, индивидуальных предпринимателей и социально ориентированных участников она может оставаться сложной. В этом проявляется один из рисков цифровизации: формально доступ к информации открыт, но фактически эффективность участия зависит от цифровой и правовой компетентности.

Важным направлением эффективности цифровых платформ является снижение трансакционных издержек. Электронное взаимодействие уменьшает необходимость личного посещения заказчика, сокращает бумажный документооборот, ускоряет обмен документами, упрощает участие поставщиков из разных регионов. Для публичного управления это особенно существенно, поскольку закупочная система охватывает большое число заказчиков и поставщиков. Цифровая форма создаёт условия для территориального расширения конкуренции, когда участник может участвовать в процедуре независимо от физической удалённости.

Вместе с тем снижение трансакционных издержек не должно пониматься упрощённо. Если электронная процедура сопровождается сложными требованиями к регистрации, электронной подписи, настройке программного обеспечения, подтверждению полномочий, работе в нескольких личных кабинетах и исправлению технических ошибок, то издержки не исчезают, а меняют форму. Они перемещаются из сферы бумажного документооборота в сферу цифровой подготовки и сопровождения участия в закупке.

Существенное значение имеет стандартизация закупочных процедур. Цифровая платформа задаёт единые форматы размещения сведений, подачи заявок, заключения контрактов и обмена документами. Это снижает произвольность действий заказчика и облегчает контроль. В условиях бумажного документооборота отклонения от процедуры могли быть менее заметны; в цифровой среде многие действия фиксируются автоматически. Такая фиксация повышает доказуемость нарушений и дисциплинирует участников.

Однако стандартизация имеет и обратную сторону. Закупочная деятельность не всегда укладывается в типовые цифровые формы. Сложные закупки, инновационные товары, научно-исследовательские работы, услуги с высокой интеллектуальной составляющей требуют гибкости описания объекта закупки и оценки качества предложения. Если цифровая платформа ориентирована преимущественно на формальные параметры, возникает риск сведения закупки к механическому соблюдению процедур. В результате заказчик получает формально корректный контракт, но не всегда оптимальный результат.

Особое место в развитии цифровых закупок занимает электронная подпись. Она обеспечивает юридическую значимость электронных документов и позволяет участникам совершать действия без бумажного носителя [4]. Электронная подпись стала необходимым элементом цифровой закупочной инфраструктуры. Вместе с тем её использование требует надлежащей защиты ключей, соблюдения правил идентификации, понимания правовых последствий подписания документов. Нарушения в этой сфере могут приводить к спорам о действительности действий участника и ответственности за документы, подписанные в электронной форме.

Цифровые платформы усиливают контрольную функцию государства. Информация о закупочном цикле концентрируется в единой системе, что позволяет выявлять нарушения, сопоставлять сведения, анализировать поведение заказчиков и поставщиков, отслеживать исполнение контрактов. Контроль становится более оперативным и основанным на данных. Это соответствует общей логике цифровизации государственного управления, при которой управленческие решения всё чаще опираются на информационные системы и массивы данных [9].

Но контроль, основанный на цифровых данных, зависит от качества этих данных. Ошибки при заполнении информации, некорректная классификация объекта закупки, неточности в документах, несогласованность сведений между системами могут привести к неверным выводам. Цифровая система повышает скорость обработки информации, но не гарантирует её содержательной достоверности. Поэтому эффективность платформы требует не только технической работоспособности, но и культуры данных — правильного внесения, проверки, обновления и использования информации.

Отдельного внимания заслуживает стадия ис-

полнения контракта. Традиционно цифровизация закупок сильнее проявлялась на этапе размещения и проведения процедуры, тогда как исполнение контракта оставалось менее прозрачным. Развитие электронного актирования меняет эту ситуацию. Электронное оформление документов о приёмке позволяет связать заключение контракта с фактическим подтверждением исполнения обязательств. Для государства это создаёт возможность более точного контроля движения бюджетных средств и результата закупки.

Тем не менее цифровизация исполнения контракта не устраняет проблему качества результата. Электронный акт фиксирует юридически значимое действие, но сам по себе не гарантирует, что поставленный товар соответствует потребности заказчика, работа выполнена качественно, а услуга действительно достигла ожидаемого эффекта. Здесь проявляется предел платформенного подхода: цифровая система хорошо фиксирует процедуру, но оценка содержания исполнения требует профессиональной компетенции заказчика.

Одним из наиболее значимых рисков цифровых платформ является риск информационной безопасности. Закупочные системы содержат значительный объём данных о заказчиках, поставщиках, ценах, контрактах, банковских реквизитах, электронных подписях, должностных лицах и финансовых обязательствах. Нарушение безопасности таких данных способно повлечь не только технические сбои, но и имущественный ущерб, недобросовестное вмешательство в закупочные процедуры, подрыв доверия к системе. Законодательство об информации, электронной подписи и персональных данных формирует необходимую правовую основу защиты, но практическая устойчивость цифровых платформ зависит от постоянного обновления технических и организационных мер [3–5].

Цифровая среда создаёт также новые возможности для недобросовестного поведения. Использование автоматизированных инструментов, подставных организаций, согласованных действий, манипулирования цифровыми следами, неправомерного доступа к информации может усложнять выявление нарушений. Исследования, посвящённые криминальному использованию цифровых технологий, показывают, что цифровизация одновременно расширяет возможности контроля и создаёт новые способы обхода правовых ограничений [11]. В закупочной сфере это требует развития не только технического мониторинга, но и аналитических подходов к выявлению аномального поведения участников.

Вопрос добросовестности участников закупок тесно связан с финансовым контролем. Государственные закупки всегда находятся в зоне повышенного внимания с точки зрения рисков нецелевого расходования средств, вывода активов и искусственного завышения стоимости. Поэтому цифровая платформа должна рассматриваться не только как средство проведения процедур, но и как источник данных для финансового анализа и предупреждения злоупотреблений. В этом контексте значимы подходы, связанные с мониторингом финансовых активов криминального происхождения и выявлением сомнительных финансовых операций [12].

Развитие цифровых платформ в государственных закупках связано и с более общей проблемой цифровой экономики. Цифровые технологии меняют экономико-правовые формы взаимодействия, ускоряют обмен информацией, повышают значение данных, алгоритмов и платформенной инфраструктуры [10]. Закупочная система в этом смысле является частью более широкого процесса: государство не просто переводит бумажные процедуры в электронный вид, а формирует цифровую среду публичного рынка. В этой среде доступ к информации, правила идентификации, техническая совместимость и доверие к платформе становятся факторами экономической активности.

Перспективы развития цифровых платформ в закупках связаны с переходом от автоматизации отдельных процедур к управлению полным жизненным циклом закупки. Наиболее перспективной является модель, при которой цифровая система сопровождает закупку от планирования потребности до анализа исполнения контракта. Такая модель позволяет связать бюджетное планирование, обоснование закупки, выбор поставщика, заключение контракта, приёмку результата, оплату и контроль в единую последовательность.

При этом дальнейшая цифровизация должна учитывать ограниченность чисто технологического подхода. Нельзя исходить из предположения, что электронная форма сама по себе обеспечивает эффективность. Если заказчик не умеет формулировать потребность, если техническое задание составлено формально, если конкуренция ограничена, если приёмка проводится без содержательного контроля, цифровая платформа лишь фиксирует неэффективную практику в электронном виде. Поэтому цифровая трансформация закупок должна сопровождаться повышением профессионализма заказчиков, развитием аналитических компетенций и совершенствованием контроля результата.

Особое значение имеет доступность платформ для поставщиков. Государственные закупки должны быть открыты не только для крупных организаций, обладающих специализированными тендерными подразделениями, но и для малого и среднего бизнеса. Избыточная сложность цифровых процедур может фактически ограничивать конкуренцию. Поэтому развитие платформ должно идти в направлении понятных интерфейсов, единых требований, снижения дублирования сведений, интеграции с государ-

ственными реестрами и минимизации избыточных действий участника.

Таким образом, эффективность цифровых платформ в системе государственных закупок имеет комплексный характер. Она проявляется в прозрачности, скорости, стандартизации, расширении доступа, усилении контроля и снижении части административных издержек. Однако эти эффекты сопровождаются рисками цифровой зависимости, формализации, технологической уязвимости, неравномерности компетенций и возможного смещения внимания с результата закупки на корректность электронной процедуры. Задача дальнейшего развития состоит в том, чтобы цифровая платформа не подменяла закупочную политику, а служила инструментом достижения публично значимого результата.

Выводы

Цифровые платформы стали необходимым элементом современной системы государственных закупок. Они обеспечивают информационную открытость, электронное взаимодействие участников, фиксацию процедурных действий, доступ к закупочной информации и возможности для более оперативного контроля. Их значение выходит за рамки технического обслуживания закупок, поскольку они формируют новую институциональную среду публичного рынка.

Эффективность цифровых платформ проявляется в снижении части трансакционных издержек, повышении прозрачности, унификации процедур, расширении территориального доступа участников и усилении аналитического потенциала контроля. Вместе с тем данные эффекты не являются автоматическими. Они зависят от качества правового регулирования, устойчивости информационной инфраструктуры, достоверности данных, цифровых компетенций пользователей и способности заказчиков ориентироваться не только на процедуру, но и на конечный результат закупки.

Основные риски цифровизации государственных закупок связаны с сохранением формального подхода к процедурам, технологической зависимостью участников, угрозами информационной безопасности, возможностью недобросовестного использования цифровых инструментов и неравномерностью доступа к цифровой инфраструктуре. Существенным является и риск подмены реальной конкуренции формальным электронным участием, когда открытость процедуры не сопровождается фактическим расширением круга поставщиков.

Перспективное развитие цифровых платформ должно быть связано с управлением полным жизненным циклом закупки. Наибольшее значение имеет не только электронное размещение извещения или подача заявки, но и цифровая связка между планированием, заключением контракта, исполнением обязательств, электронным актированием, оплатой и последующим контролем. Такая модель позволяет перейти от цифрового документооборота к цифровому управлению закупочным результатом.

Цифровая платформа в сфере государственных закупок должна рассматриваться как инструмент публичного управления, а не как самостоятельная гарантия эффективности. Её развитие оправдано тогда, когда оно способствует конкуренции, экономии бюджетных средств, добросовестному поведению участников, качественному исполнению контрактов и повышению доверия к закупочной системе.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 18.10.2026).

[2] Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 18.10.2026).

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 18.10.2026).

[4] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 18.10.2026).

[5] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 18.10.2026).

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2015 № 1414 «О порядке функционирования единой информационной системы в сфере закупок». // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/21356/ (дата обращения: 18.10.2026).

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2018 № 1752 «О порядке регистрации участников закупок в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72041920/ (дата обращения: 18.10.2026).

[8] Единая информационная система в сфере закупок: официальный сайт. URL: https://zakupki.gov.ru/ (дата обращения: 18.10.2026).

[9] Суглобов А. Е., Минаков А. В. Перспективы использования цифровых технологий в сфере

государственных услуг и управления // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9. № 3. С. 46–50.

[10] Чешин А. В. Экономико-правовые аспекты инновационной деятельности предприятий в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 20 апреля 2023 года. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 426–433.

[11] Черявко Е. Д. Использование цифровых технологий организованной преступностью // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). 2023. Т. 9. № 3(23). С. 68–75.

[12] Карлеба В. А., Логинов Е. Л. Мониторинг оборота и легализации финансовых активов криминального происхождения: учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 287 с.

[13] Минаков А. В., Суглобов А. Е. Концепция цифрового маркетинга: новые подходы к использованию маркетинга в цифровой экономике // Вопросы региональной экономики. 2023. № 1(54). С. 41–48.

References:

[1] Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, «On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed: October 18, 2026).

[2] Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011, «On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (accessed: October 18, 2026).

[3] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, «On Information, Information Technologies, and Information Protection.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: October 18, 2026).

[4] Federal Law No. 63-FZ of April 6, 2011, «On Electronic Signatures.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (accessed: October 18, 2026).

[5] Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: 18.10.2026).

[6] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1414 dated December 23, 2015, «On the Procedure for the Functioning of the Unified Information System in the Sphere of Procurement.» // Government of Russia. URL: http://government.ru/docs/21356/ (accessed: 18.10.2026).

[7] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1752 dated December 30, 2018, «On the Procedure for Registering Procurement Participants in the Unified Information System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs.» // Garant Legal Reference System. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72041920/ (accessed: 18.10.2026).

[8] Unified Information System in the Sphere of Procurement: Official Website. URL: https://zakupki.gov.ru/ (accessed: 18.10.2026).

[9] Suglobov A. E., Minakov A. V. Prospects for the Use of Digital Technologies in the Sphere of Public Services and Administration // Russian Journal of Management. 2021. Vol. 9. No. 3. pp. 46–50.

[10] Cheshin A. V. Economic and Legal Aspects of Innovative Activity of Enterprises in the Context of the Digital Economy // Innovative Development of Russia's Economy: Challenges and Solutions: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, April 20, 2023. Moscow: Russian State University of Justice, 2024. pp. 426–433. [11] Cheryavko E. D. The Use of Digital Technologies by Organized Crime // Novizna. Eksperiment. Traditsii (N.Eks.T) [Novelty. Experiment. Traditions]. 2023. Vol. 9. No. 3(23). pp. 68–75.

[12] Karleba V. A., Loginov E. L. Monitoring the Circulation and Laundering of Financial Assets of Criminal Origin: A Textbook. Moscow: Center for Educational and Methodological Work of the Russian Interior Ministry (TsOKR MVD Rossii), 2007. 287 p.

[13] Minakov A. V., Suglobov A. E. The Concept of Digital Marketing: New Approaches to the Use of Marketing in the Digital Economy // Voprosy regionalnoy ekonomiki [Issues of Regional Economy]. 2023. No. 1(54). pp. 41–48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-57-62

ПОЛЯКОВА Галина Борисовна,
магистрант ФГБУ ФИПС, заместитель начальника юридического отдела ФГБУ ФИПС,
e-mail: galina.poliakova@rupto.ru

АЛЕКСАНДРОВА Анна Владимировна,
кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник – начальник Аналитического центра ФГБУ ФИПС,
ORCID: ttps://orcid.org/0000-0002-1469-2007,
AuthorID: 639669,
e-mail: anna.aleksandrova@rupto.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА «РЕГУЛЯТОРНОЙ ГИЛЬОТИНЫ» К ДОГОВОРАМ И СОГЛАШЕНИЯМ, ЗАКЛЮЧАЕМЫМ РОСПАТЕНТОМ С ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена одновременным изменением двух аспектов в системе управления: обновлением стратегических ориентиров научно-технологического развития Российской Федерации и запуском с 1 июля 2026 г. эксперимента по оптимизации отчетности, предусмотренного постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2026 г. № 710. Соглашения Роспатента с исполнительными органами субъектов РФ заключались в разные периоды и отражают различные модели взаимодействия в сфере интеллектуальной собственности: от патентно-информационного до содействия в построении региональных систем управления интеллектуальной собственностью и мониторинга целевых показателей. Цель работы – рассмотреть возможность применения методов «регуляторной гильотины» к таким соглашениям без необоснованного расширения или изменения сферы действия законодательства об обязательных требованиях и разработать модель их системной ревизии. Методология базировалась на комплексном подходе с применением сравнительно-правового и системного методов, контентного анализа официально опубликованных соглашений Роспатента и отчетных обязанностей субъектов. В результате предложена «модель договорной гильотины», предусматривающая проверку соглашений и их положений по критериям законности, стратегической актуальности, недублирования, востребованности данных, измеримости результата. Результаты могут применяться Роспатентом и исполнительными органами субъектов РФ при пересмотре действующих соглашений, разработке типовых соглашений и региональных программ научно-технологического развития.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, «регуляторная гильотина», «гильотина отчетности», исполнительные органы субъектов Российской Федерации, межведомственное соглашение, научно-технологическое развитие.*

POLYAKOVA Galina Borisovna,
Master's student of FSBI FIPS, Deputy Head Legal Department of FGBU FIPS

ALEXANDROVA Anna Vladimirovna,
candidate of Technical Sciences, Associate Professor, leading researcher – Head of the Analytical Center of FSBI FIPS

APPLICATION OF THE «REGULATORY GUILLOTINE» METHOD TO CONTRACTS AND AGREEMENTS CONCLUDED BY ROSPATENT WITH EXECUTIVE BODIES OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The relevance of the study is due to the simultaneous change in two aspects in the management system: updating the strategic guidelines for scientific and technological development of the Russian Federation and launching an experiment on optimizing reporting from July 1, 2026, provided for by the*

Decree of the Government of the Russian Federation № 710 of June 8, 2026. Rospatent's agreements with the executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation were concluded in different periods and reflect different models of interaction in the field of intellectual property: from patent information to assistance in building regional intellectual property management systems and monitoring target indicators. The aim of the work is to consider the possibility of applying the «regulatory guillotine» methods to such agreements without unreasonably expanding or changing the scope of the legislation on mandatory requirements and to develop a model for their systematic revision. The methodology was based on an integrated approach using comparative legal and system methods, content analysis of officially published agreements of Rospatent and reporting obligations of subjects. As a result, a «contractual guillotine model» is proposed, which provides for checking agreements and their provisions according to the criteria of legality, strategic relevance, non-duplication, data demand, and measurability of the result. The results can be applied by Rospatent and the executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation when revising existing agreements, developing standard agreements and regional programs for scientific and technological development.

Key words: *intellectual property, «regulatory guillotine», «reporting guillotine», executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, interdepartmental agreement, scientific and technological development.*

Межуровневые соглашения Роспатента с исполнительными органами субъектов Российской Федерации сформировали организационную основу региональной политики в сфере интеллектуальной собственности. Заключаемые Федеральной службой по интеллектуальной собственности в разные годы соглашения отличаются по предмету, составу участников и степени детализации взаимодействия. Такие различия характеризуются усовершенствованием законодательства об интеллектуальной собственности, инструментов государственной инновационной политики, развитием цифровой инфраструктуры, а также сформированной региональной политикой в сфере инновационного развития.

Длительный срок действия соглашений создает специфический организационно-управленческий риск. Содержащиеся в соглашениях положения, хотя формально и не противоречат законодательству, перестают быть оптимальными: содержат неактуальную институциональную архитектуру, предусматривают показатели процесса вместо показателей результата, дублируют каналы предоставления сведений. В отношении нормативных правовых актов сходная проблема решалась посредством механизма «регуляторной гильотины», институционализированного Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и сопутствующей реформой государственного контроля. [1] Определение «регуляторной гильотины» в законодательстве отсутствует. В научной литературе «регуляторная гильотина» рассматривается как массовая инвентаризация и пересмотр массива требований с исключением устаревших и избыточных предписаний. [2]

Прямое распространение режима Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и механизма «регуляторной гильотины» на соглашения Роспатента с субъектами РФ было бы юридически некорректным, поскольку такие соглашения по сути являются организационными публично-правовыми инструментами координации и не тождественны нормативным правовым актам, устанавливающим обязательные требования для хозяйствующих субъектов. Поэтому целью исследования в настоящей работе является рассмотрение возможности переноса технологии ревизии, инвентаризации, проверки актуальности, обоснованности, соразмерности в отношении такой формы актов, как соглашение.

Идея возможного применения такого подхода возникла с принятием постановления Правительства РФ от 8 июня 2026 г. № 710, запустившего с 1 июля 2026 г. эксперимент по оптимизации и повышению качества отчетности, предоставляемой федеральным органам, государственным внебюджетным фондам и государственным корпорациям («гильотина отчетности»). Роспатент входит в число участников эксперимента, а исполнительным органам субъектов РФ рекомендовано участвовать в эксперименте как поставщикам данных. [3] Следовательно, применительно к отчетным обязанностям регионов перед Роспатентом связь с логикой «гильотины» становится не только методологической, но и функционально-нормативной.

Новизна исследования состоит в разработке модели «договорной гильотины» для соглашений Роспатента с регионами: предложены критерии ревизии, классификация решений по положениям («сохранить», «актуализировать», «исключить») и типовые направления корректировки отчетных и целевых положений.

Модель «регуляторной гильотины» в России формировалась как часть реформы обязательных требований и контрольно-надзорной деятельности. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ закрепил принципы установления и оценки обязательных требований, а Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ изменил систему государственного и муниципального контроля. [4] Подход заключался не в механической отмене «старого» регулирования по критерию «дата принятия», а в инвентаризации существующего массива требований и проверке их

необходимости в актуальной системе публичного управления.

Для договорной сферы Роспатента рационально выделить ряд проверочных вопросов: сохраняется ли нормативное основание соответствующего взаимодействия; соответствуют ли положения действующим документам стратегического планирования; используется ли собираемая информация для конкретного управленческого решения; можно ли измерить результат исполнения положения, а не только факт проведения мероприятия; соразмерны ли трудозатраты участников ценности получаемого результата.

Таким образом, «договорная гильотина» в предлагаемом понимании представляет собой периодическую административно-правовую ревизию соглашений на основе формализованного чек-листа. Ее результатом не обязательно будет являться прекращение действия соглашения. Возможны статусы: сохранение без изменений, прекращение действия, внесение изменений (актуализация формулировок, исключение дублирующего, неопределенного либо утратившего управленческую ценность).

Такой подход позволяет избежать крайностей. Первая – считать любое положение «устаревшим» только из-за даты подписания соглашения. Например, нормы, направленные на содействие обучению специалистов в области интеллектуальной собственности сохраняют объективную значимость. Вторая – сохранять положения соглашений, либо соглашение в целом неизменными лишь потому, что они соответствуют законодательству.

В литературе о регуляторной реформе не раз подчеркивалось, что устойчивый эффект достигается не разовой отменой неактуальных или избыточных актов, а созданием механизмов, препятствующих повторному накоплению избыточного регулирования. [5] Для соглашений Роспатента в качестве такого механизма могут рассматриваться либо установление периодичности проведения ревизий, либо ограничение срока действия соглашений (без включения норм о бессрочном действии или неограниченном количестве пролонгаций).

В настоящее время на официальном сайте Роспатента размещено более 70 соглашений о сотрудничестве (взаимодействии) с исполнительными органами субъектов Российской Федерации. Ряд соглашений заключались еще Российским агентством по патентам и товарным знакам. Так, например, в Соглашении о сотрудничестве с Ярославской областью от 26 декабря 2000 г. предусмотрена возможность его пролонгации, неоднозначность используемой формулировки не позволяет с достоверностью определить статус документа. Большая же часть соглашений заключалась на пятилетний период с последующей пятилетней возможностью пролонгации.

Анализируя содержание соглашений, можно видеть постепенный переход от патентно-информационной и просветительской модели к модели региональной системы управления интеллектуальной собственностью. Так, основными направлениями первых соглашений о сотрудничестве были мероприятия, направленные на повышение изобретательской и инновационной активности, создание единого для хозяйствующих субъектов информационного пространства, содействие в формировании научной и инновационной инфраструктуры.

В соглашении со Свердловской областью 2015 г. среди направлений взаимодействия закреплено содействие подготовке специалистов организаций региона и получению ими дополнительного профессионального образования, реализации мероприятий, направленных на создание и развитие центров поддержки технологий и инноваций. [6] Аналогичные нормы содержатся и в актах о взаимодействии с другими регионами. Данные положения отражают очень важную составляющую в деятельности, направленной на развитие инновационной активности, но при этом они содержат преимущественно «мероприятийную» логику (выполнение обязательства легко поддается учету (подтверждению), например, число обученных лиц, но такая метрика сама по себе не показывает, улучшились ли выявление, правовая охрана и коммерциализация РИД.

В более поздних соглашениях шире рассматриваются вопросы взаимодействия, связанные с реализацией федеральных и региональных целевых программ и проектов по развитию науки, инноваций и коммерциализации интеллектуальной собственности, содействия в вопросах создания, правовой охраны, учета и вовлечения в оборот результатов научно-технической деятельности. [7] Такой подход ближе к современному пониманию интеллектуальной собственности как инструмента экономического развития. Вместе с тем терминология «целевые программы» и общие формулы поддержки нуждаются в сопряжении с действующей системой стратегического планирования и региональными программами научно-технологического развития.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145, требует переосмыслить место интеллектуальной собственности в региональных соглашениях. [8]

Роспатент выступает методологом по развитию инфраструктуры интеллектуальной собственности в субъектах России. [9] Специалисты помогают регионам разрабатывать и внедрять стратегии по управлению интеллектуальной собственностью и развитию инновационной экономики, адаптировать региональную систему управления интеллектуальной собственностью. В этих целях разработан типовой раздел по интеллектуальной собственности для региональ-

ных программ научно-технологического развития и его адаптации к особенностям конкретных субъектов. [10]

Данные наработки подтверждают переход к встроенной модели управления интеллектуальной собственностью в системе научно-технологического планирования.

Показательным инструментом реализации этой стратегии являются заключаемые в настоящее время трехсторонние соглашения между Министерством экономического развития Российской Федерации, Роспатентом и Правительством регионов.

Соглашения о взаимодействии в рамках поддержки развития сферы интеллектуальной собственности предусматривают оценку реализации стратегического документа и плана мероприятий по его реализации, а также отчеты о реализации стратегического документа и о достижении целевых показателей результативности. [11] В методических материалах для регионов мониторинг целевых показателей также рассматривается как элемент региональной системы управления интеллектуальной собственностью. [12; 13] Вместе с тем именно отчетная часть такой модели с принятием постановления Правительства РФ № 710 требует организационной переработки.

Целью проводимого в рамках постановления Правительства № 710 эксперимента является повышение эффективности сбора и использования государственных данных посредством устранения дублирующих, избыточных и неактуальных отчетов, формирования моделей государственных данных, автоматизации сбора и обработки данных и эффективного обмена ими. [3] Для соглашений с регионами принципиальны несколько правил. Во-первых, объектом эксперимента являются формы отчетов, представляемые исполнительными органами субъектов РФ федеральным органам. Следовательно, если региональный орган во исполнение соглашения с Роспатентом формирует отдельный документ, содержащий сведения для управленческого решения, такой процесс по своим функциональным признакам должен быть сопоставлен с системой эксперимента. Во-вторых, с 1 января 2027 г. поставщики данных должны представлять информацию только по отчетам, включенным в реестр и прошедшим оценку, за предусмотренными постановлением исключениями. В-третьих, со дня утверждения модели государственных данных информация потребителю представляется исключительно в рамках такой модели. В-четвертых, поставщик вправе отказаться от представления отчета, отсутствующего в реестре, если не действует установленное исключение. [3]

Таким образом, мы видим, что устаревшим становится не контроль результата, а способ его организации. Построение современного принципа отчетности направлено на однократное предоставление данных. Так, информация вводится в первичной системе один раз, а затем может использоваться для нескольких различных задач.

В договорной конструкции нововведение может иметь следующую формулировку: «Стороны обеспечивают информационное взаимодействие преимущественно путем использования сведений, содержащихся в государственных информационных системах и (или) витринах данных. Запрос отдельного отчета допускается при отсутствии необходимых сведений в доступных информационных ресурсах и при наличии предусмотренного законодательством либо реестром отчетов основания».

Используемое в отношении постановления Правительства РФ № 710 наименование «Гильотина отчетности», подчеркивает задачу устранения избыточной административной нагрузки на регионы. Для Роспатента такая тенденция является важной, поскольку сеть региональных соглашений порождает сходные, но не полностью унифицированные запросы. Чем больше соглашений и индивидуальных приложений, тем выше ценность единой модели данных.

Анализ соглашений позволил выделить три вида функционального устаревания.

Первый вид – стратегическое устаревание. Утверждение новых стратегий научно-технологического развития Российской Федерации. [8], перечня приоритетных направлений и важнейших наукоемких технологий [14] требуют содержательной актуализации соглашений.

Второй вид – информационно-технологическое устаревание. Формулы по типу: «обмен информацией», «направление сведений», «представление отчета» приемлемы в условиях преимущественно документационного взаимодействия. В настоящее время они создают риск параллельных каналов запросов и повторного предоставления одних и тех же сведений. Постановление Правительства РФ № 710 строит взаимодействие вокруг реестра отчетов, паспортов отчетов, моделей государственных данных и витрин данных. [3]

Третий вид – результативное устаревание. Переход от «мероприятийной» системы к модели стратегического планирования и развития сферы интеллектуальной собственности требует замены операционных показателей, таких как «проведено мероприятий», «обучено специалистов», «оказано консультаций», к ключевым показателям эффективности, позволяющим оценить рост патентования, передачи технологий, лицензионной активности, вовлечения РИД в хозяйственный оборот, использования патентной аналитики при выборе технологических приоритетов.

Предлагаемая модель может применяться Роспатентом как чек-лист при инвентаризации всего массива соглашений с регионами. Единицей анализа могут являться и отдельные положения, и приложения и отчетные формы.

Использование модели нацелено на полу-

чение следующих эффектов. Для Роспатента – смещение акцента на сопровождение конкретных траекторий коммерциализации, уменьшение числа индивидуальных отчетных потоков, повышение сопоставимости региональных данных и возможность концентрироваться на аналитике. Для субъектов РФ – снижение повторного представления сведений и более ясная связь обязательств по соглашению с региональными приоритетами.

Исследование темы позволяет сделать вывод, что методы «регуляторной гильотины» применимы к соглашениям Роспатента с исполнительными органами субъектов РФ как технология административной ревизии, но не как прямое следствие Федерального закона № 247-ФЗ. Юридически корректный подход требует, в данном случае, различать обязательные требования нормативных правовых актов и организационные положения межуровневых соглашений.

Наиболее значимое изменение 2026 года связано с «гильотиной отчетности». Поскольку Роспатент включен в число потребителей данных, а исполнительные органы субъектов РФ являются потенциальными поставщиками данных, предусмотренные соглашениями формы представления сведений должны быть инвентаризированы на предмет актуальности, обоснованности, востребованности, трудоемкости и возможности автоматизации.

Анализ соглашений разных лет показывает четыре группы положений, требующих пересмотра: отчетные формы представления данных, формулы информационного обмена, показатели, фиксирующие преимущественно количество мероприятий, положения и методические ориентиры, сформированные в контексте Стратегии научно-технологического развития. К ним следует добавить необходимость расширения предмета соглашений с учетом полного жизненного цикла РИД, коммерциализации, патентной аналитики, цифровых результатов и региональных средств индивидуализации.

Предложенная модель «договорной гильотины» включает критерии законности, стратегической актуальности, недублирования, востребованности данных, измеримости, цифровой реализуемости и трудоемкости. Практическая реализация этих предложений позволит превратить соглашения Роспатента с регионами в компактные механизмы управления данными и результатами научно-технологического развития.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5006.

[2] Кнутов А. В., Плаксин С. М., Синятуллин Р. Х., Чаплинский А. В. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 4–27.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 08.06.2026 № 710 «О проведении эксперимента по оптимизации и повышению качества отчетности, представляемой в федеральные органы исполнительной власти, государственные внебюджетные фонды и государственные корпорации» // «Собрание законодательства РФ», 15.06.2026, N 24, ст. 3246.

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5007.

[5] Артеменко Е. А. «Регуляторная гильотина»: анализ проектов новых структур нормативного регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 1. С. 30–55.

[6] Соглашение о сотрудничестве Федеральной службы по интеллектуальной собственности и Правительства Свердловской области. 2015. // Официальный сайт Роспатента. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/activities/regions/sogla (дата обращения: 01.08.2026).

[7] Соглашение о сотрудничестве Федеральной службы по интеллектуальной собственности и Правительством Пермского края от 17.09.2021. // Официальный сайт Роспатента. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/activities/regions/sogla (дата обращения: 02.08.2026)

[8] Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.03.2024, № 10, ст. 1373.

[9] «Коллегии Федеральной службы по интеллектуальной собственности. 04.03.2026» // Официальный сайт Роспатента. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/04-03-2026-kollegiya-rospatenta-novye-mehanizmy-zashchity-i-kommercializaciyu-intellektualnyh-prav (дата обращения: 01.08.2026).

[10] «Роспатент помогает реализации инновационного потенциала регионов» // Официальный сайт Роспатента. 19.01.2026. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/19-01-2026-rospatent-pomogaet-realizacii-innovacionnogo-potenciala-regionov (дата обращения: 01.08.2026).

[11] Соглашение о взаимодействии в рамках поддержки развития сферы интеллектуальной собственности в Тамбовской области от 06.06.2019 № С-159-от/Д01 // Официальный сайт Роспатента. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/docs/sogl_tambov_06062019.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[12] Аникеева М. Ю. Методические рекомендации для регионов по построению системы управления интеллектуальной собственностью // Вестник ФИПС: сб. науч. материалов / под общ. ред. О. П. Неретина. М.: ФГБУ ФИПС, 2021. С. 123–136.

[13] Александров Ю.Д., Александрова А.В.,

Аникеева М.Ю., Градскова С.О., Иванова М.Г., Кузнецова Т.В., Суконкин А.В., Ульяшина С.Ю., Фатькина С.С. Монография «Инструменты и методы региональной политики в сфере интеллектуальной собственности: Теория и практика» // ФГБУ ФИПС, 2020.

[14] Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // «Собрание законодательства РФ», 24.06.2024, № 26, ст. 3640.

References:

[1] Federal Law No. 247-FZ of July 31, 2020, «On Mandatory Requirements in the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*, August 3, 2020, No. 31 (Part I), Art. 5006.

[2] Knutov A. V., Plaksin S. M., Sinyatullin R. Kh., Chaplinsky A. V. «The 'Regulatory Guillotine' in Russia and Its Quantitative Results» // *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, Vol. 15, No. 2, pp. 4–27.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation No. 710 of June 8, 2026, «On Conducting an Experiment to Optimize and Improve the Quality of Reporting Submitted to Federal Executive Bodies, State Extra-Budgetary Funds, and State Corporations» // *Collected Legislation of the Russian Federation*, June 15, 2026, No. 24, Art. 3246.

[4] Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020, «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // *Collected Legislation of the Russian Federation*, August 3, 2020, No. 31 (Part I), Art. 5007.

[5] Artemenko E. A. «The 'Regulatory Guillotine': An Analysis of Drafts for New Regulatory Frameworks» // *Public Administration Issues*, 2021, No. 1, pp. 30–55.

[6] Cooperation Agreement between the Federal Service for Intellectual Property and the Government of the Sverdlovsk Region. 2015. // Official website of Rospatent. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/activities/regions/sogla (accessed: 01.08.2026).

[7] Agreement on Cooperation between the Federal Service for Intellectual Property and the Government of Perm Krai, dated September 17, 2021. // Official website of Rospatent. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/activities/regions/sogla (accessed: 02.08.2026).

[8] Decree of the President of the Russian Federation No. 145 dated February 28, 2024, «On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation» // «Collected Legislation of the Russian Federation,» March 4, 2024, No. 10, Art. 1373.

[9] «Board Meeting of the Federal Service for Intellectual Property. March 4, 2026» // Official website of Rospatent. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/04-03-2026-kollegiya-rospatenta-novye-mehanizmy-zashchity-i-kommercializaciyu-intellektualnyh-prav (accessed: 01.08.2026).

[10] «Rospatent Supports the Realization of the Innovative Potential of the Regions» // Official website of Rospatent. January 19, 2026. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/19-01-2026-rospatent-pomogaet-realizacii-innovacionnogo-potenciala-regionov (accessed: 01.08.2026).

[11] Agreement on Cooperation in Supporting the Development of the Intellectual Property Sphere in the Tambov Region, dated June 6, 2019, No. S-159-ot/D01 // Official website of Rospatent. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/docs/sogl_tambov_06062019.pdf (accessed: August 1, 2026).

[12] Anikeeva M. Yu. Methodological Recommendations for Regions on Establishing an Intellectual Property Management System // Vestnik FIPS (FIPS Bulletin): Collection of Scientific Materials / ed. by O. P. Neretin. Moscow: FIPS, 2021, pp. 123–136.

[13] Alexandrov Yu. D., Alexandrova A. V., Anikeeva M. Yu., Gradskova S. O., Ivanova M. G., Kuznetsova T. V., Sukonkin A. V., Ulyashina S. Yu., Fatkina S. S. Monograph: «Tools and Methods of Regional Policy in the Sphere of Intellectual Property: Theory and Practice» // FIPS, 2020.

[14] Decree of the President of the Russian Federation dated June 18, 2024, No. 529 «On Approval of Priority Areas for Scientific and Technological Development and the List of Key Science-Intensive Technologies» // Collected Legislation of the Russian Federation, June 24, 2024, No. 26, Art. 3640.

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-63-75

БЕЛЬСКАЯ Юлия Александровна,
магистрант Института магистратуры, направление «Менеджмент»,
профиль «Стратегическое корпоративное управление»,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: yulia_belskaya@mail.ru

ЭФФЕКТУАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ И ВЫЖИВАЕМОСТЬ МАЛОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Аннотация. *Цель статьи состоит в том, чтобы разработать концептуальную модель ресурсных механизмов, связывающих эффектуационные практики с выживаемостью действующих малых предприятий. В работе использованы теоретический обзор отечественных и зарубежных исследований, сопоставление понятий и концептуальный синтез. Модель рассматривает две практики: предварительное ограничение допустимых потерь и получение обязательств партнёров по участию в адаптационных решениях. Предполагается, что их связь с продолжением деятельности опосредована сохранением ликвидного резерва и фактическим доступом к ресурсам партнёров. Определены два условия действия механизмов: посильность необходимых адаптационных инвестиций и исходная надёжность партнёров. Сформулированы пять гипотез, охватывающих посреднические связи, условия их действия и взаимодополняемость практик. Предложен дизайн последующей проверки с разнесёнными во времени измерениями и наблюдением за исходной группой предприятий, включая закрывшиеся. Опубликованные российские обследования и зарубежные исследования используются для характеристики контекста и обсуждения механизмов; авторская модель эмпирически не проверялась. Теоретический вклад состоит в конкретизации промежуточных ресурсных связей и границ предполагаемого влияния эффектуационных практик на выживаемость малого бизнеса.*

Ключевые слова: *эффектуация, каузация, малые предприятия, выживаемость, неопределённость, допустимые потери, предварительные обязательства партнёров, концептуальная модель.*

BELSKAYA Yulia Aleksandrovna,
Master's student, Institute of Master's Studies,
Management programme, Strategic Corporate Management specialization,
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

EFFECTUATION PRACTICES AND THE SURVIVAL OF SMALL BUSINESSES UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Annotation. *This paper develops a conceptual model of the resource mechanisms linking effectual practices to the survival of established small firms. The study uses a theoretical review of Russian and international research, conceptual comparison, and synthesis. The model focuses on two practices: setting affordable-loss limits before decisions and securing stakeholder pre-commitments to adaptive initiatives. Their proposed links to continued operation are mediated by the preservation of a liquidity buffer and actual access to partners' resources. Two boundary conditions are specified: the feasibility of necessary adaptation investments within the affordable-loss limit and partners' initial reliability. Five hypotheses address the mediation paths, their boundary conditions, and the complementarity of the practices. A prospective research design separates measurements over time and follows the initial cohort, including firms that subsequently close. Published Russian surveys and international studies inform the context and discussion of mechanisms; the proposed model has not been empirically tested. The theoretical contribution is to specify intermediate resource pathways and the boundaries of the proposed effects of effectual practices on small firm survival.*

Key words: *effectuation, causation, small firms, firm survival, uncertainty, affordable loss, stakeholder pre-commitments, conceptual model.*

Введение

Малые и средние предприятия (МСП) составляют значимый сектор российской экономики; его отраслевые и региональные характеристики представлены в статистических материалах Росстата [5]. Исследования российских МСП рассматривают экономические кризисы и институциональную неопределённость как условия, влияющие на результаты предпринимательских решений [21; 28]. Каузационная логика предполагает выбор средств для достижения заданного результата, тогда как эффектуационная предполагает формирование возможных результатов на основе доступных средств [27]. Вопрос об их результативности требует учитывать конкретный контекст и не предполагает универсального преимущества одной логики.

Применение эффектуационной логики действующими российскими малыми и средними предприятиями уже получило отражение в научной литературе. Laine и Galkina [21] исследовали изменение логики принятия решений в условиях институциональной неопределённости и выделили эффектуацию, ориентированную на использование возможностей, и эффектуацию выживания. Shirokova и соавторы [28] рассмотрели связь эффектуации и каузации с уровнем и изменчивостью результатов российских МСП в неблагоприятных экономических условиях. Osiyevskyy, Shirokova и Ehsani [24] предложили и эмпирически проверили модель выживания российских МСП в период экономического кризиса и восстановления. Kozachenko, Shirokova и Bodolica [20] исследовали индивидуальные предпосылки выбора логики принятия решений, связанные с временной ориентацией руководителя и предшествующим кризисным опытом.

Исследовательский вопрос настоящей статьи состоит в том, через какие ресурсные механизмы допустимые потери и предварительные обязательства партнёров могут быть связаны с выживаемостью действующего малого предприятия и какие условия ограничивают эти связи. Российская предпринимательская среда служит контекстом построения модели. Внешняя неопределённость и внутренние ресурсные ограничения рассматриваются раздельно.

Цель работы состоит в том, чтобы разработать концептуальную модель указанных механизмов. Для её достижения решаются четыре задачи: (1) систематизировать исследования принятия решений и выживания действующих предприятий; (2) разграничить неопределённость среды и ресурсные ограничения; (3) раскрыть предполагаемые связи допустимых потерь и обязательств партнёров с ресурсным резервом и доступом к средствам адаптации; (4) сформулировать проверяемые гипотезы и предложить дизайн будущего исследования.

Статья последовательно рассматривает теоретические основания эффектуации, российский контекст адаптации предприятий, концептуальную модель и гипотезы. В обсуждении представлены вклад, практическое значение и ограничения работы.

Метод и материалы исследования

Работа представляет теоретический обзор с концептуальным синтезом. Материал включает основополагающие публикации об эффектуации и смежных концепциях, исследования её измерения, обзоры и эмпирические работы о действующих предприятиях. Ближайшими предшественниками модели служат исследования российских МСП [20; 21; 24; 28]. Анализ направлен на сопоставление конструктов, объяснение предполагаемых механизмов и формулирование гипотез. Обзор ограничен рассмотренным корпусом и не претендует на исчерпывающее покрытие литературы.

Публикации сопоставляются по уровню анализа, контексту, измеряемым переменным и результатам. Выживаемость разграничивается с финансовыми показателями, устойчивостью к шоку и инновациями. При интерпретации поведения предприятий различаются деловые контакты, предварительные обязательства и их исполнение; сокращение расходов само по себе не считается измерением допустимых потерь.

Статистические и отраслевые материалы характеризуют контекст. При их сопоставлении учитываются страна, период, отрасль и размер предприятий, состав выборки, характер шока и наличие измерения логики решений. Опрос коммерческого сервиса имеет иллюстративное значение. Первичные данные в настоящей работе не собирались; авторские связи имеют статус теоретических положений. Дизайн в разделе 3.3 относится к их последующей эмпирической проверке.

1. Теоретические основы концепции эффектуации

1.1. Каузация и эффектуация: два режима мышления

Концепция эффектуации получила теоретическое оформление в статье С. Сарасвати 2001 года. Автор иллюстрирует её примерами и мысленными экспериментами, сопоставляет с существующими теориями и формулирует положения для последующей эмпирической проверки [27]. Последующее исследование Dew и соавторов [16] сравнивает рассуждения опытных и начинающих предпринимателей при решении задачи создания бизнеса и выявляет различия в использовании эффектуационной и прогнозной логик.

Каузационная логика предполагает последовательность, при которой цель определена заранее, под неё подбираются оптимальные средства, а выбор осуществляется в пользу варианта с максимальной ожидаемой отдачей; это логика, соответствующая нормативной модели бизнес-планирования. Эффектуационная ло-

гика инвертирует данную последовательность: отправной точкой служит имеющийся набор средств, из которого выводится множество достижимых результатов, а выбор совершается в пользу варианта, приемлемого при заданном уровне допустимых потерь [9; 27]. Сопоставление двух логик по ключевым критериям представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика каузации и эффектуации

Критерий	Каузация	Эффектуация
Отправная точка	Заранее определённая цель	Имеющиеся средства: кто я, что я знаю, кого я знаю
Логика выбора	Выбор оптимальных средств для достижения цели	Выбор наилучшего результата из достижимых при данных средствах
Отношение к неопределённости	Неопределённость снижается через прогнозирование	Неопределённость контролируется через действие
Отношение к риску	Ожидаемая отдача: максимизация прибыли	Допустимые потери: ограничение возможного ущерба
Отношение к внешней среде	Конкурентный анализ и адаптация к рынку	Формирование рынка через партнёрства
Роль случайностей	Случайности: помехи, подлежащие устранению	Случайности: ресурсы, подлежащие использованию
Ключевой принцип	«Если можно предсказать будущее, его можно контролировать»	«Если можно контролировать будущее, его не нужно предсказывать»

Составлено по: [9; 16; 27].

В литературе и практических изложениях эффектуации выделяют пять принципов [9; 25]. Они описывают теоретическую логику и не тождественны пяти отдельным компонентам измерительной шкалы:

1. Принцип «синицы в руке» (bird-in-hand principle): отправной точкой служат наличные ресурсы предпринимателя: кто он, что он знает и умеет, какими связями располагает; абстрактно определённая цель в этой роли не выступает.

2. Принцип допустимых потерь (affordable loss principle): предприниматель заранее определяет приемлемый объём средств, которыми готов рискнуть при реализации решения. Это отличается от выбора исключительно по максимальной ожидаемой отдаче и не означает полного отказа от оценки прибыли.

3. Принцип «лоскутного одеяла» (crazy quilt principle): развитие проекта осуществляется с участием заинтересованных партнёров, принимающих предварительные обязательства. Такое участие может расширять доступные средства и изменять цели проекта; оно не тождественно любому договору с контрагентом.

4. Принцип «лимонада» (lemonade principle): непредвиденные обстоятельства могут использоваться для формирования новых возможностей. Это характеристика логики работы со случайностями, а не утверждение о том, что любое планирование исключает использование неожиданных возможностей.

5. Принцип «пилота в самолёте» (pilot-in-the-plane principle): будущее рассматривается как объект конструирования через собственные действия предпринимателя, и прогнозированию отводится второстепенная роль.

Эффектуация и каузация могут сочетаться в предпринимательских решениях [30]. На российских МСП Laine и Galkina [21] показывают, что интенсивность их использования меняется вместе с восприятием институциональной неопределённости. Обзор Kogut, Mello и Skorupski [19] систематизирует условия сочетания и чередования логик на разных уровнях анализа. Эти исследования не дают оснований утверждать, что все предприниматели автоматически переходят к одной и той же логике при изменении среды.

Метаанализ Read, Song и Smit [26] связывает три принципа эффектуации с результатами новых предприятий. Широкова и Ласковая [10] исследуют эффектуацию и каузацию как посредники связи культурных ориентаций с результатами новых фирм. Конфигурационный анализ Bao и соавторов [12] указывает на роль сочетаний характеристик среды и средств предпринимателя. Для действующих российских МСП контекстная

зависимость результативности рассмотрена у Shirokova и соавторов [28], а связь с выживанием рассмотрена у Osiyevskyy, Shirokova и Ehsani [24]. Эти работы формируют основания для конкретизации ресурсных механизмов настоящей модели.

1.2. Эффектуация в контексте смежных теорий предпринимательского поведения

Эффектуация не единственная теоретическая рамка, описывающая поведение предпринимателей в условиях ограниченных ресурсов и высокой неопределённости. Полезно развести её с близкими, но не тождественными концепциями.

Бриколаж описывает использование и рекомбинацию доступных ресурсов для решения задач, в том числе ресурсов, отвергаемых другими участниками [11]. С эффектуацией его сближает внимание к имеющимся средствам, но бриколаж не требует отсутствия заданной цели. Эффектуация описывает более широкую логику формирования результатов, отношения к допустимым потерям и взаимодействия с участниками проекта. Рассмотрение бриколажа как возможного способа реализации отдельных эффектуационных действий является интерпретацией настоящей статьи, а не тождеством двух концепций.

Организационная импровизация характеризуется сближением во времени разработки и исполнения действия [23]. Её отличие от эффектуации связано прежде всего с временной организацией действия, тогда как эффектуация описывает логику выбора средств, результатов и допустимого риска. Импровизация может происходить внутри планируемой деятельности, а эффектуационные решения не обязательно принимаются без подготовки; поэтому отсутствие плана не является достаточным критерием различения этих концепций.

Ресурсный подход (resource-based view) объясняет устойчивое конкурентное преимущество неоднородностью ресурсов фирм и свойствами, затрудняющими их воспроизведение конкурентами [13]. Он не устанавливает обязательной последовательности «сначала стратегия, затем ресурсы» и не тождествен каузации. В настоящей статье ресурсный подход используется для обсуждения характеристик ресурсов, а эффектуация используется для анализа логики решений при их использовании и привлечении. Такое разграничение позволяет сочетать подходы без утверждения, что один исторически или логически возникает из другого.

Разграничение эффектуации, бриколажа, импровизации и ресурсного подхода помогает избежать смешения логики решений, способов работы с ресурсами и временной организации действий. Их совместное использование возможно, но его распространённость среди российских малых предприятий не устанавливается в настоящей статье.

1.3. Критические оценки концепции эффектуации

Несмотря на широкое признание, концепция эффектуации не свободна от критики, которую стоит учитывать при построении модели.

Дискуссии вызывает операционализация конструкта. Шкала Чандлера с соавторами [14], ставшая стандартным инструментом измерения эффектуационного и каузативного поведения, была разработана и провалидирована на выборке американских предпринимателей; вопрос о её кросс-культурной устойчивости остаётся открытым, что напрямую касается настоящей статьи: предлагаемая адаптация шкалы к российскому контексту (раздел 3.3) требует отдельной проверки психометрических свойств и не сводится к переводу пунктов.

Ретроспективные самоотчёты и обратные связи осложняют интерпретацию результатов: описание предпринимателем успешного решения после его реализации может отличаться от исходной логики выбора. Существенно и различие уровней анализа. Например, Karami и соавторы [18] изучают эффектуационное мышление и удовлетворённость жизнью жителей Ирана; такие результаты характеризуют индивидуальное благополучие. Для проверки модели выживаемости необходимо фиксировать решения предприятия до измерения их предполагаемых последствий.

Совместное использование эффектуации и каузации требует различать сочетание логик в одном периоде и переключение между ними во времени [19; 30]. Настоящая модель не объясняет временную динамику переключения. Она рассматривает два механизма отдельных принципов эффектуации при отдельном измерении каузационного поведения. Гипотеза Г5 касается взаимодополняемости допустимых потерь и предварительных обязательств партнёров, а не сочетания эффектуации с каузацией.

Учёт этих ограничений не отменяет теоретической ценности эффектуации для описания поведения российского малого бизнеса, но задаёт более осторожные рамки интерпретации результатов будущих эмпирических исследований, предлагаемых в разделе 3.3.

2. Специфика среды малого бизнеса в условиях неопределённости

2.1. Характеристика институциональной среды малого бизнеса в России

Исследования российских предприятий описывают неоднородность воздействия санкций и экономических кризисов на фирмы с различными ресурсами, технологиями и внешними связями [1; 3; 28]. Это делает российскую среду содержательным контекстом для анализа адаптационных решений. При этом нельзя считать одинаковыми уровень неопределённости и до-

ступность ресурсов для всех предприятий, отраслей и периодов.

Статистика МСП охватывает разные совокупности: юридические лица, индивидуальных предпринимателей и, в зависимости от методики показателя, самозанятых. Сборник Росстата представляет сведения о юридических лицах, крестьянских хозяйствах и индивидуальных предпринимателях в отдельных разделах [5]. Межрегиональные и международные сопоставления требуют согласования определений и периодов наблюдения.

Региональные различия учитываются при формировании будущей выборки наряду с отраслью. При этом местоположение фирмы не заменяет измерения воспринимаемой неопределённости: предприятия в одном регионе могут сталкиваться с разными условиями спроса, поставок и доступа к ресурсам.

Для анализа российского контекста существенны изменения регулирования, спроса и условий поставок. Исследования охватывают разные эпизоды: санкционный режим после 2014 г. [1], экономический кризис и восстановление [24], санкционный шок 2022 г. [3]. Эти эпизоды различаются по механизмам воздействия на предприятия. Как отмечают Lima и соавторы [22], разнообразие кризисов требует учитывать особенности предпринимательских ответов и границы применимости эффектуации.

2.2. Ресурсные ограничения как контекст эффектуационного поведения

Ресурсные ограничения в модели охватывают недостаток ликвидности, оборудования, компетенций и доступа к внешним средствам. Их выраженность может различаться между предприятиями одной отрасли. В условиях шока исходный запас средств и возможность привлечения ресурсов влияют на набор доступных адаптационных решений [28].

Ограниченность ресурсов повышает значимость решений, учитывающих доступные средства, но сама по себе не позволяет определить логику их принятия. Предприниматель может как планировать достижение заранее заданной цели, так и формировать возможные результаты на основе имеющихся средств. Принцип допустимых потерь предполагает предварительное определение приемлемого объёма ресурсов, подвергаемых риску; его применение не тождественно любому сокращению расходов. В настоящей модели предполагается, что такой предел может способствовать сохранению ресурсного резерва, но одновременно ограничивать адаптационные инвестиции, если их минимально необходимый объём превышает установленный предел.

Ресурсные ограничения могут повышать значимость партнёрского взаимодействия. Однако наличие неформальных связей, смена поставщика или обычный договор поставки не являются достаточными признаками принципа «лоскутного одеяла». Для модели существенны предварительные обязательства участников по предоставлению средств, информации, заказов или иных ресурсов для совместного развития адаптационного решения. Такие обязательства рассматриваются отдельно от фактически полученных ресурсов; предполагаемая связь между ними зависит от способности партнёров исполнить договорённости.

2.3. Эмпирические ориентиры: малый бизнес и производство в период санкционного шока 2022 года

Российские опросы ФОМ, Банка России и промышленных предприятий НИУ ВШЭ характеризуют адаптацию к санкционному шоку, но не измеряют непосредственно эффектуационную логику. Они используются для обсуждения контекста и возможных механизмов поведения, с учётом состава каждой выборки.

В четвёртой волне Лонгитюда малого бизнеса ФОМ участвовали 735 предпринимателей; опрос проведён с 15 апреля по 19 мая 2022 г. Негативное влияние санкций или контрсанкций отметили 73% респондентов, меры адаптации приняли 64%. Среди наиболее частых мер названы изменение цен (46% всей выборки), поиск новых клиентов (33%), смена поставщиков (28%) и оптимизация издержек на сырьё и материалы (28%) [8]. Эти показатели относятся к участникам обследования. Они описывают действия, но не устанавливают, были ли решения основаны на допустимых потерях, партнёрских обязательствах или заранее заданных планах.

В обследовании Банка России в ноябре–декабре 2022 г. участвовали 1974 промышленных предприятия. Проблемы импорта сырья и комплектующих отмечены у 79% респондентов, проблемы импорта запчастей отмечены у 70%, а машин и оборудования у 48%. По рисунку 2 проблему поставок импортного сырья решили 30% всей выборки, ещё 30% налаживали связи с поставщиками, а 19% не видели возможности полной замены импорта [2, с. 3, 8–9]. Возможность выпуска новых видов продукции в 2023 г. отметили 32% респондентов [2, с. 18, рис. 17]. Последний показатель отражает ожидания, а не осуществлённый выпуск. Отдельная проверка эффектуации на малых предприятиях в записке не проводилась.

Кузык и Симачев [4] анализируют опрос руководителей около 1,9 тыс. обрабатывающих компаний, проведённый НИУ ВШЭ в августе–ноябре 2022 г. По взвешенным данным, влияние санкций ощутили 69% фирм, у 53% преобладали негативные эффекты, действия по адаптации предприняли 56%. Новых зарубежных поставщиков нашли 19% фирм, а новых российских поставщиков нашли 16%; сокращение издержек отметили 18% [4, с. 173–174]. Категории поставщиков могут пересекаться, поэтому эти доли

не складываются в общую долю сменивших поставщика. Голикова [1] использует данные 972 малых и средних обрабатывающих предприятий из опроса 2018 г.: молодые фирмы и фирмы с российскими и иностранными партнёрами менее чувствительны к санкционному режиму, введённому после 2014 г. Наличие партнёров здесь не означает измерение эффектуационных предварительных обязательств, а меньшая чувствительность к санкциям не тождественна выживаемости.

2.4. Торговля и общественное питание: ориентиры и границы данных

Для иллюстрации реакции торговли использован опрос сервиса «МойСклад» среди 575 действующих селлеров, продающих хотя бы на одном маркетплейсе; результаты опубликованы 3 августа 2022 г. В публикации сообщается, что 10,2% опрошенных уже продавали товары из списка параллельного импорта, ещё 3,5% планировали начать, а 86,3% такие товары не продавали [6]. Эти доли описывают выборку коммерческого сервиса, репрезентативность которой в публикации не обоснована. Освоение новой товарной категории допускает интерпретацию через принцип использования случайностей, но опрос не измеряет основания решений и не подтверждает эффектуационную природу такого поведения.

Для общественного питания рассматривается зарубежное исследование Harms и соавторов [17]. На выборке 143 предпринимателей округа Мюнстер (Германия) в период первой волны COVID-19 авторы применили нечёткий качественный сравнительный анализ (fsQCA) и выделили конфигурации каузации и компонентов эффектуации, связанные с высоким уровнем инноваций бизнес-модели. В отличие от перечисленных российских отраслевых опросов, эта работа непосредственно исследует логику решений. Однако её результат относится к инновациям бизнес-модели, а не к выживанию российских малых предприятий; перенос ограничен различиями страны, отрасли и характера шока.

Зарубежные исследования уточняют интерпретацию механизмов. De Villiers Scheepers и соавторы [15] методом множественных кейсов анализируют изменения 28 бизнес-моделей в 26 австралийских фирмах и связывают сочетание партнёрства, экспериментирования и допустимых потерь с их перестройкой. Simms и соавторы [29] на кейсе предприятия пищевого сектора исследуют взаимодействие эффектуации и каузации при кризисной устойчивости. Результаты относятся к конкретным контекстам и видам адаптации; в настоящей статье они используются для теоретического сопоставления.

2.5. Характеристики среды и принципы эффектуации

Таблица 2 представляет теоретическое сопоставление возможных ситуаций неопределённости и ресурсных ограничений с принципами эффектуации. Это авторская интерпретация для построения модели, а не результат измерения распространённости указанных ситуаций среди российских МСП.

Таблица 2. Возможные ситуации неопределённости и ресурсных ограничений в сопоставлении с принципами эффектуации

Характеристика среды или ресурсов	Возможная ситуация	Возможное применение принципа
Регуляторная неопределённость	Непредвиденное изменение требований к деятельности	«Лимонад»: поиск возможностей в непредвиденных изменениях
Ограниченность финансовых ресурсов	Недостаток собственных средств или ограниченный доступ к кредиту	«Допустимые потери»: предварительное ограничение ресурсов, подвергаемых риску
Неопределённость спроса	Неясность будущего объёма и структуры покупок	«Синица в руке»: формирование предложений на основе доступных средств
Дефицит компетенций	Недостаток нужных компетенций внутри предприятия	«Лоскутное одеяло»: обязательства партнёров по предоставлению компетенций
Неопределённость внешних связей	Возможные нарушения поставок и изменение условий сотрудничества	«Пилот в самолёте»: совместные действия по изменению условий работы

Составлено автором. Теоретическая основа сопоставления: [9; 25; 27].

Представленные характеристики могут быть связаны с несколькими принципами одновременно. Поэтому таблица задаёт возможные направления интерпретации, а внешняя неопределённость и недостаточность ресурсов сохраняются как самостоятельные переменные.

Далее внимание сосредоточено на допустимых потерях и предварительных обязательствах партнёров. Их связь с продолжением деятельности раскрывается через сохранение ресурсного резерва и получение средств для адаптации.

3. Концептуальная модель и гипотезы исследования

3.1. Логика построения концептуальной модели

Единицей анализа является действующее малое предприятие, решения в котором принимает собственник или руководитель. Практики руководителя рассматриваются применительно к решениям этой фирмы. Предлагаемый дизайн проверки ориентирован на предприятия, работающие не менее двух лет на момент включения.

Первое допущение состоит в разграничении неопределённости и ресурсных ограничений. Неопределённость характеризует ограниченную возможность предвидеть внешние изменения; ресурсные ограничения характеризуют достаточность средств для выполнения обязательств и адаптации. Обе характеристики могут меняться во времени и различаться между фирмами.

Второе допущение предусматривает возможность совместного применения эффектуации и каузации [30]. Модель сосредоточена на двух практиках: допустимых потерях и предварительных обязательствах. Каузационное поведение измеряется отдельно, поскольку предварительные обязательства встречаются при обеих логиках [14].

Третье допущение предполагает самостоятельный статус выживаемости как результата. Она определяется продолжением фактической деятельности после исходного измерения; прибыль, рост и инновационность могут анализироваться как дополнительные показатели.

3.2. Описание концептуальной модели

Модель объединяет четыре блока: контекст и исходные ресурсы; практики принятия решений; промежуточные ресурсные механизмы; выживаемость. Основные предполагаемые связи представлены на рисунке 1.

Блок 1 охватывает внешнюю неопределённость, исходные финансовые, человеческие и материальные ресурсы и ограничения доступа к ним. Исходный запас ликвидности отделяется от его последующего сохранения, а существующая сеть контактов отделяется от новых обязательств и полученных вкладов партнёров.

Блок 2 включает предварительное определение допустимых потерь и получение обязательств партнёров по участию в адаптационном решении. Первая практика фиксирует предел ресурсов, которыми руководитель готов рискнуть; вторая фиксирует согласованные вклады участников. Их выраженность измеряется независимо от фактических результатов исполнения.

Блок 3 содержит два посреднических механизма. Ограничение допустимых потерь предположительно способствует сохранению ликвидного резерва для обязательных платежей. Исполнение предварительных обязательств расширяет фактический доступ к поставкам, отсрочкам, заказам, финансированию и знаниям. Резерв и полученные ресурсы рассматриваются как промежуточные результаты решений.

Блок 4 описывает продолжение фактической деятельности. Предполагается, что сохранённый резерв поддерживает выполнение обязательств, а ресурсы партнёров позволяют осуществить необходимые изменения. Модель допускает также прямые связи практик с выживаемостью, помимо двух посреднических путей.

Первое условие действия механизма заключается в посильности адаптационных инвестиций. Когда минимально необходимые вложения превышают заранее установленный предел допустимых потерь, сохранение резерва может сопровождаться отказом от необходимой адаптации. При таком несоответствии положительная опосредованная связь с выживаемостью предположительно ослабевает (Г3).

Вторым условием служит исходная надёжность партнёров, то есть их способность и готовность выполнить договорённости. При высоком риске неисполнения связь предварительных обязательств с фактическим доступом к ресурсам предположительно ослабевает (Г4). Надёжность оценивается до измерения исполнения обязательств.

Г5 предполагает взаимодополняемость двух практик: ограничение ресурсов, подвергаемых риску, и привлечение средств партнёров могут усиливать положительную связь друг друга с выживаемостью. Опыт руководителя, возраст и размер фирмы, исходная ликвидность, отрасль, регион, неопределённость и доступ к финансированию учитываются как контрольные характеристики.

Рисунок 1. Предполагаемые ресурсные механизмы связи эффектуационных практик с выживаемостью

Составлено автором. Показаны предполагаемые посреднические пути; прямые и контрольные связи опущены. Г3 и Г4 обозначают условия действия механизмов, Г5 обозначает взаимодополняемость практик.

3.3. Гипотезы и методология их эмпирической проверки

Сформулированы пять гипотез: Г1 и Г2 описывают посреднические ресурсные механизмы, Г3 и Г4 определяют условия их действия, а Г5 описывает взаимодополняемость практик. Предыдущие исследования служат теоретической опорой; конкретные связи в таблице 3 являются авторскими предположениями и требуют отдельной проверки.

Таблица 3. Гипотезы концептуальной модели

Код	Содержание	Механизм и теоретическая опора
Г1	Применение принципа допустимых потерь положительно связано с последующим сохранением ликвидного ресурсного резерва, который опосредует его положительную связь с вероятностью продолжения деятельности предприятия.	Механизм ограничения ресурсной экспозиции [24; 27].
Г2	Предварительные обязательства партнёров положительно связаны с последующим фактическим доступом к их ресурсам, который опосредует положительную связь обязательств с вероятностью продолжения деятельности предприятия.	Разграничение обязательств и исполнения [21; 27].
Г3	Положительная опосредованная связь допустимых потерь с продолжением деятельности слабее, когда минимально необходимые адаптационные вложения превышают заранее определённый предел допустимых потерь.	Авторское условие посильности инвестиций; контекстная зависимость результатов [28].
Г4	Положительная связь предварительных обязательств партнёров с последующим фактическим доступом к их ресурсам усиливается при более высокой исходной надёжности партнёров.	Авторское условие исполнения обязательств; общий принцип партнёрства [27].
Г5	При посильных адаптационных инвестициях и надёжных партнёрах положительная связь каждой из двух практик с продолжением деятельности усиливается при более выраженном применении другой практики.	Авторское предположение о взаимодополняемости ограничения потерь и привлечения ресурсов; не гипотеза о сочетании эффектуации и каузации.

Составлено автором.

Для проверки предлагается проспективное наблюдение группы действующих малых предприятий со сроком работы от двух лет на момент включения. Начальная выборка стратифицируется по отраслям и регионам, а затем отслеживается независимо от последующего закрытия фирмы. Выводы будут относиться к продолжению деятельности после включения в исследование, условно на уже достигнутый возраст предприятия. Разовый опрос только работающих компаний не позволяет проверить выживаемость.

В исходный момент t0 фиксируются практики допустимых потерь и предварительных обязательств, исходные ресурсы, каузационное поведение и контрольные характеристики. Для отдельных решений записываются заранее установленный предел допустимых потерь и оценка минимально необходимых вложений; для конкретных партнёрств записываются содержание обязательств и доступные до их исполнения сведения о надёжности. Сроки промежуточного измерения t1 и конечного наблюдения t2 задаются до сбора данных с учётом отраслевого цикла: например, t1 через 6–12 месяцев и t2 через 24–36 месяцев после t0.

Шкала Chandler и соавторов [14] различает экспериментирование, допустимые потери, гибкость и предварительные обязательства; последний компонент используется и при каузации. Для модели предлагаются подшкалы допустимых потерь и предварительных обязательств, отдельное измерение каузации и вопросы о конкретных решениях. Русскоязычная адаптация и авторские дополнения требуют проверки понимания, надёжности и валидности. Теоретические принципы эффектуации и компоненты шкалы разграничиваются.

В t1 сохранение резерва измеряется по доступным ликвидным средствам относительно обязательных денежных выплат за заранее установленный период с учётом исходного резерва. Фактический доступ к ресурсам партнёров измеряется по исполненным вкладам и предоставленным средствам; денежные и неденежные категории фиксируются раздельно. Оценка надёжности в t0 опирается на предшествующую историю исполнения и финансовую или операционную способность контрагента, а не на само исполнение измеряемых обязательств в t1. По возможности показатели подтверждаются отчётностью, договорами, платёжными документами и сведениями партнёров. Чтобы не исключать ранние закрытия, ресурсные показатели по возможности собираются повторно в течение наблюдения до прекращения деятельности. Анализ посредников только среди фирм, доживших до t1, имеет условную интерпретацию и требует отдельной оценки смещения отбора; ранние закрытия сохраняются в анализе выживаемости, а отсутствующие измерения посредников не заменяются нулевыми значениями.

В t2 фиксируются факт продолжения деятельности и дата её прекращения, если оно произошло. Юридическая регистрация сама по себе не подтверждает работу предприятия, а исключение из реестра МСП не тождественно закрытию. Поэтому статус сверяется с регистрационными данными, признаками фактической деятельности и контактом с руководителем. Продажу действующего бизнеса, реорганизацию и прекращение деятельности кодируют раздельно. Предприятия, о которых нет достоверных конечных сведений, не приравниваются автоматически к закрытым.

Возраст, размер, отрасль и регион фирмы, исходная ликвидность, предпринимательский опыт, внешняя неопределённость, доступ к финансированию и каузационное поведение учитываются как контрольные переменные. Неопределённость и ресурсные ограничения измеряются отдельно; статус региона как крупного экономического центра не заменяет непосредственного измерения неопределённости.

Г1 и Г2 проверяются как опосредованные связи при временном порядке t0 → t1 → t2; Г3 проверяется как условная опосредованная связь с учётом посильности вложений; Г4 проверяется как взаимодействие обязательств с исходной надёжностью партнёров при объяснении фактического доступа к ресурсам. Для Г5 оценивается взаимодействие двух практик и условные предсказанные вероятности продолжения деятельности. При наличии дат закрытия возможен анализ времени до события с учётом цензурирования. Объём выборки обосновывается числом ожидаемых событий и сложностью модели, а не произвольным фиксированным числом респондентов.

Разнесение измерений во времени и использование независимых документальных источников уменьшают риск общего метода и помогают установить временную последовательность. Финансовые результаты предыдущего периода используются как исходные характеристики, а не как следствие поведения, измеренного позднее. Даже такой наблюдательный дизайн не исключает обратных связей и неучтённых факторов; подтверждённые статистические зависимости нельзя автоматически интерпретировать как причинные эффекты.

4. Обсуждение

4.1. Теоретический вклад

Вклад модели состоит в конкретизации ресурсных путей между практиками принятия решений и выживаемостью. Она развивает исследования российских МСП, рассматривающие изменение логики решений [21], уровень и изменчивость результатов [28] и продолжение деятельности в кризис [24]. В предложенной модели отдельно выделены исходные средства, практики их использования, промежуточные ресурсные результаты и выживаемость.

Такое разделение позволяет сформулировать два проверяемых объяснения. Применение допустимых потерь может поддерживать выживаемость через сохранение ликвидного резерва. Предварительные обязательства могут действовать через получение ресурсов, причём сама договорённость и её исполнение являются разными переменными. Это уточняет содержание связей, которые скрываются при рассмотрении эффектуации только как общего поведенческого показателя.

Модель одновременно задаёт границы этих объяснений. Посильность необходимых инвестиций определяет, совместимо ли сохранение резерва с осуществлением адаптации. Надёжность партнёров определяет вероятность превращения обязательств в доступные ресурсы. Совместное рассмотрение двух условий позволяет исследовать как благоприятные связи, так и ситуации, в которых ожидаемая польза практик ослабевает.

4.2. Практические импликации

Для предпринимателей модель предлагает совместно оценивать предел допустимых потерь, минимально необходимые вложения и исполнимые обязательства партнёров. Такой подход может помогать структурировать адаптационные решения; его результативность требует проверки.

Для программ поддержки МСП модель предполагает сочетание доступа к финансированию и развития партнёрских механизмов. Финансовая поддержка может уменьшать исходные ресурсные ограничения (блок 1), а кооперация может способствовать формированию предварительных обязательств и последующему получению ресурсов (блоки 2 и 3). Например, при совместных закупках значимы конкретные вклады участников и исполнимость договорённостей. Полезность таких мер для выживаемости остаётся предметом эмпирической оценки.

Для бизнес-образования модель предлагает включать в обучение действующих предпринимателей анализ допустимых потерь, посильности инвестиций и содержания партнёрских обязательств наряду с бизнес-планированием. Практические примеры эффектуационного принятия решений представлены, в частности, в русскоязычном руководстве Рида и соавторов [7].

Для исследователей модель задаёт различие между практиками принятия решений, промежуточными ресурсными механизмами и выживаемостью. Предлагаемые показатели и временной порядок измерения могут использоваться при разработке исследовательского протокола, однако требуют пилотирования и проверки измерительных свойств до основного сбора данных.

4.3. Ограничения и границы применимости

Работа ограничена концептуальным дизайном: авторские гипотезы эмпирически не проверены. Российские отраслевые опросы описывают действия предприятий без прямого измерения эффектуации; зарубежные исследования измеряют связанные конструкты, но относятся к другим странам и другим результатам, таким как инновации бизнес-модели или кризисная устойчивость. Обобщение этих данных на выживаемость российских малых предприятий требует самостоятельной проверки.

Область будущего исследования ограничена предприятиями, действующими не менее двух лет на момент включения; раннее выживание новых фирм остаётся за её пределами. Модель ориентирована на решения собственника или руководителя и требует уточнения для распределённого управления. Посильность вложений и надёжность партнёров должны измеряться непосредственно, поскольку отрасль сама по себе их не определяет. Наблюдение за исходной группой необходимо для учёта закрытий и выпадения участников. Даже при временном разделении измерений сохраняются риски обратных связей, самоотчётных ошибок и неучтённых факторов; результаты наблюдательного исследования не обеспечивают автоматической причинной интерпретации.

Заключение

Разработана концептуальная модель связи двух эффектуационных практик с выживаемостью действующего малого предприятия. Допустимые потери рассматриваются через сохранение ликвидного резерва, предварительные обязательства партнёров рассматриваются через фактическое получение ресурсов для адаптации. Предполагаемое действие этих механизмов зависит от посильности необходимых вложений и исходной надёжности партнёров.

Сформулированы пять гипотез о посреднических связях, условиях их действия и взаимодополняемости практик. Предложенный проспективный дизайн разделяет измерение решений, промежуточных ресурсов и продолжения деятельности. Он предусматривает наблюдение за исходной группой, включая закрывшиеся предприятия, и отдельный учёт финансовых результатов и выживаемости.

Дальнейшие исследования должны уточнить измерительные инструменты, проверить механизмы на данных предприятий и сопоставить результаты между отраслями и регионами. Предложенная модель задаёт теоретические объяснения и условия их проверки; её практическая результативность остаётся открытым эмпирическим вопросом.

Список литературы:

[1] Голикова В. В. Оценка менеджерами влияния экономических санкций на деятельность российских малых и средних компаний // Российский журнал менеджмента. 2023. Т. 21. № 4. С. 552–578.

[2] Карлова Н., Пузанова Е. Российская обра-

батывающая промышленность в условиях санкций: результаты опроса предприятий: аналитическая записка. М.: Банк России, Департамент исследований и прогнозирования, 2023. 19 с.

[3] Кузнецов Б. В., Голикова В. В. Руководители обрабатывающих предприятий России о санкционных ограничениях и уязвимости к ним // ЭКО. 2023. Т. 53. № 9. С. 33–51.

[4] Кузык М. Г., Симачев Ю. В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3 (60). С. 172–180.

[5] Малое и среднее предпринимательство в России. 2024: стат. сб. М.: Росстат, 2024. 97 с.

[6] МойСклад. 10,2% предпринимателей на маркетплейсах начали продавать товары из списка параллельного импорта // [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.moysklad.ru/poleznoe/statyi/predprinimateli-na-marketpleysakh-nachali-prodavat-tovary-parallelnogo-importa/ (дата обращения: 12.10.2026).

[7] Рид С., Сарасвати С., Дью Н., Уилтбэнк Р., Олссон Э.-В. Как? Пошаговое руководство по созданию бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2013. 248 с.

[8] ФОМ. Реакция предпринимателей на санкции и контрсанкции // СМБиз.ФОМ: Лонгитюд малого бизнеса ФОМ, четвёртая волна. 2022. URL: https://smbiz.fom.ru/post/reakciya-predprinimatelej-na-sankcii-i-kontrsankcii (дата обращения: 12.10.2026).

[9] Широкова Г. В., Ласковая А. К. Концепция эффектуации: этапы развития и основные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент». 2015. Вып. 2. С. 3–38.

[10] Широкова Г. В., Ласковая А. К. Эффектуация и каузация как медиаторы связи между культурными ценностными ориентациями и результатами деятельности новой предпринимательской фирмы // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 4. С. 397–424.

[11] Baker T., Nelson R. E. Creating something from nothing: Resource construction through entrepreneurial bricolage // Administrative Science Quarterly. 2005. Vol. 50. No. 3. P. 329–366.

[12] Bao S., An W., Wang A., Luo S. What drives the effectual entrepreneurship: combinative effects of environmental uncertainty and entrepreneurs' means // Chinese Management Studies. 2024. Vol. 18. No. 5. P. 1397–1417.

[13] Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17. No. 1. P. 99–120.

[14] Chandler G. N., DeTienne D. R., McKelvie A., Mumford T. V. Causation and effectuation processes: A validation study // Journal of Business Venturing. 2011. Vol. 26. No. 3. P. 375–390.

[15] de Villiers Scheepers M. J., Gronum S., Cranney S., Tracey N. Business model redesign through effectual action in times of crisis // Journal of Small Business Management. 2025. Vol. 63. No. 3. P. 1106–1142.

[16] Dew N., Read S., Sarasvathy S. D., Wiltbank R. Effectual versus predictive logics in entrepreneurial decision-making: Differences between experts and novices // Journal of Business Venturing. 2009. Vol. 24. No. 4. P. 287–309.

[17] Harms R., Alfert C., Cheng C.-F., Kraus S. Effectuation and causation configurations for business model innovation: Addressing COVID-19 in the gastronomy industry // International Journal of Hospitality Management. 2021. Vol. 95. Article 102896.

[18] Karami M., Wooliscroft B., Hejazinia M. Struggling and thriving: Effectuation in social and economic stress // Sustainability. 2024. Vol. 16. No. 4. Article 1366.

[19] Kogut C. S., Mello R. D. C. de, Skorupski R. Combining effectuation and causation approaches in entrepreneurship: A 20+ years review // REGEPE Entrepreneurship and Small Business Journal. 2023. Vol. 12. No. 3. e2226.

[20] Kozachenko E., Shirokova G., Bodolica V. Antecedents of effectuation and causation in SMEs from emerging markets: the role of CEO temporal focus // International Journal of Organizational Analysis. 2025. Vol. 33. No. 7. P. 1742–1764.

[21] Laine I., Galkina T. The interplay of effectuation and causation in decision making: Russian SMEs under institutional uncertainty // International Entrepreneurship and Management Journal. 2017. Vol. 13. No. 3. P. 905–941.

[22] Lima E. de O., Silva J. P. M., Lopes R. M. A., Cunha J. A. C. da. Coping with crises in entrepreneurship and effectuation // REGEPE Entrepreneurship and Small Business Journal. 2024. Vol. 13. No. 3. e2621.

[23] Miner A. S., Bassoff P., Moorman C. Organizational improvisation and learning: A field study // Administrative Science Quarterly. 2001. Vol. 46. No. 2. P. 304–337.

[24] Osiyevskyy O., Shirokova G., Ehsani M. The role of effectuation and causation for SME survival amidst economic crisis // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2023. Vol. 29. No. 7. P. 1664–1697.

[25] Read S., Sarasvathy S., Dew N., Wiltbank R., Ohlsson A.-V. Effectual Entrepreneurship. Abingdon: Routledge, 2011. 228 p.

[26] Read S., Song M., Smit W. A meta-analytic review of effectuation and venture performance // Journal of Business Venturing. 2009. Vol. 24. No. 6. P. 573–587.

[27] Sarasvathy S. D. Causation and effectuation: Toward a theoretical shift from economic inevitability to entrepreneurial contingency // Academy of Management Review. 2001. Vol. 26. No. 2. P. 243–263.

[28] Shirokova G., Osiyevskyy O., Laskovaia A., MahdaviMazdeh H. Navigating the emerging market context: Performance implications of effectuation

and causation for small and medium enterprises during adverse economic conditions in Russia // Strategic Entrepreneurship Journal. 2020. Vol. 14. No. 3. P. 470–500.

[29] Simms C., McGowan P., Pickernell D. G., Vazquez-Brust D. A., Williams A. Uncovering the effectual-causal resilience nexus in the era of Covid-19: A case of a food sector SME's resilience in the face of the global pandemic // Industrial Marketing Management. 2022. Vol. 106. P. 166–182.

[30] Smolka K. M., Verheul I., Burmeister-Lamp K., Heugens P. P. M. A. R. Get it together! Synergistic effects of causal and effectual decision-making logics on venture performance // Entrepreneurship Theory and Practice. 2018. Vol. 42. No. 4. P. 571–604.

References:

[1] Golikova V. V. Managers' Assessment of the Impact of Economic Sanctions on the Operations of Russian Small and Medium-Sized Enterprises // Russian Management Journal. 2023. Vol. 21. No. 4. pp. 552–578.

[2] Karlova N., Puzanova E. The Russian Manufacturing Industry Under Sanctions: Results of a Survey of Enterprises (Analytical Note). Moscow: Bank of Russia, Research and Forecasting Department, 2023. 19 p.

[3] Kuznetsov B. V., Golikova V. V. Russian Manufacturing Executives on Sanction-Related Restrictions and Vulnerability to Them // EKO. 2023. Vol. 53. No. 9. pp. 33–51.

[4] Kuzyk M. G., Simachev Yu. V. Adaptation Strategies of Russian Companies to the 2022 Sanctions // Journal of the New Economic Association. 2023. No. 3 (60). pp. 172–180.

[5] Small and Medium-Sized Entrepreneurship in Russia. 2024: Statistical Compendium. Moscow: Rosstat, 2024. 97 p.

[6] MoySklad. 10.2% of Entrepreneurs on Marketplaces Have Begun Selling Goods from the Parallel Import List // [Electronic Resource]. 2022. URL: https://www.moysklad.ru/poleznoe/statyi/predprinimateli-na-marketpleysakh-nachali-prodavat-tovary-parallelnogo-importa/ (accessed: 12.10.2026).

[7] Read S., Sarasvathy S., Dew N., Wiltbank R., Olsson E.-V. How? A Step-by-Step Guide to Starting a Business. Moscow: Alpina Publisher, 2013. 248 p.

[8] FOM (Public Opinion Foundation). Entrepreneurs' Reactions to Sanctions and Counter-Sanctions // SMBiz.FOM: FOM Small Business Longitudinal Study, Fourth Wave. 2022. URL: https://smbiz.fom.ru/post/reakciya-predprinimatelej-na-sankcii-i-kontrsankcii (accessed: 12.10.2026).

[9] Shirokova G. V., Laskovaya A. K. The Concept of Effectuation: Stages of Development and Main Research Directions // Vestnik of Saint Petersburg University. Management Series. 2015. Issue 2. pp. 3–38.

[10] Shirokova G. V., Laskovaya A. K. Effectuation and Causation as Mediators of the Relationship Between Cultural Value Orientations and the Performance of New Entrepreneurial Firms // Russian Management Journal. 2017. Vol. 15. No. 4. pp. 397–424.

[11] Baker T., Nelson R. E. Creating something from nothing: Resource construction through entrepreneurial bricolage // Administrative Science Quarterly. 2005. Vol. 50. No. 3. pp. 329–366.

[12] Bao S., An W., Wang A., Luo S. What drives the effectual entrepreneurship: combinative effects of environmental uncertainty and entrepreneurs' means // Chinese Management Studies. 2024. Vol. 18. No. 5. pp. 1397–1417.

[13] Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17.No. 1. P. 99–120.

[14] Chandler G. N., DeTienne D. R., McKelvie A., Mumford T. V. Causation and effectuation processes: A validation study // Journal of Business Venturing. 2011. Vol. 26.No. 3. P. 375–390.

[15] de Villiers Scheepers M. J., Gronum S., Cranney S., Tracey N. Business model redesign through effective action in times of crisis // Journal of Small Business Management. 2025. Vol. 63.No. 3. P. 1106–1142.

[16] Dew N., Read S., Sarasvathy S. D., Wiltbank R. Effective versus predictive logics in entrepreneurial decision-making: Differences between experts and novices // Journal of Business Venturing. 2009. Vol. 24.No. 4. P. 287–309.

[17] Harms R., Alfert C., Cheng C.-F., Kraus S. Effectuation and causation configurations for business model innovation: Addressing COVID-19 in the gastronomy industry // International Journal of Hospitality Management. 2021. Vol. 95. Article 102896.

[18] Karami M., Wooliscroft B., Hejazinia M. Struggling and thriving: Effectuation in social and economic stress // Sustainability. 2024. Vol. 16.No. 4. Article 1366.

[19] Kogut C. S., Mello R. D. C. de, Skorupski R. Combining effectuation and causation approaches in entrepreneurship: A 20+ years review // REGEPE Entrepreneurship and Small Business Journal. 2023. Vol. 12.No. 3. e2226.

[20] Kozachenko E., Shirokova G., Bodolica V. Antecedents of effectuation and causation in SMEs from emerging markets: the role of CEO temporal focus // International Journal of Organizational Analysis. 2025. Vol. 33.No. 7. P. 1742–1764.

[21] Laine I., Galkina T. The interplay of effectuation and causation in decision making: Russian SMEs under institutional uncertainty // International Entrepreneurship and Management Journal. 2017. Vol. 13.No. 3. P. 905–941.

[22] Lima E. de O., Silva J. P. M., Lopes R. M. A., Cunha J. A. C. da. Coping with crises in entrepreneurship and effectuation // REGEPE Entrepreneurship and Small Business Journal. 2024. Vol. 13.No. 3.e2621.

[23] Miner A. S., Bassoff P., Moorman C.

Organizational improvisation and learning: A field study // Administrative Science Quarterly. 2001. Vol. 46.No. 2. P. 304–337.

[24] Osiyevskyy O., Shirokova G., Ehsani M. The role of effectuation and causation for SME survival amidst economic crisis // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2023. Vol. 29.No. 7. P. 1664–1697.

[25] Read S., Sarasvathy S., Dew N., Wiltbank R., Ohlsson A.-V. Effective Entrepreneurship. Abingdon: Routledge, 2011. 228 p.

[26] Read S., Song M., Smit W. A meta-analytic review of ectuation and venture performance // Journal of Business Venturing. 2009. Vol. 24.No. 6. P. 573–587.

[27] Sarasvathy S. D. Causation and effectuation: Toward a theoretical shift from economic inevitability to entrepreneurial contingency // Academy of Management Review. 2001. Vol. 26.No. 2. P. 243–263.

[28] Shirokova G., Osiyevskyy O., Laskovaia A., MahdaviMazdeh H. Navigating the emerging market context: Performance implications of effectuation and causation for small and medium enterprises during adverse economic conditions in Russia // Strategic Entrepreneurship Journal. 2020. Vol. 14.No. 3. P. 470–500.

[29] Simms C., McGowan P., Pickernell D. G., Vazquez-Brust D. A., Williams A. Uncovering the effectual-causal resilience nexus in the era of Covid-19: A case of a food sector SME's resilience in the face of the global pandemic // Industrial Marketing Management. 2022. Vol. 106. P. 166–182.

[30] Smolka K. M., Verheul I., Burmeister-Lamp K., Heugens P. P. M. A. R. Get it together! Synergistic effects of causal and effectual decision-making logics on venture performance // Entrepreneurship Theory and Practice. 2018. Vol. 42.No. 4. P. 571–604.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-76-78

МАЛЬЦЕВА Юлия Витальевна,
студентка 2 курса магистратуры,
кафедра цивилистического процесса, организации судебной и прокурорской деятельности,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
e-mail: pervomay103@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАКОНУ И ПО ЗАВЕЩАНИЮ

Аннотация. *Статья посвящена тому, как российское гражданское законодательство упорядочивает переход имущества умершего по закону и в силу его воли, выраженной в завещании, а также соотношению этих оснований после реформы 2019 года, дополнившей систему распоряжений на случай смерти совместным завещанием супругов и наследственным договором. Цель работы состоит в том, чтобы показать, как законодатель распределяет роли между волей наследодателя и императивными правилами закона. Использованы формально-юридический и системный методы, изучены также позиции высшей судебной инстанции по наследственным спорам. Показано, что наследование по закону сохраняет значение восполняющего механизма, тогда как распоряжения наследодателя становятся всё более гибкими. Установлено, что обязательная доля присуждается без учёта реальной нуждаемости наследников, а новые формы распоряжения порождают неясность в составе наследственной массы.*

Ключевые слова: *законное наследование, завещательное наследование, свобода завещательных распоряжений, обязательная доля в наследстве, совместное завещание супругов, наследственный договор, очерёдность наследования, право представления.*

MALTSEVA Yulia Vitalievna,
2nd-year master's student,
Department of Civil Procedure, Organization of Judicial and Prosecutorial Activities
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

LEGAL REGULATION OF INHERITANCE BY LAW AND BY WILL

Annotation. *The article examines the legal regulation of intestate and testamentary succession in Russian civil law and their correlation after the 2019 reform, which added the joint will of spouses and the inheritance contract to the system of dispositions upon death. The aim is to show how the legislator distributes roles between the will of the deceased and mandatory rules of law. Formal legal and systemic methods were used, and the positions of the highest court on inheritance disputes were studied. The study demonstrates that intestate succession remains a gap-filling mechanism, while testamentary dispositions are becoming increasingly flexible. The compulsory share is awarded regardless of the actual need of heirs, and the new forms of disposition create uncertainty regarding the composition of the estate.*

Key words: *intestate succession, inheritance under a will, testamentary freedom, forced share, spousal joint will, succession agreement, priority of heirs, representation of heirs.*

Введение

Наследственное право – это та область, где интересы отдельного человека сильнее всего сталкиваются с ожиданиями близких, требованиями кредиторов и публичными интересами. Действующая редакция статьи 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) называет три основания наследования: завещание, наследственный договор и закон [1]. Второе из них, как и совместное завещание супругов, российское право знает лишь с 1 июня 2019 года: соответствующие поправки внёс в кодекс Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ. Новые конструкции дали наследодателям больше инструментов для планирования судьбы имущества, однако вопрос о том, насколько органично они встроились в традиционную систему, остаётся открытым [2]. Исследователи подробно изучали отдельные элементы наследственного права – наследование по праву представления, обязательную долю, природу совместного завещания, но их взаимодействие в обновлённом законе обычно анализируется по частям, что и определяет актуальность темы.

Цель статьи состоит в анализе регулирования наследования по закону и по завещанию, и в выявлении узлов, где баланс между свободой наследодателя и защитой иных лиц требует корректировки.

Наследование по закону как восполняющий механизм

Наследование по закону действует, когда воля наследодателя не выражена или выражена не полностью. Наследники призываются в порядке очерёдности, и каждая последующая из семи очередей наследует лишь при отсутствии наследников предшествующих очередей либо их отстранении, непринятии или отказе от наследства [1]. По существу, это своеобразное «типовое завещание», которое государство составляет за наследодателя на основе представлений о семейной близости.

Порядок очередей заметно корректирует наследование по праву представления. По мнению Н. В. Ростовцевой, лица, призываемые по этому основанию, получают наследство в силу собственного права и потому сами являются непосредственными законными наследниками умершего [3, с. 31]. Особую группу составляют нетрудоспособные иждивенцы, находившиеся на содержании наследодателя не менее года, которые наследуют вместе с призванной очередью, а при отсутствии других наследников образуют самостоятельную восьмую очередь [1]. Что следует понимать под нетрудоспособностью и иждивением, разъяснено в постановлении высшей судебной инстанции о практике по делам о наследовании [4].

Завещание и пределы свободы распоряжения

Согласно пункту 1 статьи 1119 ГК РФ, завещатель сам решает, кому оставить имущество, в каких долях его распределить и кого из законных наследников вовсе обойти, причём объяснять мотивы такого решения он не обязан [1]. Р. В. Беляев рассматривает завещание как сделку, которую одно лицо совершает лично и которая порождает последствия только после его смерти [2]; отсюда следует, что при жизни завещателя оспорить её нельзя.

Наиболее значимое изъятие из свободы завещания – правило об обязательной доле. Её получают дети, не достигшие совершеннолетия или утратившие трудоспособность, нетрудоспособные родители и супруг, а также нетрудоспособные иждивенцы, и каждый из них при любом содержании завещания вправе рассчитывать хотя бы на половину того, что досталось бы ему при наследовании по закону [1]. По мнению М.В. Игнахиной [5], право на обязательную долю ставится в зависимость от немногих формальных признаков, предлагается расширить диспозитивные начала, позволив в определенных случаях исключать её выделение и использовать альтернативные способы обеспечения уязвимых наследников. Суд вправе уменьшить её лишь в узкой ситуации, когда наследник по завещанию жил в спорном помещении или получал от спорного имущества основной доход, а обладатель права на обязательную долю этим имуществом не пользовался [1]. Нуждаемость как самостоятельный критерий в законе так и не появилась.

Совместное завещание супругов и наследственный договор

С помощью совместного завещания супруги, действуя согласованно, могут решить судьбу как нажитого вместе, так и личного имущества каждого, а заодно установить, из чего будет складываться наследство каждого из них [1]. В. А. Улыбин, сопоставив статьи 256, 1118 и 1150 ГК РФ, полагает, что такое завещание способно охватить лишь общее имущество супругов [6, с. 113], хотя дословная формулировка закона допускает более широкое прочтение. Е. П. Путинцева отмечает, что порядок переустройства наследственной массы супругов урегулирован недостаточно [7]. На трудности применения этих норм указывает и М. Ю. Барщевский [8].

Наследственный договор вносит в наследственное право элемент двусторонности, но наследодатель сохраняет право совершать любые сделки со своим имуществом и в любое время отказаться от договора, возместив контрагентам убытки [1]. Р. В. Беляев видит здесь риск злоупотреблений и предлагает ограничить свободу распоряжения, если по договору получено встречное предоставление [2].

Заключение

Главенство в системе оснований наследования принадлежит воле наследодателя: правила о наследовании по закону применяются лишь постольку, поскольку их действие не устранено завещанием или наследственным договором. Законное наследование остаётся универсальным восполняющим механизмом, тогда как новые формы распоряжения смещают центр тяжести к автономии воли. Ограничители этой свободы настроены пока неточно, а на стыке оснований наследования возникают наиболее сложные споры, например об отстранении недостойных наследников. Представляется целесообразным дополнить статью 1149 ГК РФ критерием нуждаемости, прямо определить в пункте 4 статьи 1118 ГК РФ круг имущества, перераспределяемого совместным завещанием, и ограничить право наследодателя отчуждать предмет наследственного договора после получения встречного исполнения.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

[2] Беляев Р. В. Правовые основы распоряжения имуществом на случай смерти // Экономика. Право. Общество. 2020. № 1 (21). С. 18–33.

[3] Ростовцева Н. В. О наследовании по праву представления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 30–49.

[4] О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/13933/ (дата обращения: 26.09.2026).

[5] Игнахина М. В. Обязательная доля в наследстве как пример императивного правового регулирования в наследственном праве // Наследственное право. 2024. № 4. С. 23–25.

[6] Улыбин В. А. Наследование общего имущества супругов по совместному завещанию и наследственному договору // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11 (87). С. 108–114.

[7] Путинцева Е. П. Совместное завещание и наследственный договор – новые возможности определения прав пережившего супруга при наследовании // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 7 (286). С. 88–92.

[8] Барщевский М. Ю. Проблемы применения положений российского наследственного права о совместном завещании супругов // Юрист. 2024. № 11. С. 2–6.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated November 26, 2001, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.

[2] Belyaev R. V. Legal Foundations for the Disposition of Property in the Event of Death // Economics. Law. Society. 2020. No. 1 (21). pp. 18–33.

[3] Rostovtseva N. V. On Inheritance by Right of Representation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 3. pp. 30–49.

[4] On Judicial Practice in Inheritance Cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2012, No. 9 // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/files/13933/ (accessed: September 26, 2026).

[5] Ignakhina M. V. The Compulsory Share in an Inheritance as an Example of Mandatory Legal Regulation in Inheritance Law // Inheritance Law. 2024. No. 4. pp. 23–25.

[6] Ulybin V. A. Inheritance of Joint Spousal Property via Joint Wills and Inheritance Contracts // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2021. No. 11 (87). pp. 108–114.

[7] Putintseva E. P. Joint Wills and Inheritance Contracts: New Possibilities for Defining the Rights of a Surviving Spouse in Inheritance // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 7 (286). Pp. 88–92.

[8] Barshchevsky M. Yu. Issues in the Application of Provisions of Russian Inheritance Law Regarding Joint Wills of Spouses // Yurist [The Jurist]. 2024. No. 11. Pp. 2–6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-79-83

АЛЬЕС Эвелина Альбертовна,
магистрант Северо-Западного филиала
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
тел.: + 7 (910) 536 45 32,
e-mail: evelinaalies@gmail.com

Научный руководитель:
ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского
процессуального права Северо-Западного филиала
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: voitovich@ya.ru

КАТЕГОРИЯ «СОРАЗМЕРНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Аннотация. *В настоящей статье автор рассматривает оценочную категорию «соразмерность» применительно к обеспечительным мерам в спорах по делам о несостоятельности. В статье автор обращает внимание на отсутствие законодательного закрепления данного понятия, что порождает дискуссии среди правоведов и неоднозначную судебную практику.*

Ключевые слова: *обеспечительные меры, соразмерность, несостоятельность.*

ALYES Evelina Albertovna,
master's student of the Northwestern branch
of Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Saint Petersburg, Russia

Academic Supervisor:
VOITOVICH Lilia Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil procedural law
of Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Saint Petersburg, Russia

THE CATEGORY OF «PROPORTIONALITY» IN THE CONTEXT OF INTERIM MEASURES IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEEDINGS

Annotation. *In this article, the author examines the evaluation category of «proportionality» in relation to interim measures in insolvency disputes. In the article, the author draws attention to the lack of legislative consolidation of this concept, which generates discussions among jurists and ambiguous judicial practice.*

Key words: *interim measures, proportionality, bankruptcy.*

Большинство толковых словарей русского языка определяют «соразмерность» как «соответствующий какой-нибудь мере, соответственный чему-нибудь; правильный в соотношении своих размеров, частей, в своем строении, пропорциональный».

Максимов И.В. отмечает, что категория «соразмерность» своим существом отталкивается от такого общеправового принципа, как справедливость [1].

По мнению Арекелян А.Ю., соразмерность означает равновесие, согласие, баланс, соответствие между действиями субъектов права, между получаемым и отдаваемым в процессе их взаимодействия [2]. Она также указывает, что соразмерность как критерий справедливости означает, что действия субъектов правоотношений должны быть согласованы между собой

и отвечать какой-либо идеальной величине, не выходить за ее пределы.

Применительно к институту обеспечительных мер в рамках судопроизводства о несостоятельности мы встречаем категорию «соразмерность» в ч. 2 ст. 91 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), где указано, что обеспечительные меры должны быть соразмерны заявленному требованию. [3]

Как известно, правовое регулирование обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве) осуществляется комплексно, поскольку обусловлена сочетанным действием Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [4], устанавливающего специфику рассмотрения и наложения обеспечительных мер. Однако категория соразмерности не находит отражения в Законе о банкротстве в отношении института обеспечительных мер.

Соответственно, возникает вполне резонный вопрос, что же в данном случае подразумевается под соразмерностью?

На сегодняшний день отсутствует законодательное закрепление данной правовой категории.

Отметим, что подходы к пониманию данной правовой категории несколько менялись с течением времени. До 2023 года приходилось руководствоваться разъяснениями, изложенными в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» [5], и в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» [6]. В Информационном письме и в Пленуме одинаково изложена позиция ВАС: оценка соразмерности производится арбитражным судом с учетом соотносимости права и интереса, о защите которых просит заявитель, стоимости имущества, на которое он просит наложить арест, либо имущественных последствий запрещения совершения определенных действий должнику, а также на основе иных критериев. Такая формулировка как «иные критерии» свидетельствует об отсутствии исчерпывающем перечне критериев соразмерности. Соответственно, данный вопрос остается на усмотрение суда.

Вместе с тем, отсутствие на законодательном уровне категории соразмерность привело к многолетним дискуссиям среди правоведов.

Рутковская Л.Г. полагала, что соразмерность обеспечительных мер заявленным требованиям означает применение судом обеспечительных мер в таком объеме, при котором они будут соответствовать характеру и сущности исковых требований, для чего недостаточно банального математического уравнивание двух чисел [7].

Ярков В.В. писал, что соразмерность обеспечительных мер заявленному требованию заключается в соответствии (адекватности) имущественного интереса заявителя мерам, о применении которых он ходатайствует перед арбитражным судом [8].

Дербишева О.А. «Слабым местом» в применении в арбитражном процессе обеспечительных мер является отсутствие четкого нормативного закрепления критерия соразмерности обеспечительных мер заявленным исковым требованиям [9].

В результате в 2023 году было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [10].

Постановление в п. 18 через конкретные практические примеры раскрывает соразмерности обеспечительных мер заявленным исковым требованиям. Так, по общему правилу суд вправе наложить арест на имущество ответчика в пределах цены иска или запретить ответчику, другим лицам совершать определенные действия исключительно в рамках заявленного требования.

Несмотря на разъяснения, содержащиеся в п. 18 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты», категория «соразмерность» все еще остается оценочной. При этом, необходимо учитывать, что в каждом деле свой предмет доказывания и могут быть особенные правила распределения бремени доказывания [11]. В связи с этим судебная практика неоднозначна.

Нередко вопрос о соразмерности обеспечительных мер заявленным требованиям в рамках судопроизводства по делам о несостоятельности встает в случаях привлечения контролирующего должника лица (КДЛ) к ответственности. Рассмотрим примеры из судебной практики.

Так в рамках дела о банкротстве ООО «СибЭнергоАктив-Иркутск» были приняты обеспечительные меры в виде ареста имущества, в том числе денежных средств на сумму 81,1 млн. рублей в отношении Сергея Ананина, Андрея Мусникова, Евгения Попова, Артема Стрельникова и ООО «Энерготех» [12]. Евгений Попов обратился в суд с заявлением об отмене обеспечительных мер, указав на то, что он не является контролирующим должника лицом, а принятые меры несоразмерны и препятствуют его предпринимательской деятельности, реестр требований кредиторов меньше установленных судебным актом обеспечительных мер. Кроме того, арест

денежных средств препятствует осуществлению ответчиком предпринимательской деятельности

Арбитражный суд Иркутской области полностью отменил обеспечительные меры в отношении Евгения Попова. пришел к выводу о том, что принятые обеспечительные меры не могут соотноситься с размером возможной ответственности Попова Е.Н.

Апелляционный суд указал, что отмене подлежат обеспечительные меры только в части ареста денежных средств, необходимых для оплаты коммунальных услуг, налогов, сборов, взносов и выплаты зарплаты работникам в рамках предпринимательской деятельности. Учитывая денежную сумму, находящуюся на специальном счете должника, денежные средства, зарезервированные конкурсным управляющим, а также реестр требований кредиторов, арест имущества был наложен на общую стоимость имущества, подлежащего аресту, в размере 44 484 815,00 руб. С выводами апелляционного суда согласился суд кассационной инстанции.

По данному делу высказывались и юристы, по их мнению, если имеются обстоятельства, объективно свидетельствующие о возможности удовлетворить требования кредиторов и уменьшить размер субсидиарной ответственности; и т.д. – соразмерно должен и уменьшаться объем принимаемых обеспечительных мер, на что справедливо и указал суд кассационной инстанции в комментируемом споре.

Рассмотрим противоположный пример. Так в рамках дела о несостоятельности акционерного общества коммерческого банка «Ассоциация» его конкурсный управляющий государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» обратилась в Арбитражный суд Нижегородской области с заявлением о наложении обеспечительных мер по обособленному спору о взыскании с ASCENT CAPITAL LIMITED, LOKEMOR LIMITED, FUAMARI NOMINEES LIMITED, CASSIN INVESTMENTS LTD, REALAW A.P.M DIRECTORS LIMITED, REALAW A.P.M SECRETARIAL LIMITED, REALAW A.P.M NOMINEES LIMITED, REALAW A.P.M PARTNERS LIMITED, Лордос Александры Валидовны, МинасянаМартироса Константиновича, Ворона Александра Сергеевича, Макаревича Владимира Леонидовича, Турлова Тимура Руслановича, Машагина Станислава Олеговича, Косыревой Марины Вановны, Артемьевой Ольги Александровны убытков [13].

Арбитражный суд Нижегородской области удовлетворил заявление частично, наложив арест на имущество, в том числе денежные средства и запретив ФНС РФ осуществлять регистрацию увеличения и (или) уменьшения размера уставного капитала Общества. Арбитражный апелляционный суда оставил определение без изменений.

Не согласившись с судебными актами судов в части применения обеспечительных мер, Турлов Т.Р. обратился с кассационной жалобой. В жалобе он указал, что обеспечительная мера в виде запрета осуществления регистрации увеличения или уменьшения уставного капитала Общества не связана с предметом заявленного конкурсным управляющим требования, а также несоразмерна ему с учетом того, что на денежные средства и имущество Турлова Т.Р. наложен арест в пределах суммы требований.

Однако суд кассационной инстанции не разделил позицию Турлова Т.Р. По мнению суда, тот факт, что наряду с арестом на имущество и денежные средства, установлен запрет уполномоченному органу осуществлять регистрацию увеличения или уменьшения уставного капитала Общества, не свидетельствует о несоразмерности принятых обеспечительных мер. Суд оставил кассационную жалобу без удовлетворения и оставил без изменения акты нижестоящих инстанций.

Вновь приведем пример из судебной практики, когда суд встал на сторону заявителя.

Общество «СколХимПром» в деле о банкротстве общества «Башкиравтодор» обратилось в арбитражный суд с заявлением к Юланову И.Г., Усманову И.Р., Ликомаскину А.И. и Минземимуществу о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника [14].

Определением суда от 04.12.2024 к участию в обособленном споре в качестве соответчика привлечено общество «Региональный фонд».

В рамках названного обособленного спора были приняты обеспечительные меры в виде наложения ареста на недвижимое имущество, акции, ценные бумаги, доли в уставных капиталах хозяйственных обществ, принадлежащих обществу «Региональный фонд», в пределах 2 183 963 599 руб. 07 коп.; запрета регистрирующему органу осуществлять регистрационные действия по отчуждению и обременению недвижимого имущества, принадлежащего обществу «Региональный фонд», в пределах 2 183 963 599 руб. 07 коп.

Общество «Региональный фонд» представило в арбитражный суд 15.04.2025 заявление об отмене вышеуказанных обеспечительных мер по спору о привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления об отмене обеспечительных мер отказано. Выводы суда поддержала и апелляционная инстанция. Однако арбитражный суд округа категорически не согласился с позицией нижестоящих судебных инстанций. Суд отметил, что ранее был наложен арест на имущество и денежные средства на счетах Юланова И.Г., Усманова И.Р., Ликомаскина А.И. в пределах суммы 3 450 621 323 руб. 07 коп., а затем приняты обеспечительные меры в отношении обыкновенных акций должника, принадлежащих Фонду и Минземимуществу имуществу, что является

достаточным обеспечением. Суд также указал, что обеспечительные меры на неопределенно длительное время накладывают арест на недвижимость, акции, ценные бумаги, доли в уставных капиталах хозяйственных обществ, принадлежащих Фонду.

Данные обстоятельства не позволяют говорить о том, что избранные обеспечительные меры являются соразмерными заявленному требованию. По мнению суда, обеспечительные меры в данном случае являются несоразмерными, чрезмерными, препятствуют деятельности Фонда, существенно ее затрудняют, в том числе, делают невозможным передачу недвижимости в аренду и получение соответствующих доходов.

Итак, категория соразмерности обеспечительных мер в делах о несостоятельности представляет собой оценочную правовую категорию, тесно связанную с принципами справедливости и баланса интересов сторон. Несмотря на принятие нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, четкие и единые критерии категории «соразмерность» в контексте обеспечительных мер на сегодняшний день отсутствуют. Судебная практика по обеспечительным мерам в делах о банкротстве показывает неустойчивость критериев оценки соразмерности. Однако полагаем, что закрепить в законе понятие соразмерности, а также ее критерии нельзя, поскольку обстоятельства каждого спора (а в особенности, если речь идет о банкротном споре) индивидуальны, имеет свои нюансы и особенности, которые учитывает суд непосредственно при рассмотрении дела.

Список литературы:

[1] Максимов И. В. «Соразмерность» как общеправовая категория / И. В. Максимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 2(84). – С. 163-169.

[2] Аракелян А.Ю. Справедливость: цивилистический аспект // Современное право. – 2007. – № 10. – С. 57-61.

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002» 95-ФЗ [ред. от 15.12.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3013.

[4] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [ред. от 04.08.2026] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. Ст. 4190.

[5] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // «Вестник ВАС РФ». – 2004. – № 8. – С. 100-125.

[6] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // «Вестник ВАС РФ». – 2006. – № 12. – С. 68-79.

[7] Рутковская Л.Г. Соразмерность обеспечительных мер заявленным требованиям // Арбитражные споры. – 2014. – № 3 (67). – С. 128–144.

[8] Ярков В.В. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. – 8-е изд., перераб. и доп. - Москва : Статут, 2021. – 752 с.

[9] Дербишева О.А. Соразмерность как критерий правомерности применения обеспечительных мер в арбитраже / О. А. Дербишева // Вестник Института экономических исследований. – 2023. – № 4 (32). – С. 130-135.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». – 2023. – № 8. – С. 9-20.

[11] Войтович Л.В., Нахова Е.А., Силина Е.В. Предмет доказывания и бремя доказывания в гражданском судопроизводстве в англосаксонской и континентальной правовых системах зарубежных стран. // Весник Санкт-Петербургского университета. № 4 (октябрь-декабрь). 2023. С. 1062-1076.

[12] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.02.2026 по делу № А19-18365/2020 // Информационная система «Мой арбитр». URL: https://my.arbitr.ru/ (дата обращения: 05.09.2026).

[13] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.08.2024 по делу № А43-33753/2019 // Информационная система «Мой арбитр». URL: https://my.arbitr.ru/ (дата обращения: 05.09.2026).

[14] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.10.2025 по делу № А07-3960/2024 // Информационная система «Мой арбитр». URL: https://my.arbitr.ru/ (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Maksimov I. V. «Proportionality» as a General Legal Category / I. V. Maksimov // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2012. – No. 2(84). – pp. 163–169.

[2] Arakelyan A. Yu. Justice: A Civil Law Perspective // Modern Law. – 2007. – No. 10. – pp. 57–61.

[3] Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ [as amended on December 15, 2025] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3013.

[4] Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» of October 26, 2002, No. 127-FZ [as amended on August 4, 2026] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.

[5] Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation

of July 7, 2004, No. 78 «Review of the Practice of Applying Preliminary Interim Measures by Arbitration Courts» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2004. – No. 8. – pp. 100–125.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 12, 2006, No. 55 «On the Application of Interim Measures by Arbitration Courts» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2006. – No. 12. – pp. 68–79.

[7] Rutkovskaya L.G. Proportionality of Interim Measures in Relation to the Claims Asserted // Arbitration Disputes. – 2014. – No. 3 (67). – pp. 128–144.

[8] Yarkov V.V. Arbitration Procedure: Textbook / Ed. by V. V. Yarkov. – 8th ed., revised and supplemented. – Moscow: Statut, 2021. – 752 p.

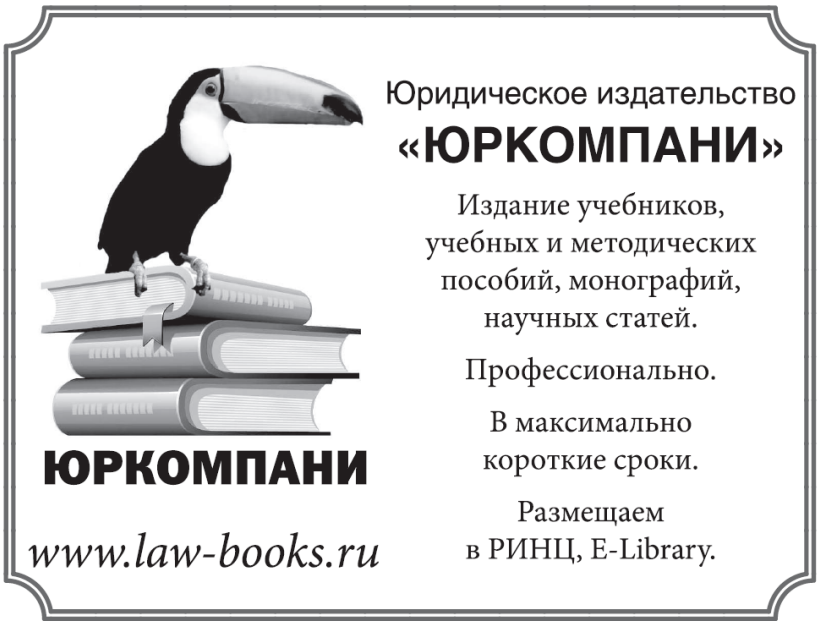
[9] Derbisheva O.A. Proportionality as a Criterion for the Lawfulness of Applying Interim Measures in Arbitration / O. A. Derbisheva // Bulletin of the Institute for Economic Research. – 2023. – No. 4 (32). – pp. 130–135.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 1, 2023, No. 15 “On Certain Issues Regarding the Granting of Interim Measures, Security for Claims, and Preliminary Protective Measures by Courts” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2023. – No. 8. – pp. 9–20.

[11] Voytovich L.V., Nakhova E.A., Silina E.V. The Subject Matter of Proof and the Burden of Proof in Civil Litigation: A Comparison of Anglo-Saxon and Continental Legal Systems // Vestnik of Saint Petersburg University. No. 4 (October–December). 2023. pp. 1062–1076. [12] Ruling of the Arbitration Court of the East Siberian District dated February 27, 2026, in case No. A19-18365/2020 // «My Arbitr» (My Arbiter) information system. URL: https://my.arbitr.ru/ (accessed: September 5, 2026).

[13] Ruling of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated August 7, 2024, in case No. A43-33753/2019 // «My Arbitr» (My Arbiter) information system. URL: https://my.arbitr.ru/ (accessed: September 5, 2026).

[14] Ruling of the Arbitration Court of the Ural District dated October 2, 2025, in case No. A07-3960/2024 // «My Arbitr» (My Arbiter) information system. URL: https://my.arbitr.ru/ (accessed: September 5, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-84-90

РЫКОВА Надежда Юрьевна,
студент магистратуры 2 года обучения
Высшей школы государственного аудита (факультет)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
тел.: + 7(909) 782-16-70,
e-mail: nadya.rikova@mail.ru

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация. *В статье исследуются финансово-правовые механизмы защиты прав инвесторов при несостоятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг в Российской Федерации. Рассматриваются правовые режимы обособления клиентских активов, специального брокерского счета, депозитарного учета, деятельности временной администрации, ведения реестра клиентов и удовлетворения требований клиентов в процедурах банкротства. Особое внимание уделяется Федеральному закону от 31 июля 2025 г. № 331-ФЗ, которым введена система возмещения стоимости имущества, учтенного на индивидуальных инвестиционных счетах, с максимальным размером компенсационной выплаты 1,4 млн руб. Анализируется соотношение превентивных и компенсационных механизмов защиты, а также зарубежный опыт, представленный актами IOSCO и законодательством Европейского союза. На основе анализа законодательства и практики реализации предлагается рассматривать защиту инвесторов как многоуровневую финансово-правовую систему, включающую допуск и надзор, сегрегацию клиентских активов, процедуры их возврата и ограниченный механизм компенсации. Обосновываются предложения по дальнейшему развитию системы защиты инвесторов, включая совершенствование правил участия в компенсационных механизмах, повышение прозрачности использования клиентских активов и усиление требований к их ежедневной сверке.*

Ключевые слова: *инвестор, рынок ценных бумаг, профессиональный участник рынка ценных бумаг, брокер, банкротство, несостоятельность, клиентские активы, финансово-правовое регулирование, компенсационная выплата, индивидуальный инвестиционный счет, Банк России, защита прав инвесторов.*

RYKOVA Nadezhda Yurevna,
2nd year Master's student,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

FINANCIAL AND LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING INVESTOR RIGHTS IN THE EVENT OF THE INSOLVENCY OF PROFESSIONAL SECURITIES MARKET PARTICIPANTS

Annotation. *The article examines the financial and legal mechanisms for protecting the rights of investors in the event of insolvency of professional securities market participants in the Russian Federation. It considers the legal regimes of segregation of client assets, special brokerage accounts, depository accounting, the activities of temporary administration, maintenance of the client register, and satisfaction of client claims in bankruptcy proceedings. Particular attention is paid to Federal Law No. 331-FZ of July 31, 2025, which introduced a system for compensating the value of property recorded on individual investment accounts, with a maximum compensation payment of 1.4 million rubles. The relationship between preventive and compensatory protection mechanisms is analyzed, as well as foreign experience represented by IOSCO acts and the legislation of the European Union. Based on the analysis of legislation and implementation practice, it is proposed to consider investor protection as a multi-level financial and legal system that includes admission and supervision, segregation of client assets, procedures for their return, and a limited compensation*

mechanism. Proposals are substantiated for the further development of the investor protection system, including improving the rules for participation in compensation mechanisms, increasing the transparency of the use of client assets, and strengthening the requirements for their daily reconciliation.

Key words: *investor, securities market, professional securities market participant, broker, bankruptcy, insolvency, client assets, financial and legal regulation, compensation payment, individual investment account, Bank of Russia, protection of investors' rights.*

Введение

Современный рынок ценных бумаг предполагает значительную зависимость инвестора от профессионального финансового посредника. Большая часть операций физических и юридических лиц осуществляется не непосредственно, а через брокеров, доверительных управляющих, депозитарии и иных профессиональных участников рынка ценных бумаг. По данным Банка России, по итогам II квартала 2026 г. на брокерском обслуживании находилось 58,9 млн клиентов, а стоимость активов физических лиц на брокерском обслуживании составляла 13,6 трлн руб. Количество профессиональных участников рынка ценных бумаг достигало 494 организаций [17]. Таким образом, финансовая устойчивость профессионального участника приобретает значение не только для самого юридического лица, но и для значительного количества лиц, имущество которых находится у него или учитывается с его участием.

Актуальность темы усилилась после принятия Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о системе возмещения стоимости имущества, учтенного на индивидуальных инвестиционных счетах» [7], которым создана специальная система возмещения стоимости имущества физических лиц, учтенного на индивидуальных инвестиционных счетах (ИИС). В отличие от ранее существовавшей модели, основанной преимущественно на обособлении клиентского имущества и его возврате, законодатель сформировал дополнительный финансовый механизм компенсации потерь инвестора при недостаточности имущества профессионального участника.

Цель исследования состоит в комплексном анализе финансово-правовых механизмов защиты инвесторов при несостоятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и выработке предложений по их совершенствованию.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении указанных механизмов не как совокупности отдельных норм о банкротстве, лицензировании и защите инвесторов, а как единой многоуровневой системы, в которой финансово-правовые инструменты должны последовательно снижать риск утраты клиентских активов на этапах допуска профессионального участника на рынок, текущего надзора, возникновения финансовых проблем, прекращения деятельности и банкротства.

Финансово-правовая природа защиты инвесторов при несостоятельности профессиональных участников

Профессиональные участники рынка ценных бумаг выполняют посредническую и инфраструктурную функцию. К ним относятся брокеры, дилеры, доверительные управляющие, депозитарии, регистраторы и инвестиционные советники в соответствии с предусмотренными законом видами деятельности [3]. Банк России осуществляет допуск соответствующих субъектов на финансовый рынок, а законодательство предусматривает специальные требования к их деятельности.

Финансово-правовой аспект защиты инвесторов проявляется прежде всего в публичном регулировании деятельности таких организаций. В отличие от исключительно гражданско-правовой модели, основанной на договоре между брокером и клиентом, финансовое право устанавливает обязательные требования к капиталу, лицензированию, внутреннему учету, организации деятельности, отчетности, контролю и сохранности клиентских активов.

Такой подход обусловлен специфической экономической природой профессионального участника. Он одновременно является самостоятельным субъектом предпринимательской деятельности и посредником, который распоряжается либо осуществляет учет имущества третьих лиц. Следовательно, финансовая устойчивость профессионального участника не может оцениваться только исходя из его собственного имущества.

В этой связи представляется целесообразным разграничивать три категории имущества:

1. собственное имущество профессионального участника;
2. имущество клиентов, переданное профессиональному участнику или учитываемое им;
3. денежные средства и финансовые инструменты, в отношении которых профессиональному участнику предоставлено договорное право использования.

Именно третья категория создает наиболее существенный риск для инвестора. Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» допускает использование брокером денежных средств клиентов в собственных интересах, если соответствующее право предусмотрено договором [3]. При этом средства клиентов, которые не предоставили такого права, должны находиться на специальном брокерском счете, а брокер обязан вести учет средств каждого клиента. На такие

средства не может быть обращено взыскание по обязательствам самого брокера.

Таким образом, законодательство использует прежде всего механизм сегрегации, то есть отделения клиентского имущества от имущества профессионального участника.

В международных стандартах аналогичный подход также рассматривается как основополагающий. IOSCO указывает, что эффективные механизмы защиты клиентских активов должны снижать риск их утраты вследствие несостоятельности инвестиционной фирмы. В качестве основных методов рассматриваются обособление клиентских активов [24], их преимущественный правовой режим и компенсационные схемы [23].

Следовательно, защита инвестора при банкротстве должна начинаться задолго до возбуждения дела о несостоятельности. Основным способом защиты инвестора является исключение принадлежащего ему имущества из конкурсной массы профессионального участника [11]. Статья 185.6 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что в конкурсную массу профессионального участника рынка ценных бумаг не включается имущество клиентов, находящееся, в частности, на специальном брокерском счете, торговом или клиринговом счете, счете депо, специальном депозитарном счете, отдельном банковском счете, используемом для операций доверительного управления, а также иное имущество клиентов, находящееся у профессионального участника на предусмотренных законом основаниях [2].

Данная норма имеет принципиальное значение. Если денежные средства или ценные бумаги правильно идентифицированы как клиентские, инвестор не должен конкурировать ими с обычными кредиторами брокера.

Для депозитарной деятельности действует аналогичный принцип. Нормативное регулирование предусматривает обособленное хранение и учет ценных бумаг клиентов от собственных ценных бумаг депозитария. При банкротстве депозитария ценные бумаги клиентов не включаются в конкурсную массу [8].

Однако механизм сегрегация не является абсолютной гарантией, поэтому одного механизма обособления недостаточно. Необходима его связь с постоянным надзором и механизмами компенсации [12].

Особое значение имеет Положение Банка России от 31 января 2017 г. № 577-П «О правилах ведения внутреннего учета профессиональными участниками рынка ценных бумаг, осуществляющими брокерскую деятельность, дилерскую деятельность и деятельность по управлению ценными бумагами», регулирующее правила ведения внутреннего учета профессиональными участниками рынка ценных бумаг, осуществляющими брокерскую, дилерскую деятельность и деятельность по управлению ценными бумагами [9]. Банк России непосредственно относит внутренний учет к элементам регулирования профессиональной деятельности.

Важным элементом системы является не только банкротство как финальная процедура, но и стадия, предшествующая ему. Статья 185.2 Федерального закона № 127-ФЗ устанавливает специальные обязанности временной администрации профессионального участника рынка ценных бумаг [2]. Согласно ей, экономическая функция временной администрации заключается в предотвращении ухудшения положения инвесторов в период, когда финансовое состояние профессионального участника уже нестабильно, но процедура банкротства еще не завершена.

Следовательно, современная модель защиты инвесторов предполагает не только вертикальное отношение «Банк России – брокер – инвестор», но и горизонтальное информационное взаимодействие между различными субъектами финансового рынка.

Таким образом, можно выделить два различных режима: первый – возврат самого клиентского имущества; второй – денежное требование к банкроту в отношении недостающего имущества.

Это различие имеет принципиальное значение. Если у брокера имеется 1 млн руб., принадлежащих инвестору и надлежащим образом обособленных, инвестор не должен получать их пропорционально вместе с другими кредиторами. Эти средства возвращаются клиенту. Если же вследствие использования активов, недостатка денежных средств или иных обстоятельств имущества недостаточно, возникает уже конкурсное требование [10].

При этом Банк России прямо разъясняет инвесторам необходимость сохранять договор о брокерском обслуживании, брокерские отчеты и документы, подтверждающие приобретение ценных бумаг. При банкротстве инвестор должен заявить требование о включении в реестр клиентов и приложить соответствующие документы [25]. Практика показывает тем самым, что формальное наличие законодательной защиты не устраняет процессуальные риски. Возможность реализации права инвестора зависит в том числе от качества учета и документального подтверждения его требований.

Представляется целесообразным совершенствовать законодательство в направлении установления более жестких требований к раскрытию последствий предоставления брокеру права использовать клиентские активы. В частности, такое условие целесообразно выделять отдельным блоком договора, с прямым указанием на последствия возможного банкротства профессионального участника.

Подобный подход соответствует международным принципам. В рамках MiFID II инвестиционная фирма обязана принимать меры для

защиты прав собственности клиентов, особенно в случае собственной несостоятельности, а использование финансовых инструментов клиента для собственных операций допускается при наличии его согласия [21].

Кроме того, европейские правила предусматривают обязанность инвестиционных фирм вести учет таким образом, чтобы в любой момент можно было отличить активы одного клиента от активов другого клиента и от собственных активов фирмы, а также проводить регулярные сверки с данными третьих лиц, у которых хранятся клиентские активы [20]. Именно регулярная сверка представляется одним из направлений, которое может быть дополнительно усилено в российском регулировании.

Международная практика показывает, что защита инвесторов при несостоятельности инвестиционной фирмы обычно строится на сочетании нескольких механизмов. IOSCO выделяет три основные группы инструментов: предоставление клиентским активам специального статуса при банкротстве, их постоянное обособление от активов фирмы и создание компенсационных механизмов [23]. Такой подход совпадает с направлением развития российского законодательства.

В Европейском союзе важное значение имеет Директива 97/9/ЕС о схемах компенсации инвесторам [22]. Она предусматривает существование компенсационных схем, предназначенных для случаев, когда инвестиционная фирма не может вернуть инвестору принадлежащие ему денежные средства или финансовые инструменты. Директива установила минимальный гармонизированный уровень компенсации в размере 20 тыс. евро на инвестора.

Практика показывает, что наиболее важным фактором при прекращении деятельности брокера становится возможность оперативно определить принадлежность активов конкретному клиенту. Если активы находятся в надлежащем учете, ситуация принципиально отличается от случая, когда брокер использовал их в собственной деятельности. В первом случае инвестор фактически реализует право собственника на возврат имущества. Во втором – появляется денежный риск, связанный с платежеспособностью брокера и результатами конкурсного производства [13].

Судебная практика также демонстрирует значение разграничения собственного и клиентского имущества. Например, в арбитражной практике при прекращении деятельности профессионального участника суды ссылаются на статьи 185.6 Федерального закона № 127-ФЗ, предусматривающие исключение клиентского имущества из конкурсной массы и обязанность конкурсного управляющего передавать клиентам оставшееся имущество [18].

В то же время нужно отметить, что банкротство профессионального участника отличается от банкротства обычной коммерческой организации тем, что значительная часть имущества, находящегося у должника, может не принадлежать ему. Н. Берёзов рассматривает банкротство профессиональных участников рынка ценных бумаг одновременно как правовую и экономическую проблему [19], а А. Савельев акцентирует внимание на необходимости совершенствования механизмов банкротства таких организаций [14].

В более широком контексте защита прав инвесторов рассматривается как самостоятельное направление развития законодательства о рынке ценных бумаг. М. Холкина связывает эффективность защиты инвестора с необходимостью согласования гражданско-правовых способов защиты с публично-правовыми гарантиями [15].

Проблемы действующей модели и направления ее совершенствования

Анализ законодательства позволяет выделить несколько основных проблем:

1) Ограниченность компенсационной системы. Новая система возмещения стоимости имущества на ИИС является существенным шагом в развитии защиты инвесторов, однако она не распространяется автоматически на все клиентские активы. Инвестор, не использующий ИИС, продолжает в значительной степени зависеть от механизмов сегрегации и конкурсного производства. Представляется обоснованным поэтапное расширение компенсационной защиты, прежде всего для неквалифицированных инвесторов - физических лиц. При этом компенсация должна сохранять ограниченный характер, поскольку полное гарантирование инвестиционного имущества создало бы проблему морального риска и снизило бы стимулы инвестора оценивать надежность профессионального участника.

2) Добровольность участия в системе компенсации ИИС. Добровольный характер участия создает информационный риск. Представляется целесообразным как минимум установить обязанность участника системы и лиц, не участвующих в ней, раскрывать информацию о наличии или отсутствии компенсационной защиты непосредственно перед заключением договора на ведение ИИС.

Такая информация должна быть стандартизированной и содержать:

– факт участия в системе;

– максимальный размер компенсации;

– перечень покрываемого имущества;

– условия возникновения права на выплату;

– отсутствие компенсации инвестиционного убытка, вызванного изменением рыночной стоимости активов.

Последний элемент особенно важен. Компенсационная система должна защищать от риска неспособности профессионального участника вернуть имущество, но не от обычного инвестиционного риска.

3) Необходимость усиления текущего контро-

ля за клиентскими активами. Сегрегация будет эффективной только при достоверном учете. В этой связи целесообразно усилить требования к регулярной автоматизированной сверке:

внутренний учет брокера > специальный банковский счет > депозитарный учет > данные клиринговой организации > данные Банка России.

Подобная модель соответствует международным принципам защиты клиентских активов, согласно которым инвестиционные фирмы должны обеспечивать возможность своевременно отличить активы каждого клиента от активов других клиентов и собственных активов, а также регулярно сверять внутренние записи с данными третьих лиц [20].

4) Раскрытие информации об использовании клиентских активов. Предоставление брокеру права использовать денежные средства или финансовые инструменты должно сопровождаться более заметным раскрытием риска банкротства. Целесообразно отказаться от практики, при которой такое условие фактически остается скрытым среди многочисленных положений договора или регламента брокерского обслуживания. Согласие инвестора должно быть выраженным, информированным и содержать указание на то, что при несостоятельности брокера соответствующие активы могут не быть доступны для немедленного возврата.

Заключение

Главным научным выводом является то, что финансово-правовая защита инвестора при банкротстве не должна рассматриваться исключительно как механизм компенсации уже понесенного ущерба. Ее основная функция состоит в недопущении трансформации клиентского имущества в имущество банкрота. Поэтому первичным механизмом должен оставаться режим сегрегации и достоверного учета, а компенсация должна выступать дополнительной гарантией на случай недостаточности клиентских активов.

В качестве направлений совершенствования российского законодательства предлагается: расширять компенсационную защиту неквалифицированных инвесторов постепенно и с учетом риска морального поведения; повысить прозрачность участия профессиональных участников в системе компенсации; усилить требования к регулярной сверке клиентских активов; обеспечить более четкое раскрытие рисков предоставления брокеру права использования имущества клиента.

Таким образом, развитие российского регулирования должно идти не по пути простой компенсации потерь инвестора, а по пути формирования многоуровневой системы финансовой устойчивости профессионального участника и сохранности клиентских активов, в которой финансовый надзор, сегрегация, депозитарный учет, процедуры банкротства и компенсационные фонды взаимно дополняют друг друга.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

[3] Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

[4] Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 10. – Ст. 1163.

[5] Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4562.

[6] Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6726.

[7] Федеральный закон от 31.07.2025 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о системе возмещения стоимости имущества, учтенного на индивидуальных инвестиционных счетах» // Официальное опубликование правовых актов. – 31.07.2025.

[8] Положение Банка России от 29.06.2022 № 798-П «О порядке лицензирования Банком России видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, указанных в статьях 3–5, 7 и 8 Федерального закона от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ „О рынке ценных бумаг“, и порядке ведения Банком России реестра профессиональных участников рынка ценных бумаг…» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/explan/pdrcb/ (дата обращения: 21.09.2026).

[9] Положение Банка России от 31.01.2017 № 577-П «О правилах ведения внутреннего учета профессиональными участниками рынка ценных бумаг, осуществляющими брокерскую деятельность, дилерскую деятельность и деятельность по управлению ценными бумагами» [Электронный ресурс]. – https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/86297/-1/1881?utm (дата обращения: 21.09.2026).

[10] Акопян О. А. Проблемы кодификации инвестиционного законодательства: финансово-правовой аспект // Журнал российского права. – 2021. – № 3. – С. 117–125.

[11] Алексеенко А. П. Инвестиционное право / А. П. Алексеенко // Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2019. – 132 с.

[12] Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Регули-

рование инвестиций как форма защиты экономических интересов государства // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 105–116.

[13] Иванов Л. Н. Защита прав инвесторов при привлечении средств через ЦФА: правовые механизмы и риски // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 129–133.

[14] Савельев А. А. Банкротство профессиональных участников рынка ценных бумаг: проблемы и пути их решения // Право и экономика. – 2019. – № 2. – С. 74–80.

[15] Холкина М. Г. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг: монография / М. Г. Холкина // Владивосток: ВГУЭС, 2013. – 179 с.

[16] Банк России. Банкротство и аннулирование лицензии брокера: вопросы и ответы // Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/faq/rcb/bankrotstvo_brokera/ (дата обращения: 21.09.2026).

[17] Банк России. Рынок ценных бумаг: статистические данные по итогам II квартала 2026 года // Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 21.09.2026).

[18] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.10.2025 по делу № А56-39812/2025 // СудАкт. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/gBzr08kwo21e/ (дата обращения: 21.09.2026).

[19] Березов Н. М. Особенности процедуры банкротства профессиональных участников рынка ценных бумаг в российской федерации // Вестник науки. – 2024. – №3 (72). – С. 26–51.

[20] Commission Delegated Directive (EU) 2017/593 of 7 April 2016 supplementing Directive 2014/65/EU with regard to safeguarding of financial instruments and funds belonging to clients // Official Journal of the European Union. – 2017. – L 87. – P. 500–517.

[21] Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments (MiFID II) // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 173. – P. 349–496.

[22] Directive 97/9/EC of the European Parliament and of the Council of 3 March 1997 on investor-compensation schemes // Official Journal of the European Communities. – 1997. – L 84. – P. 22–31.

[23] International Organization of Securities Commissions. Client Asset Protection. Report of the Technical Committee of IOSCO // [Electronic resource]. – Madrid: IOSCO, 1996. – URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/ioscopd57.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

[24] International Organization of Securities Commissions. Objectives and Principles of Securities Regulation // [Electronic resource]. – Madrid : IOSCO, 2003. – URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/ioscopd154.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

[25] International Organization of Securities Commissions. Recommendations Regarding the Protection of Client Assets // [Electronic resource]. – Madrid : IOSCO, 2013. – URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD436.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on June 10, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[2] Federal Law dated October 26, 2002, No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.

[3] Federal Law dated April 22, 1996, No. 39-FZ «On the Securities Market» (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 17. – Art. 1918.

[4] Federal Law dated March 5, 1999, No. 46-FZ «On the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Investors in the Securities Market» (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 10. – Art. 1163.

[5] Federal Law dated November 29, 2001, No. 156-FZ «On Investment Funds» (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4562.

[6] Federal Law No. 325-FZ of November 21, 2011, «On Organized Trading» (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 48. – Art. 6726.

[7] Federal Law No. 331-FZ of July 31, 2025, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on a System for Compensating the Value of Assets Held in Individual Investment Accounts» // Official Publication of Legal Acts. – July 31, 2025.

[8] Bank of Russia Regulation No. 798-P of June 29, 2022, «On the Procedure for Licensing by the Bank of Russia of Types of Professional Activity in the Securities Market, as Specified in Articles 3–5, 7, and 8 of Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996, 'On the Securities Market,' and on the Procedure for Maintaining by the Bank of Russia a Register of Professional Participants in the Securities Market...» [Electronic resource]. – URL: https://www.cbr.ru/explan/pdrcb/ (accessed: September 21, 2026).

[9] Bank of Russia Regulation No. 577-P of January 31, 2017, «On the Rules for Maintaining Internal Records by Professional Participants in the Securities Market Engaged in Brokerage, Dealing, and Securities Management Activities» [Electronic resource]. – https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/86297/-1/1881?utm (accessed: 21.09.2026).

[10] Akopyan O. A. Problems of Codifying Investment Legislation: A Financial-Legal Aspect // Journal of Russian Law. – 2021. – No. 3. – pp. 117–125.

[11] Alekseenko A. P. Investment Law / A. P. Alekseenko // Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service, 2019. – 132 p.

[12] Doronina N. G., Semilyutina N. G. Regulation of Investments as a Form of Protecting the Economic Interests of the State // Journal of Russian Law. – 2005. – No. 9. – pp. 105–116.

[13] Ivanov L. N. Protection of Investors' Rights When Raising Funds via Digital Financial Assets (DFA): Legal Mechanisms and Risks // Problems of Economics and Legal Practice. – 2025. – Vol. 21, No. 2. – pp. 129–133.

[14] Saveliev A. A. Bankruptcy of Professional Securities Market Participants: Problems and Potential Solutions // Law and Economics. – 2019. – No. 2. – pp. 74–80.

[15] Kholkina M. G. Protection of Investors' Rights in the Securities Market: A Monograph / M. G. Kholkina // Vladivostok: VSUES, 2013. – 179 p.

[16] Bank of Russia. Bankruptcy and Revocation of a Broker's License: Questions and Answers // Bank of Russia. – URL: https://www.cbr.ru/faq/rcb/bankrotstvo_brokera/ (accessed: 21.09.2026).

[17] Bank of Russia. Securities Market: Statistical Data for the Second Quarter of 2026 // Bank of Russia. – URL: https://www.cbr.ru/ (accessed: 21.09.2026).

[18] Decision of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and Leningrad Region dated 21.10.2025 in Case No. A56-39812/2025 // SudAkt. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/gBzr08kwo21e/ (accessed: 21.09.2026).

[19] Berezov N. M. Specifics of the Bankruptcy Procedure for Professional Securities Market Participants in the Russian Federation // Vestnik Nauki (Bulletin of Science). – 2024. – No. 3 (72). – pp. 26–51.

[20] Commission Delegated Directive (EU) 2017/593 of 7 April 2016 supplementing Directive 2014/65/EU with regard to safeguarding of financial instruments and funds belonging to clients // Official Journal of the European Union. – 2017. – L 87. – pp. 500–517.

[21] Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments (MiFID II) // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 173. – P. 349–496.

[22] Directive 97/9/EC of the European Parliament and of the Council of 3 March 1997 on investor-compensation schemes // Official Journal of the European Communities. – 1997. – L 84. – P. 22–31.

[23] International Organization of Securities Commissions. Client Asset Protection. Report of the Technical Committee of IOSCO // [Electronic resource]. – Madrid: IOSCO, 1996. – URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/ioscopd57.pdf (access date: 09/21/2026).

[24] International Organization of Securities Commissions. Objectives and Principles of Securities Regulation // [Electronic resource]. – Madrid: IOSCO, 2003. – URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/ioscopd154.pdf (accessed: 21.09.2026).

[25] International Organization of Securities Commissions. Recommendations Regarding the Protection of Client Assets // [Electronic resource]. – Madrid: IOSCO, 2013. – URL: https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD436.pdf (accessed: 21.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-91-95

КАРИБОВ Джейхун Назимович,
аспирант, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
Россия, г. Саратов,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена обзору иммеющихся подходов к пониманию системы финансового управления в физкультурно-спортивных организациях. В статье осуществлен анализ теоретических подходов к целям финансового управления в физкультурно-спортивных организациях. Определяется междисциплинарный характер проблемы организации финансового управления.*

Ключевые слова: *финансовое управление, финансовая политика, механизм финансового управления, физкультурно-спортивная организация.*

KARIBOV Dzheikhun Nazimovich,
postgraduate student, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Russia, Saratov

SPECIFICS OF THE FINANCIAL MANAGEMENT SYSTEM IN PHYSICAL CULTURE AND SPORTS ORGANIZATIONS

Annotation. *This article reviews existing approaches to understanding the financial management system within physical culture and sports organizations. It analyzes theoretical approaches regarding the objectives of financial management in such organizations and identifies the interdisciplinary nature of the issue of organizing financial management.*

Key words: *financial management, financial policy, financial management mechanism, physical culture and sports organization.*

Формирование эффективного механизма финансового управления является актуальной задачей для всех субъектов экономики, однако специфика физкультурно-спортивной сферы обуславливает наличие существенных особенностей, которые требуют отдельного теоретического осмысления и научного анализа. Понятие «система финансового управления» в широком смысле трактуется учеными как комплекс взаимосвязанных элементов, включающих методологию, инструменты, организационные структуры и информационные потоки, направленных на реализацию финансовой политики хозяйствующего субъекта. В классической теории финансового менеджмента, базовые принципы которой были заложены Ю. Бригхэмом и М. Эрхардтом, подчеркивается, что ядром такой системы является обеспечение роста стоимости компании и благосостояния ее владельцев [1, с. 49]. Однако данная парадигма, как отмечают многие исследователи, претерпевает существенные трансформации применительно к организациям социальной и непроизводственной сферы, к которым, в большинстве своем, относятся и физкультурно-спортивные организации.

Центральной проблемой, определяющей дискуссию в научной литературе, является двойственность миссии физкультурно-спортивной организации и соответствующая дихотомия целей финансового управления. С одной стороны, физкультурно-спортивные организации являются экономическими субъектами, нуждающимися в финансовой устойчивости и эффективности. С другой стороны, их основная деятельность направлена на создание социально значимых благ: укрепление здоровья населения, развитие массового спорта, достижение высоких спортивных результатов. Этот дуализм порождает множество подходов к пониманию сущности и приоритетов системы финансового управления в данной сфере.

Один из ключевых споров в научной литературе касается приоритетности целей. Сторонники адоптации классической модели (работы В.В. Ковалева, М.Н. Крейниной, И.А. Бланка применительно к коммерческим спортивным клубам и фитнес-индустрии) утверждают, что базовые принципы максимизации прибыли, управления стоимостью компании и рентабельностью капитала остаются универсальными. По их мнению, специфика спорта меняет лишь структуру активов и доходов, но не отменяет конечной финан-

совой цели. Так, Бланк И.А. подчеркивает, что «любая коммерческая деятельность, в том числе и в спорте, не может быть устойчивой без достижения целевого уровня прибыльности, обеспечивающего развитие»[2, с. 94]. В рамках этого подхода система финансового управления в профессиональных спортивных клубах рассматривается как аналог корпоративного финансового менеджмента с особыми рисками (например, зависимостью от спортивных результатов).

Противоположную позицию занимают исследователи, акцентирующие внимание на социально-ориентированной (некоммерческой) природе значительной части физкультурно-спортивных организаций. А.М. Бабич и Л.Н. Гончарова в своих фундаментальных трудах по экономике физической культуры и спорта настаивают, что для государственных и муниципальных учреждений, спортивных школ и большинства федераций высшей целью является выполнение социального заказа [3, с. 24]. Следовательно, система финансового управления должна быть подчинена задаче оптимизации распределения ограниченных ресурсов для достижения максимального социального или спортивного эффекта, а не финансовой прибыли. Финансовая устойчивость и безубыточность в данном контексте выступают не как цели, а как необходимые ограничивающие условия. В.И. Жолдак и С.Г. Сейранов развивают эту мысль, вводя понятие «социально-спортивной эффективности», которая не может быть сведена к стоимостным показателям [4, с. 315]. Они указывают на необходимость разработки специальных критериев оценки работы физкультурно-спортивной организации, интегрирующих спортивные достижения, охват населения и качество услуг.

Компромиссную, интегративную точку зрения представляют такие авторы, как М.И. Золотов и А.А. Передельский [5, с. 21]. Они рассматривают физкультурно-спортивные организации как сложные гибридные организации, сочетающие в разной пропорции коммерческие и некоммерческие начала. С их точки зрения, система финансового управления должна быть гибкой и обеспечивать баланс между двумя группами целей [6, с. 78]. Например, для автономного учреждения, оказывающего платные услуги, система должна позволять одновременно строго исполнять бюджетную смету по субсидиям и эффективно управлять доходами от предпринимательской деятельности для перекрестного субсидирования уставных задач.

Эта дискуссия напрямую влияет на вопрос о ключевых показателях эффективности (KPI) системы. В классических работах по финансовому анализу предлагается стандартный набор коэффициентов ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности и деловой активности [7, с. 615]. Однако их применимость для оценки физкультурно-спортивных организаций ставится под сомнение. Л.Н. Рогачева и О.С. Шестопал эмпирически показали, что рентабельность активов профессионального клуба может быть низкой, в то время как его социальная значимость и медийный эффект – очень высокими [8, с. 44]. Они предлагают дополнять финансовый анализ специфическими отраслевыми метриками: доход на одного зрителя/члена клуба, стоимость подготовки спортсмена разрядника, коэффициент загрузки спортивных сооружений.

Более комплексный подход предлагается в рамках концепции сбалансированной системы показателей (Balanced Scorecard – BSC), адаптированной для некоммерческого сектора. Как отмечает М.А. Вахрушина, BSC позволяет преодолеть ограниченность чисто финансовых измерений, добавив перспективы клиентов, внутренних процессов, обучения и развития [9, с. 128]. Некоторые исследователи, такие как Д.В. Савинков, предпринимали попытки разработать карты BSC для спортивных школ и федераций, выделяя в финансовой перспективе не только рост доходов, но и показатели диверсификации источников финансирования и эффективности использования бюджетных средств [10, с. 74].

Таблица 1. Сравнительный анализ теоретических подходов к целям системы финансового управления физкультурно-спортивной организацией

Теоретический подход	**Ключевые представители (отечественные)**	**Базовая цель системы**	**Критерии эффективности (фокус)**	**Тип физкультурно-спортивной организации, для которого подход наиболее релевантен**
Классический (адаптивный)	И.А. Бланк, В.В. Ковалев	Максимизация рыночной стоимости / прибыли; обеспечение финансовой устойчивости.	Финансовые коэффициенты (рентабельность, ликвидность), стоимость компании, денежный поток.	Коммерческие организации: профессиональные клубы (ООО, АО), фитнес-сети.

Социально-ориентированный	А.М. Бабич, Л.Н. Гончарова, В.И. Жолдак	Оптимизация использования ресурсов для выполнения социального заказа и спортивных задач.	Социально-спортивные результаты (количество занимающихся, спортивные достижения) при заданном бюджете; выполнение госзадания.	Государственные и муниципальные учреждения (ДЮСШ, ЦСП), бюджетные федерации.
Интегративный (гибридный)	М.И. Золотов, А.А. Передельский	Балансирование и достижение синергии между финансово-экономическими и социально-спортивными целями.	Комплексные показатели: сочетание финансовых KPI и специфических отраслевых индикаторов; показатели диверсификации доходов.	Автономные некоммерческие организации (АНО), общественно-государственные организации, клубы со смешанным финансированием.

Следует отметить, что теоретические разногласия проявляются и в подходах к основным функциям системы: планированию, учету, анализу и контролю.

В рамках финансового планирования и бюджетирования в научных работах констатируется, что для физкультурно-спортивных организаций характерно сосуществование различных моделей планирования.

Для коммерческого сегмента актуальны методы бизнес-планирования и гибкого (скользящего) бюджетирования. Особенностью является необходимость учета высокой сезонности и эластичности спроса при планировании доходов и расходов. В профессиональном спорте О.С. Шестопал особое внимание уделяет планированию трансферного бюджета и фонда оплаты труда спортсменов, которые составляют основную статью затрат и требуют многолетнего горизонта планирования [8, с. 65].

Анализ литературы по управленческому учету показывает, что применение классических методов управленческого учета в физкультурно-спортивных организациях сопряжено с трудностями. Проблема калькулирования себестоимости спортивной услуги (тренировочного часа, подготовки спортсмена) обусловлена высокой долей косвенных и накладных расходов, которые сложно корректно распределить между видами спорта или группами занимающихся. В научных публикациях обсуждается вопрос о выборе базы распределения: время использования объекта, численность занимающихся, фонд оплаты труда тренеров.

В трудах С.А. Стукова и М.А. Вахрушиной обосновывается целесообразность внедрения в крупных физкультурно-спортивных организациях учета по центрам финансовой ответственности (ЦФО) [9, с. 211]. Это позволяет децентрализовать управление и повысить ответственность руководителей направлений (отделений, филиалов, коммерческих проектов). Однако Л.Н. Рогачева отмечает, что в спортивных школах создание ЦФО по видам спорта может привести к нежелательной внутренней конкуренции за ресурсы и усложнить консолидацию отчетности [8, с. 61].

В разрезе финансового анализа и контроля ученые сходятся во мнении, что традиционный коэффициентный анализ, детально описанный В.В. Ковалевым, является необходимым, но недостаточным. Требуется его углубление за счет отраслевой аналитики. Р.Г. Нолл и У. Андрефф в исследованиях экономики спорта вводят понятия «финансового фэйр-плей» и анализа устойчивости спортивных лиг, что требует от клубов соблюдения определенных финансовых пропорций (например, соотношения фонда оплаты труда к выручке) [10; 11].

В отечественной науке подчеркивается важность анализа структуры и динамики источников финансирования как ключевого фактора автономии физкультурно-спортивной организации [13, с. 132]. Особое внимание уделяется контролю за целевым использованием средств, особенно бюджетных и спонсорских, что требует построения соответствующих внутренних контрольных процедур.

На организационное построение финансовой системы влияют масштаб и правовая форма физкультурно-спортивной организации. В.И. Жолдак, С.Г. Сейранов отмечаются, что в малых учреждениях и общественных объединениях функции финансового управления часто сведены к бухгалтерскому учету и выполняются главным бухгалтером или даже внешним совместителем. Это приводит к подмене управления учетом, когда система нацелена на ретроспективную фиксацию фактов, а не на перспективное планирование и анализ.

Для крупных коммерческих физкультурно-спортивных организаций характерно выделе-

ние полноценной финансовой службы во главе с финансовым директором (CFO). Исследования зарубежного опыта показывают, что в топ-клубах CFO становится ключевой фигурой в управлении трансферами, медиаправами и долговой нагрузкой.

Важным фактором, определяющим особенности системы, является нормативно-правовая среда. В научных работах Е.В. Семенихиной, А.Р. Агеева детально анализируется влияние налогового, бюджетного и отраслевого законодательства на финансовые решения физкультурно-спортивной организации. Например, особый порядок применения НДС к спортивно-зрелищным мероприятиям или тонкости оформления спонсорских договоров и пожертвований накладывают отпечаток на документооборот и методику учета.

Проведенный анализ отечественной и зарубежной научной литературы позволяет сделать следующие выводы.

Проблема формирования системы финансового управления физкультурно-спортивной организации является междисциплинарной, находящейся на стыке теории финансового менеджмента, экономики спорта и теории управления некоммерческими организациями.

В науке отсутствует единая, общепризнанная теория финансового управления физкультурно-спортивной организацией. Существует несколько конкурирующих подходов – от адаптации классических моделей до утверждения принципиальной уникальности социально-ориентированных систем.

Наиболее перспективным представляется интегративный (гибридный) подход, признающий необходимость синтеза финансовой эффективности и социально-спортивной результативности, однако его методологическая и инструментальная база разработана фрагментарно.

Консенсус в научной среде достигнут по вопросу о необходимости дополнения традиционного финансового анализа специфическими отраслевыми показателями, однако единой системы таких показателей, применимой к разным типам физкультурно-спортивных организаций, до сих пор не предложено.

Внимание исследователей в основном сосредоточено на инструментах планирования и анализа, тогда как вопросы организации финансовой службы, построения внутреннего контроля и адаптации учетных методик к специфике затрат физкультурно-спортивной организации освещены в меньшей степени и носят чаще описательный, нежели методический характер.

Список литературы:

[1] Бригхэм, Ю. Финансовый менеджмент : полный курс : в 2 т. / Ю. Бригхэм, М. Эрхардт ; пер. с англ. под ред. В.В. Ковалева. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2004. – Т. 1. – 669 с.

[2] Бланк, И.А. Управление финансовыми ресурсами : учебник / И.А. Бланк. – Москва : Омега-Л, 2011. – 768 с.

[3] Бабич, А.М. Экономика физической культуры и спорта : учебное пособие / А.М. Бабич, Л.Н. Гончарова. – Москва : Советский спорт, 2021. – 176 с.

[4] Жолдак, В.И. Менеджмент в сфере физической культуры и спорта : учебник / В.И. Жолдак, С.Г. Сейранов. – Москва : Советский спорт, 2018. – 608 с.

[5] Передельский, А.А. Экономика физической культуры и спорта : учебное пособие / А.А. Передельский. – Москва : Физическая культура, 2016. – 272 с.

[6] Золотов, М.И. Экономика спорта и спортивная индустрия : учебное пособие / М.И. Золотов. – Москва : Магистр : ИНФРА-М, 2022. – 304 с.

[7] Ковалев, В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика : учебник / В.В. Ковалев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2022. – 1104 с.

[8] Рогачева, Л.Н. Финансы спортивных организаций : учебное пособие / Л.Н. Рогачева, О.С. Шестопал. – Москва : Физическая культура, 2009. – 112 с.

[9] Вахрушина, М.А. Управленческий анализ : учебник / М.А. Вахрушина. – Москва : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2019. – 432 с.

[10] Савинков, Д.В. Механизмы привлечения спонсорских инвестиций в спортивные проекты / Д.В. Савинков // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 3, № 5. – С. 72–79.

[11] Нолл, Р.Г. Экономическая модель профессиональных спортивных лиг / Р.Г. Нолл // Экономика спорта: зарубежный опыт. – Москва : ФиС, 2019. – С. 78–105.

[12] Андрефф, В. Экономика профессионального спорта: модели финансирования и мировой опыт / В. Андрефф // Вопросы экономики. – 2016. – № 12. – С. 45–62.

[13] Агеев, А.Р. Особенности налогообложения в сфере физической культуры и спорта / А.Р. Агеев // Налоги и финансовое право. – 2018. – № 7. – С. 131–138.

References:

[1] Brigham, E. F., & Ehrhardt, M. C. *Financial Management: A Complete Course* (in 2 vols.). Translated from English, edited by V. V. Kovalev. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola, 2004. Vol. 1, 669 p.

[2] Blank, I. A. *Management of Financial Resources: A Textbook*. Moscow: Omega-L, 2011. 768 p.

[3] Babich, A. M., & Goncharova, L. N. *Economics of Physical Culture and Sport: A Study Guide*. Moscow: Sovetsky Sport, 2021. 176 p.

[4] Zholdak, V. I., & Seyranov, S. G. *Management in the Sphere of Physical Culture and Sport: A

Textbook*. Moscow: Sovetsky Sport, 2018. 608 p.

[5] Peredelsky, A. A. *Economics of Physical Culture and Sport: A Study Guide*. Moscow: Fizicheskaya Kultura, 2016. 272 p.

[6] Zolotov, M. I. *Economics of Sport and the Sports Industry: A Study Guide*. Moscow: Magistr : INFRA-M, 2022. 304 p.

[7] Kovalev, V. V. *Financial Management: Theory and Practice: A Textbook*. 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: Prospekt, 2022. – 1104 p.

[8] Rogacheva, L.N. Finances of Sports Organizations: A Textbook / L.N. Rogacheva, O.S. Shestopal. – Moscow: Fizicheskaya Kultura, 2009. – 112 p.

[9] Vakhrushina, M.A. Management Analysis: A Textbook / M.A. Vakhrushina. – Moscow: Vuzovsky Uchebnik: INFRA-M, 2019. – 432 p.

[10] Savinkov, D.V. Mechanisms for Attracting Sponsorship Investments into Sports Projects / D.V. Savinkov // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2020. – Vol. 3, No. 5. – pp. 72–79.

[11] Noll, R.G. An Economic Model of Professional Sports Leagues / R.G. Noll // Economics of Sport: International Experience. – Moscow: FiS, 2019. – pp. 78–105.

[12] Andreff, W. The Economics of Professional Sport: Financing Models and Global Experience / W. Andreff // Voprosy Ekonomiki (Economic Issues). – 2016. – No. 12. – pp. 45–62.

[13] Ageev, A.R. Specifics of Taxation in the Sphere of Physical Culture and Sport / A.R. Ageev // Taxes and Financial Law. – 2018. – No. 7. – pp. 131–138.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-96-101

МОРИЛОВ Игорь Петрович,
Университет Синергия, Москва, Россия,
e-mail: Uksha87@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА: ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ БАНКАХ

Аннотация. *Данное научное исследование позволило оценить ситуацию в РФ в 4 квартале 2022г, что нашло подтверждение в ряде научных статей. Также научное исследование позволило определить возможность инвестиций в металлургическую отрасль РФ посредством кредитов. В дальнейшем исторические данные позволили оценить ситуацию в 1 и 2 кварталах 2023 г. результаты стали логическим продолжением ситуации 4 квартала 2022 г. Все результаты передавались на проверку преподавателям университета Синергия (входит в 100 лучших вузов страны).*

Для осуществления научного исследования были использованы ряд методов научного анализа.

Данное исследование может быть интересно сотрудникам крупных банков, располагающих суммами, достаточными для инвестиций в крупные металлургические предприятия. Также возможны инвестиции в небольшие предприятия, занимающиеся изготовлением металлов, согласно материалам лекций УрФУ (входит в 100 лучших вузов страны), такие предприятия существуют, материалы исследования подтверждают наличие таких предприятий, но в имеющейся литературе сведений по данным предприятиям не приведено.

Сведения об отраслевом риске могут быть интересны инвестиционным компаниям, предприятиям, прочим банкам, муниципальным и региональным образованиям. Материалы исследования могут быть интересны предприятиям горно-рудной промышленности, т. к. при неопределённости в условиях рыночной экономики возникает риск (учитывается нестабильность уровня спроса и предложения) [1]. Информация о неопределенностях может интересовать связанные с металлургической отраслью отрасли, различные коммерческие и др. структуры.

Ключевые слова: *риск-менеджмент, инвестиции в металлургическую отрасль, инвестиции, металлургическая отрасль, инвестиции в горно-добывающую отрасль, инвестиции, горно-добывающая отрасль, кредитный риск, процентный риск, инвестиционный риск, отраслевой риск.*

MORILOV Igor Petrovich,
Synergy University, Moscow, Russia

CONTEMPORARY ISSUES IN RISK MANAGEMENT: IMPLEMENTATION AND OPERATIONAL ASPECTS IN RUSSIAN AND FOREIGN BANKS

Annotation. *This scientific study made it possible to assess the situation in the Russian Federation in the fourth quarter of 2022, which was confirmed in a number of scientific articles. The scientific study also made it possible to determine the possibility of investing in the Russian metallurgical industry through loans. Subsequently, historical data made it possible to assess the situation in the first and second quarters of 2023; the results became a logical continuation of the situation in the fourth quarter of 2022. All results were submitted for review by teachers at Synergy University (which is among the top 100 universities in the country).*

A number of scientific analysis methods were used to carry out the scientific study.

This study may be of interest to employees of large banks that have sufficient funds to invest in large metallurgical enterprises.Investments in small enterprises engaged in metal manufacturing are also possible; according to the lecture materials from UrFU (which is among the top 100 universities in the country), such enterprises do exist, and the research materials confirm their existence, but the available literature does not provide any information about these enterprises. Information about sectoral risks may be of interest to investment companies, enterprises, other banks, and municipal and regional entities. The research materials may be of interest to enterprises in the mining and other industry, since uncertainty in a market economy creates a risk (the instability of supply and demand levels is taken into account) [1]. Information about uncertainties may be of interest to industries related to the metallurgical sector, as well as various commercial and other entities.

Key words: *risk management, investments in the metallurgical industry, investments, metallurgical industry, investments in the mining industry, investments, mining industry, credit risk, interest rate risk, investment risk, sectoral risk.*

Цель научного исследования — определение конкретного объекта и всестороннее, достоверное изучение его структуры, характеристик, связей на основе разработанных в науке принципов и методов познания, а также получение полезных для деятельности человека результатов, внедрение в производство с дальнейшим эффектом.

Задачи научного исследования:

1.Установить соответствие между историческими фактами поведения рынка ценных бумаг в США (в прошлом веке) и РФ (нынешнее время).

2. Предоставить доказательства из соответствующих литературных источников, подтверждающие полученные данные.

3.Обосновать наличие взаимосвязи между тенденциями экономики США прошлого века и экономикой РФ нынешнего времени.

4. Уточнить возможность прогноза касательно тенденций рынка ценных бумаг, а также возможного поведения предприятий металлургической отрасли.

Актуальность исследования: Согласно статье Датиевой А.А. у многих коммерческих банков ярко выражена отраслевая ориентация. Соответственно данные банки могут заниматься предоставлением услуг для предприятий металлургической отрасли. Универсальные банки выполняют широкий спектр банковских операций, охватывают много секторов денежного рынка и областей экономики. Данные банки предоставляют услуги для металлургических компаний, а также для прочих предприятий (горно-рудного сектора и др.). Металлургические компании, на ряду с нефтегазовыми и банками, составляют основу нашей экономики, их вклад в ВВП примерно 5%[2]. Исторические особенности отдельных периодов требуются для оценки степени риска при принятии управленческих решений, большое количество инвестиций со стороны мелких вкладчиков требует грамотного консультирования (большое количество неквалифицированных инвесторов не сдали тестирование на допуск к работе на рынке). Лента новостей различных банков может не удовлетворять необходимым требованиям, как следствие могут возникать различные риски. Оценка состояния отрасли может быть необходима для принятия грамотных управленческих решений, данное исследование позволяет оценить историческую перспективу, что способствует принятию грамотных управленческих решений.

В РФ особенности истории экономики США - многие кризисные ситуации, экономические шоки и пр., - изучены недостаточно; публикации на тему, рассматриваемую в исследовании, - отсутствуют в РФ. Данная научная работа рассматривает кризисные явления, происходящие в данный момент в экономике России. Как правило различные зарубежные агентства стараются привлекать к сотрудничеству специалистов из страны, где происходят соответствующие кризисные явления. Специалисты УрФУ также замечали, что экономика РФ имеет определённые особенности, по причине чего, исследования западных специалистов часто имеют многие погрешности в отношении РФ.

Несмотря на то, что проблемы риск менеджмента известны, вопрос не решается должным образом. В металлургической отрасли на протяжении долгого времени продолжается спад, что негативно отражается на некоторых аспектах экономики РФ, может повредить взаимодействию с иностранными структурами. В нашем исследовании предложен опыт зарубежных исследователей. Данный опыт адаптирован к условиям рынка РФ, что принесло ожидаемые результаты, которые не описаны в доступных экономических изданиях.

Теоретическая польза исследования: Теоретическая значимость данного исследования состоит в восполнении пробела в знании по поводу ситуации в экономике РФ, которая ранее не рассматривалась в прочих доступных исследованиях, а также в научном вкладе в изучение риск-менеджмента в мире, посредством рассмотрения особенностей экономики РФ. Следовательно, выявляются новые аспекты исследований зарубежных авторов.

Практическая польза исследования: Практическая значимость данного исследования состоит в возможности оценки ряда макроэкономических рисков среди которых кредитный риск, отраслевой риск. По данным видам рисков существует возможность получить сведения о ряде характеристик.

Объект исследования: металлургическая отрасль.

Оценка современного состояния металлургической отрасли:

На момент составления статьи большинство предприятий металлургической отрасли, в рамках данного исследования, действовали с различными рисками.

Методы исследования: индикативный (литература по финансам УрФУ), сравнительный (материал лекций), трендовый (материал лекций); отчасти метод корреляционно-регрессионного анализа (больший упор на корреляционный метод); общий метод (материал лекций — т. к. изучается отрасль промышленности).

Гипотеза: согласно гипотезе в долгосрочном периоде металлургическая отрасль демонстрирует ряд тенденций схожих с тенденциями экономики США прошлого века. При этом существуют особенности поведения ряда предприятий РФ, согласно имеющимся данным подобных особенностей экономика США не демонстрировала. Исторические данные отдельных периодов имеют некоторую ценность, т. к. возможно повторение ситуации прошлых лет.

Устранение неопределенностей требует наличия информации о возможных событиях в про-

шлом. Похожее случается в экономике США. В экономике РФ данные отсутствуют о научном рассмотрении подобных экономических проблем. Предприятия металлургической отрасли и связанных с ней отраслей демонстрируют незнание данной проблематики. Методы решения не сконцентрированы на решении появляющихся проблем. В дальнейшем риски, которые имеют свойство накапливаться, могут реализоваться. Существует вероятность, что спад производства в металлургической отрасли связан с игнорированием указанных рисков таким образом, что действия предприятий не позволяют им получить некоторые выгоды в различных ситуациях. В данной ситуации страдают также иностранные заинтересованные структуры по причине отсутствия информации.

В 4 квартале 2022 г. была оценена ситуация на Российском рынке. Подтверждение было получено из ряда статей, приведённых в списке литературы (исследования А. Д. Хайруллиной и Ю. Ф. Волковой; Д. А. Куразовой; А.В. Пихтаревой; Musa Uba Adamu; Vladimir Rossokhin, Elena Ryabova); результаты переданы на проверку преподавателям университета Синергия (входит в 100 лучших университетов России). Нареканий по научной работе не было.

Вероятно, следует несколько подробно рассмотреть соответствие статей полученным результатам. В статье А. Д. Хайруллиной и Ю. Ф. Волковой указывалось на малое внимание, уделяемое риск-менеджменту, влияние пандемии и санкций на функционирование кредитных организаций. Musa Uba Adamu в своей статье также часто обращал внимание на увеличение рисков при невовлечённости сотрудников компаний в риск-менеджмент. Д. А. Куразова отмечает уменьшение числа кредитных организаций, по материалам статьи заметны данные, говорящие об увеличении риска при проведении различных финансовых операций. Также Д.А.Куразова написала об уменьшении числа квалифицированных инвесторов. А.В. Пихтарева рассказала о финансовой устойчивости и финансовом состоянии компаний. Исследования А.В. Пихтаревой интересны тем, что при отсутствии возможности компаний платить по своим обязательствам существует вероятность взятия заёма. В рамках данного исследования следует сказать, что эта ситуация может быть объяснена отсутствием учёта различных рисков. Vladimir Rossokhin, Elena Ryabova в своей статье размышляют о взятии заёма различными компаниями. Согласно исследованиям Vladimir Rossokhin и Elena Ryabova часто компании неверно оценивают рыночную ситуацию при взятии заёма. Данное положение дел может привести к возникновению различных рисков. После временного интервала, указанного ранее, многие компании покинули рынок, многие взяли различные виды займов, сокращали производственные мощности, продавали имущество и т. д. В рамках данного исследования ситуация может быть объяснена недостаточным учётом различных рисков, исторических особенностей различных периодов, неверной оценкой ситуации на рынке, недостаточным качеством ленты новостей различных банков; причин может быть множество.

После была проведена оценка ситуации на рынке РФ в 1 и 2 кварталах 2023г. Данные также передавались на проверку преподавателям университета Синергия. Было установлено наличие взаимосвязи между историческими данными присутствовавшими в экономическом развитии США прошлого столетия и нынешним развитием экономики РФ. Тем не менее следует учесть, что экономика РФ демонстрирует различные особенности.

Научное исследование, с помощью оценки ситуации на рынке РФ, позволило оценить возможность инвестирования посредством кредитов. Основываясь на полученных данных, банковские риски, которые можно оценить, относятся к текущим и перспективным (классификация В.Т. Севрук). Данные выводы из исследования можно сделать, т. к. исследование было подтверждено данными из научных статей. Также научное исследование основано на исторических данных, следовательно, существует возможность предсказания возможного поведения компаний РФ. Также был выявлен ряд особенностей поведения российских компаний.

Данное исследование позволяет в некоторой степени оценить кредитный риск.

В зависимости от источника возникновения учитываются внешние кредитные риски и внутренние (риск обусловлен условиями продукта и особенностями организации кредитного процесса). Исследование позволяет учесть внешние факторы кредитного риска (состояние потребительского спроса — т. к. используется индикативный метод, некоторые другие при доступе к дополнительным данным). Есть возможность учитывать внутренние факторы кредитного риска (финансовая устойчивость, недостатки в кредитной политике — при доступе к некоторым данным). Данное исследование позволяет идентифицировать кредитные риски, измерить, разработать некоторые мероприятия по ограничению кредитного риска (управление кредитным риском). Есть возможность частично оценить рентабельность в части, касающейся хозяйственной деятельности. Согласно данным Курского института менеджмента, экономики и бизнеса при учёте риска ставка банковского кредита может увеличиваться. Т.к. данное исследование позволяет в некоторой степени оценить кредитный риск, существует возможность установления ставки банковского кредита, которая позволит увеличить количество клиентов банка, тем самым увеличив его прибыль (более справедливая, низкая процентная годовая ставка по кредиту) [3]. Согласно научной статье Примаченко С.В. при управлении кредитным ри-

ском данное исследование позволяет оценить финансовое состояние заёмщика, а также способствовать постоянному мониторингу с целью обнаружения ухудшения платёжеспособности заёмщика и принятия мер по минимизации негативных последствий для банка. Данные действия могут быть осуществлены на основе исторических даннных, а также изменений ситуации на рынке РФ при взаимодействии различных факторов. При управлении кредитными рисками может возникнуть ряд проблем. Это могут быть недостаток квалифицированных кадров, быстро меняющиеся рыночные условия, высокие контрагентские риски, особенно во время экономических спадов [4]. Решение данных проблем возможно частично с помощью данного исследования, т. к. учёт исторической ситуации позволяет использовать менее квалифицированные кадры, данное исследование позволяет получить доступ к ситуации на рынке РФ в различные моменты времени, предсказать возможные спады, а также поведение российских металлургических компаний во время спадов в экономике.

Исследование позволяет оценить процентный риск в части, касающейся определения цены кредита, т. е. величины процентной ставки.

Данное научное исследование позволяет в некоторой степени оценить отраслевой риск. Существует возможность отчасти определить уровень внутриотраслевой конкуренции в части касающейся рыночной силы покупателей, рыночной мощи поставщиков, отчасти политического и социального окружения (при доступе к соответствующей информации уровень оценки ситуации повышается). Существует возможность оценить тенденции в развитии конкуренции, уровень государственной поддержки, структуру и динамику отрасли. Есть возможность оценить некоторые факторы, такие как ожидание подъёма или кризиса [1]. Согласно статье Григорьевой Е.М коэффициент автономии показывает наличие финансового риска. Некоторые источники литературы также ссылались на схожие данные. Исследование показало взаимосвязь между данным коэффициентом и поведением компаний металлургической отрасли. В последующем данные подтверждались. Были использованы сравнительный, трендовый, индикативный методы. Таким образом данное исследование позволяет осуществлять 1). Всесторонний мониторинг экономики и прогнозирование внутренних и внешних угроз; 2). Разработку мероприятий оперативного и долговременного характера по нейтрализации рисковых ситуаций; 3). Организацию работы по реализации комплекса таких мер [5]. Таким образом данное исследование может быть интересно государственным, региональным и муниципальным образованиям.

Данные исследования позволяют частично оценить риск инфляции в части касающейся кредитного риска и изменения индексов акций и ценных бумаг на фондовом рынке. Также возможно оценить поведение ряда фирм на основе ожиданий подъёма или кризиса. При проведении ценовой политики возможно возникновение инфляционных рисков. Существует возможность оценить увеличение, либо уменьшение инфляционных рисков предприятий металлургической отрасли относительно конкурентов в РФ, что может позволить банкам определить процентную годовую ставку по кредиту [6]. Научная статья Смулова А.М. и Абушаевой Р.Р. подтверждает выводы относительно важности определения процентной годовой ставки по кредиту. Дополнительно в статье указывается, что неверное определение процентной годовой ставки по кредиту может привести к убыткам банка [7].

В наличии выборка статистических данных за период 3-4 года по различным компаниям РФ, что позволяет оценить некоторые виды рисков, провести более сложную оценку различных рисков. Согласно данным научной статьи Ивановой Ксении Эдуардовны большому количеству компаний требуются данные, помогающие учесть неопределённости в экономике [13]. На основе более сложного анализа, с привлечением дополнительных данных можно добиться более точного учета риска различными экономическими компаниями и структурами РФ.

По результатам проведённого исследования можно сделать ряд выводов о получении важных результатов касательно оценки ситуации в стране, возможностей снижения вероятности взятия кредита различными компаниями, определения более справедливой процентной ставки по кредиту, сохранения производственных мощностей, имущества, прогностических возможностей на основе данного исследования, возможности оценки ряда макроэкономических рисков среди которых кредитный риск, отраслевой риск, инфляционный риск. По данным видам рисков существует возможность получить сведения о ряде характеристик, существует возможность оценить важные характеристики процентного, инфляционного риска, полученные в ходе исследования данные подтверждались рядом научных статей, среди авторов статей профессора, доценты.

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность преподавателю Морилову П.И. за руководство при выполнении научного проекта; к.э.н. факультета экономики университета Синергия Фролову А.Л., к.э.н. доценту факультета экономики университета Синергия Хлопотенковой А.М. за кураторство при выполнении научного проекта в течении 1 года; к.м.н. доценту кафедры анестизиологии, реаниматологии и неотложной педиатрии им. профессора В.И. Гордеева Санкт-Петербургского государственного Педиатрического Медицинского Университета МЗ России к.м.н. Назарову Р.В. за предоставленные методики выполнения научного проекта, использованные в данной научной работе.

Список литературы:

[1] Кузнецова, О.Н. Сущность отраслевого риска и его роль в развитии экономики / О. Н. Кузнецова. // Проблемы современной экономики : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). — Челябинск : Два комсомольца, 2011. — С. 51-54.

[2] Датиева, А.А. Специализация коммерческих банков как способ повышения эффективности функционирования банковской системы/ Датиева А.А.// Economics. - 2015. - №3.

[3] Толмачева, И. В. Современные проблемы управления кредитными рисками / И. В. Толмачева. // Актуальные вопросы экономики и управления : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). — Москва : Буки-Веди, 2016. — С. 72-74.

[4] Примаченко, С. В. Практика управления кредитным риском в организациях банковского сектора в России / С. В. Примаченко. // Молодой ученый. — 2023. — № 52 (499). — С. 94-96.

[5] Григорьева, Е.М. Аналитический аспект концентрации отраслевого финансового риска / Григорьева Е.М. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — С. 194-197.

[6] Лю Чень. Инфляционные риски предприятий в современной экономической ситуации / Лю Чень // Экономика и социум. — 2017. - №5. — С. 851.

[7] Смулов А.М., Абушаева Р.Р. Учет инфляционных рисков при взаимодействии банков с предприятиями реального сектора экономики/ Смулов А.М., Абушаева Р.Р.// Управление экономическими системами: электроннный научный журнал. - Дата: 27/11/2010. - Номер: (24) УЭкС, 4/2010.

[8] Пихтарева А. В. Теоретико методические аспекты исследования финансовой устойчивости предприятия. Вестник Самарского Государственного экономического университета. 2022. (№7). С. 80-83.

[9] Куразова Д.А. Современные тенденции развития и функционирования рынка ценных бумаг в России. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 6 (212). С. 69–80.

[10] Хайруллина А.Д., Волкова Ю.Ф. Трансформация системы риск-менеджмента организации в условиях нарастающей неопределенности среды функционирования; Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 5 (211). С. 60–70.

[11] Musa Uba Adamu; Organisational Characteristics, Corporate Governance and Corporate Risk Disclosure: An Overview; Journal of Corporate Finance Research, Vol. 15, No. 1, pp. 77-92.

[12] Rossokhin V., Ryabova E. The Choice Between Public and Private Debt by Russian Companies at Different Stages of the Life Cycle; Journal of Corporate Finance Research, Vol. 14, No. 1, pp. 20-28 (2020).

[13] Иванова К.Э. Эволюция подходов к управлению рисками бизнес-среды; Вопросы студенческой науки; 2022 №2 (66). С. 108–113.

[14] Финансы и кредит : учеб. пособие / Л. И. Юзвович, Е.Г. Князева, Ю.В. Истомина ; под ред. проф. Л. И. Юзвович ; Мин-во науки и высшего образования РФ.— Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.— 280 с.

[15] Банковское дело и банковские операции : учебник / М. С. Марамыгин, Е. Г. Шатковская, М. П. Логинов, Н. Н. Мокеева, Е. Н. Прокофьева, А. Е. Заборовская, А. С. Долгов ; под ред. М. С. Марамыгина, Е. Г. Шатковской ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 567 с.

[16] Финансовые рынки и институты : учебник / Е.Г. Князева, Е.А. Разумовская, Н.Н. Мокеева, М.И. Львова, О.А. Школик, Ю.В. Истомина ; под общей редакцией О.А. Школика ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет.— Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021.— 312 с. : ил.— (Учебник УрФУ).— Библиогр.: С. 310–311.

[17] Финансы и финансовая система государства : учебное пособие / Н.Ю. Исакова, Ю.А. Долгих, А.Г. Лачихина ; под общ. ред. канд. экон. наук, доц. Н.Ю. Исаковой ; Мин-во науки и высшего образования РФ. — 2-е изд., перераб. и доп.— Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 124 с.

[18] Рынок ценных бумаг: учебник/ В.А. Татьянников, Е.А. Разумовская, Т.В. Решетникова, Ю.В. Куваева, М.И. Львова; под общ. ред. гос. экон. ун-т. - Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2019. 370 с.

References:

[1] Kuznetsova, O. N. The Essence of Sectoral Risk and Its Role in Economic Development / O. N. Kuznetsova. // Problems of Modern Economy: Proceedings of the 1st International Scientific Conference (Chelyabinsk, December 2011). — Chelyabinsk: Dva Komsomoltsa, 2011. — pp. 51–54.

[2] Datieva, A. A. Specialization of Commercial Banks as a Means to Improve the Efficiency of the Banking System / A. A. Datieva. // Economics. — 2015. — No. 3.

[3] Tolmacheva, I. V. Contemporary Issues in Credit Risk Management / I. V. Tolmacheva. // Current Issues in Economics and Management: Proceedings of the 4th International Scientific Conference (Moscow, June 2016). — Moscow: Buki-Vedi, 2016. — pp. 72–74.

[4] Primachenko, S. V. Credit Risk Management Practices in Russian Banking Sector Organizations / S. V. Primachenko. // Young Scientist (Molodoy Ucheny). — 2023. — No. 52 (499). — pp. 94–96.

[5] Grigoryeva, E. M. The Analytical Aspect of Sectoral Financial Risk Concentration / E. M. Grigoryeva. // Current Problems in the Humanities

and Natural Sciences. — 2014. — pp. 194–197.

[6] Liu Chen. Inflationary Risks for Enterprises in the Current Economic Situation / Liu Chen. // Economics and Society (Ekonomika i Sotsium). — 2017. — No. 5. — p. 851.

[7] Smulov, A. M., Abushaeva, R. R. Accounting for Inflationary Risks in the Interaction Between Banks and Enterprises in the Real Sector of the Economy / Smulov A.M., Abushaeva R.R. // Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal. - Date: 27/11/2010. - Issue: (24) UEkS, 4/2010.

[8] Pikhtareva A. V. Theoretical and Methodological Aspects of Researching the Financial Stability of an Enterprise. Bulletin of the Samara State University of Economics. 2022. (No. 7). pp. 80-83.

[9] Kurazova D.A. Modern Trends in the Development and Functioning of the Securities Market in Russia. Bulletin of the Samara State University of Economics. 2022. No. 6 (212). pp. 69–80.

[10] Khayrullina A.D., Volkova Yu.F. Transformation of an Organization's Risk Management System Amidst Increasing Uncertainty in the Operating Environment; Bulletin of the Samara State University of Economics. 2022. No. 5 (211). pp. 60–70.

[11] Musa Uba Adamu; Organisational Characteristics, Corporate Governance and Corporate Risk Disclosure: An Overview; Journal of Corporate Finance Research, Vol. 15, No. 1, pp. 77-92.

[12] Rossokhin V., Ryabova E. The Choice Between Public and Private Debt by Russian Companies at Different Stages of the Life Cycle; Journal of Corporate Finance Research, Vol. 14, No. 1, pp. 20-28 (2020).

[13] Ivanova K.E. Evolution of Approaches to Managing Business Environment Risks; Issues of Student Science; 2022, No. 2 (66). pp. 108–113.

[14] Finance and Credit: A Study Guide / L. I. Yuzvovich, E. G. Knyazeva, Yu. V. Istomina; edited by Prof. L. I. Yuzvovich; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. — Yekaterinburg: Ural University Press, 2019. — 280 p.

[15] Banking and Banking Operations: A Textbook / M. S. Maramygin, E. G. Shatkovskaya, M. P. Loginov, N. N. Mokeeva, E. N. Prokofyeva, A. E. Zaborovskaya, A. S. Dolgov; edited by M. S. Maramygin and E. G. Shatkovskaya; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural State University of Economics. — Yekaterinburg: Ural University Press, 2021. — 567 p.

[16] Financial Markets and Institutions: A Textbook / E. G. Knyazeva, E. A. Razumovskaya, N. N. Mokeeva, M. I. Lvova, O. A. Shkolik, Yu. V. Istomina; edited by O. A. Shkolik; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. — Yekaterinburg: Ural University Press, 2021. — 312 p.: ill. — (UrFU Textbook). — Bibliogr.: pp. 310–311.

[17] Finance and the State Financial System: A Study Guide / N. Yu. Isakova, Yu. A. A.G. Dolgikh, A.G. Lachikhina; under the general editorship of N.Yu. Isakova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. — 2nd ed., revised and expanded. — Yekaterinburg: Ural University Press, 2019. — 124 p.

[18] The Securities Market: A Textbook / V.A. Tatyannikov, E.A. Razumovskaya, T.V. Reshetnikova, Yu.V. Kuvaeva, M.I. Lvova; under the general editorship of [N.Yu. Isakova]; Ural State University of Economics. — Yekaterinburg: Ural University Press, 2019. — 370 p.

ЭКОНОМИКА СТРОИТЕЛЬСТВА И ОПЕРАЦИЙ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-102-106

ПИМЕНОВ Владимир Дмитриевич,
студент магистратуры 2 года обучения
Высшей школы государственного аудита (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
тел.: +7-919-891-25-59,
e-mail: pimenov.vd@mail.ru

КРИТЕРИИ ОБОСНОВАННОСТИ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Статья представляет собой комплексный анализ правоприменительных позиций, которые используются при оценке обоснованности получения налоговой выгоды, и практики их применения арбитражными судами. В результате исследования судебной практики выявлены обстоятельства, которые учитываются при разрешении вопроса о допустимости примененных налогоплательщиком мер налоговой оптимизации, предложена авторская классификация выявленных обстоятельств на три отдельные группы. В результате проведенного анализа автором установлены проблемы, связанные с недостаточностью обобщения судебной практики применения законодательства о налогах и сборах при разрешении споров о получении налоговой выгоды. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для совершенствования налогового законодательства и руководящих разъяснений по вопросам судебной практики.*

Ключевые слова: *налоговые споры, добросовестность налогоплательщика, налоговая оптимизация, необоснованная налоговая выгода, налогообложение в строительной сфере, налоговая обязанность, судебная практика.*

PIMENOV Vladimir Dmitrievich,
2nd year Master's student,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

CRITERIA FOR JUSTIFYING TAX BENEFITS IN THE RESOLUTION OF TAX DISPUTES WITHIN THE CONSTRUCTION SECTOR

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of law-enforcement approaches applied in assessing whether a taxpayer's receipt of a tax benefit is justified, as well as of the practice of their application by commercial courts. An examination of judicial practice has identified the circumstances taken into account when determining whether tax avoidance measures adopted by a taxpayer are permissible. The author proposes a classification of the identified circumstances into three distinct groups. The analysis further reveals problems arising from the insufficient systematization of judicial practice concerning the application of tax legislation in disputes over the receipt of tax benefit. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings to improve tax legislation and judicial guidance on the interpretation and application of tax law.*

Key words: *tax disputes, taxpayer good faith, tax avoidance, unjustified tax benefit, taxation in the construction industry, tax liability, judicial practice.*

Введение

Налогоплательщики, стремясь уменьшить сумму подлежащих уплате налогов, нередко прибегают к методам налоговой оптимизации. В некоторых случаях применение таких методов выходит за пределы добросовестного поведения налогоплательщика. Налоговые органы, полагая, что организация допускает агрессивную налоговую оптимизацию, применяют предусмотренные

налоговым законодательством меры ответственности за уклонение от уплаты налогов, в связи с чем в налоговых спорах сформировалась отдельная группа дел, связанных с обоснованностью получения налогоплательщиком налоговой выгоды. Учитывая, что категория обоснованности является оценочной и законодательно не определена, изучение ориентиров, по которым суды оценивают законность действий налогоплательщика, является одной из наиболее актуальных задач исследований в сфере налоговых споров.

Проблематика статьи заключается в том, что изучение вопроса об оценке обоснованности налоговой выгоды является важным для обеспечения единообразия при рассмотрении судами споров, возникающих между налоговыми органами и налогоплательщиками. Впервые вопросы, связанные с получением налоговой выгоды, были обобщены в Постановлении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №53 от 12.10.2006 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». В дальнейшем, позиция высших судов по этому вопросу неоднократно уточнялась и систематизировалась. Так, одним из последних обобщающих документов Верховного Суда Российской Федерации, посвященных этому вопросу, является отдельный тематический Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13.12.2023. Непреходящий интерес высшей судебной инстанции к указанной категории споров подтверждает, что в правоприменительной практике возникает большое количество вопросов, связанных с обоснованностью получения налоговой выгоды, требующих их детального анализа и разъяснения.

Целью статьи является изучить основные подходы, применяемые судами при разрешении споров об обоснованности получения налоговой выгоды, и соотнести их с имеющимися разъяснениями по вопросам судебной практики, оценить их полноту и достаточность.

В качестве эмпирического материала автор выбрал судебные акты арбитражных судов, принятые по итогам рассмотрения налоговых споров в сфере строительной деятельности.

Теоретическую базу составили исследования отечественных ученых в области налогового права и арбитражного процесса, а именно, работы К.А. Сасова, В.М. Зарипова.

Основная часть

1. Общесудебные ориентиры обоснованности налоговой выгоды

Налоговая выгода представляет собой уменьшение подлежащего уплате налога (налоговой обязанности), предпринятое налогоплательщиком с использованием правовых средств [1, с. 38]. Налоговая выгода может быть получена в форме заявления о предоставлении налогового вычета или налоговой льготы, а также получения права на возврат (зачет) налога из бюджета. Указанные формы получения налоговой выгоды являются наиболее распространенными.

Первоначально общие контуры доктрины необоснованной налоговой выгоды заложило Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 12.10.2006 №53 [2, с. 39]. Согласно данному документу, налоговая выгода налогоплательщика может быть признана законной при наличии следующих обстоятельств: 1) достоверность документов налогоплательщика, то есть, соответствие указанных в них сведений действительным фактам финансово-хозяйственной деятельности организации; 2) реальность исполнения обязательств по спорным сделкам; 3) проявление налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе контрагента.

В последующем, указанная позиция развивалась в практике ВАС РФ. Так, например, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 20.04.2010 №18162/09 по делу ОАО «Муромский стрелочный завод» было разъяснено, что подписание первичных документов неуполномоченными лицами и непроявление налогоплательщиком должной осмотрительности не может служить основанием для отказа в предоставлении налогового вычета, и, соответственно, получения налоговой выгоды, если при этом представленными по делу доказательствам подтверждается реальность исполнения обязательств со спорными контрагентами.

В дальнейшем, в связи с упразднением ВАС РФ, действие выработанных им ориентиров снизилось [3, с. 132]. Анализ судебных актов, принятых после 2014 года, свидетельствует о том, что арбитражные суда, посчитав доказанным факт реальности исполнения договора, отказывали налогоплательщику в получении налоговой выгоды только вследствие порока первичных документов (счетов-фактур, актов выполненных работ по форме №КС-2 и т.д.). Как следствие, стандарт доказывания обоснованности заявленной налогоплательщиком налоговой выгоды был необоснованно завышен.

Возвращение к позиции, выработанной ВАС РФ, ознаменовалось принятием Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) определения от 14.05.2020 №307-ЭС19-27597 по делу №А42-7695/2017 по спору АО «СПТБ „Звездочка“», в котором высший судебный орган указал, что сомнения в подписании документов уполномоченными лицами не является, в отсутствие иных обстоятельств, достаточным основанием для вывода о необоснованности получения налогоплательщиком заявленной им налоговой выгоды. Кроме того, в указанном определении ВС РФ ориентировал нижестоящие суды на необходимость исследования факта осведомлен-

ности налогоплательщика о нарушениях, допущенных недобросовестными контрагентами. Таким образом, арбитражным судам по спорам о получении налоговой выгоды надлежало установить, преследовал ли налогоплательщик своей целью уклонение от налогообложения. Тенденция повышения стандарта доказывания применительно к недобросовестности налогоплательщика проявилась и в деле ОАО «Красцветмет» (определение ВС РФ от 28.05.2020 №305-ЭС19-16064 по делу №А40-23565/2018).

Следует отметить, что доктрина необоснованной налоговой выгоды, основы которой были заложены ВАС РФ в Постановление Пленума №53, нашла свое нормативное отражение в статье 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), принятой в 2017 году [4, с. 83]. При этом, как справедливо отмечается в научной литературе, законодательное закрепление критериев обоснованности налоговой выгоды не уменьшило значимость общесудебных ориентиров для разрешения налоговых споров данной категории: судебная практика показала, что положения статьи 54.1 НК РФ не исчерпывают в достаточной мере всех вопросов, возникающих в правоприменительной деятельности [5, с. 68].

В 2023 году в Обзоре практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, ВС РФ обобщил правовые позиции, выработанные в практике арбитражных судов с 2006 года в связи с применением положений Постановления Пленума ВАС РФ №53. В состав Обзора вошла также правовая позиция по вышеупомянутому делу АО «СПТБ „Звездочка“».

Таким образом, критерии добросовестности налогоплательщика, выработанные в рамках судебной доктрины обоснованной налоговой выгоды, не имея законодательного отражения, получают свое развитие в практике арбитражных судов. В спорах о законности получения налогоплательщиком налоговой выгоды высокую важность сохраняют практикообразующие документы ВС РФ, сохранившие преемственность тем позициям, которые ранее были выработанны ВАС РФ.

2. Тенденции развития правоприменительной практики

С учетом вывода, установленного в предыдущем разделе статьи, представляется целесообразным исследовать актуальную судебную практику с той целью, чтобы по итогам ее анализа разрешить вопрос о необходимости изменения установленной системы критериев обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды. В качестве предмета углубленного анализа были выбраны налоговые споры в сфере строительства, поскольку споры о получении налоговой выгоды наиболее распространены именно в этой сфере.

В ходе анализа правоприменительной практики автором было выявлено, что критерии обоснованности получения налоговой выгоды, а, следовательно, и обстоятельства добросовестности действий налогоплательщика при выборе контрагентов и заключении с ними сделок, можно разделить на три условные группы. Рассмотрим каждую группу обстоятельств более подробно.

2.1. Обстоятельства, связанные с проявлением налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе контрагента

В рамках данной группы обстоятельств арбитражные суды оценивают, заключены ли договоры на рыночных условиях, соответствует ли цена выполнения работ рыночному уровню, заключены ли договоры на обычных условиях, характерных для данного вида договора (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.05.2026 по делу №А60-1449/2025, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.11.2025 по делу №А32-62478/2023).

В качестве обстоятельств, указывающих на обоснованность получения налоговой выгоды, суды учитывают, что выбор спорных контрагентов не отличался от установленной самим налогоплательщиком практики осуществления выбора контрагентов, на момент заключения договора признаки неплатежеспособности субподрядчика отсутствовали, и у налогоплательщика отсутствовали основания сомневаться в его добросовестности (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.06.2026 по делу №А51-23959/2024).

Спорным в судебной практике является вопрос о возможности оценки того обстоятельства, что перед заключением договоров со спорными контрагентами налогоплательщик оценил их деловую репутацию. Автор статьи полагает, что в рамках данного довода возможно учитывать, что информация о деятельности компании размещена на ее официальном сайте, контрагент не числился в Реестре недобросовестных поставщиков, в единой информационной системе в сфере закупок https://zakupki.gov.ru/ содержится информация о том, что субподрядчик неоднократно заключал контракты (договоры) в соответствии с федеральными законами №44-ФЗ и №223-ФЗ и надлежаще исполнил взятые на себя обязательства. Кроме того, в качестве допустимых доказательств могут быть приняты сведения с сайтов «СПАРК» и «СБИС», которые подтверждают прибыльность спорных контрагентов и их высокое положение в отрасли.

Отдельного внимания заслуживают обстоятельства, связанные с возможностью исполнения контрагентом взятых на себя обстоятельств. Так, например, представляется обоснованным исследовать, имелись ли у субподрядчиков ресурсы и условия, необходимые для экономиче-

ской деятельности: имеются ли в распоряжении контрагента управленческий, технический персонал, основные средства, производственные активы, складские помещения и транспортные средства (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.12.2024 по делу №А40-239007/2023, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.09.2025 по делу №А40-62429/2024).

Оценивая проявление должной осмотрительности, суды учитывают, что налогоплательщик удостоверился в правоспособности контрагента и его надлежащей государственной регистрации в качестве юридического лица. В одном из споров суды в качестве довода, указывающего на добросовестность налогоплательщика, учли наличие сведений о контрагенте в ЕГРЮЛ, отсутствие сведений о дисквалификации руководителя, а также то обстоятельство, что адрес контрагента не относится к адресам массовой регистрации (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2024 по делу №А40-134853/2023).

На оценку обоснованности налоговой выгоды может положительно повлиять факт предоставления контрагентом обеспечения исполнения обязательств по Договору, а также факт заверения в исполнении требований налогового законодательства. При этом, следует отметить, что данные обстоятельства воспринимаются судами преимущественно как второстепенные и не имеющими существенного значения в отсутствие иных доводов, указывающих на проявление должной осмотрительности.

Из вышеуказанного следует, что арбитражные суды достаточным образом исследуют факт проявления налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе контрагента.

2.2. Обстоятельства, связанные с реальностью исполнения обязательств по договорам со спорными контрагентами

Наиболее значимым обстоятельство в данной группе является собственно факт того, что обязательства по договору были исполнены в действительности. В качестве доказательств данного факта суды учитывают наличие оригиналов договоров, смет, счетов, актов выполненных работ, транспортных накладных и(или) универсальных передаточных документов (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.09.2025 по делу №А40-62429/2024). Реальность спорных хозяйственных операций может быть подтверждена также показаниями генерального директора и работников субподрядчика, видеозаписью с видеокамер на строительном объекте, материалами проверок органов строительного надзора, заключением эксперта (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.09.2024 по делу №А40-93339/2023).

Кроме того, к указанной группе обстоятельств по мнению автора статьи можно отнести наличие обоснованной необходимости в привлечении контрагента (привлечение спорного контрагента являлось необходимым для хозяйственной деятельности налогоплательщика), а также подтверждение того, что у спорных субподрядчиков имелись источники закупки поставленных обществу товаров (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.06.2024 по делу №А56-17297/2023).

В судебной практике обстоятельства реальности исполнения обязательств контрагентами исследуются в преобладающем большинстве споров, связанных с оценкой обоснованности получения налоговой выгоды (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.03.2026 по делу №А09-2750/2025, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.09.2024 по делу №А75-9651/2023).

2.3. Обстоятельства, связанные с отсутствием аффилированности между налогоплательщиком и спорными контрагентами

В рамках данной группы обстоятельств арбитражные суды оценивают, имеются ли между участниками договорных отношений признаки сговора или аффилированности, носят ли действия налогоплательщика и спорных контрагентов согласованный характер (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2026 по делу №А40-92089/2025, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.03.2025 по делу №А50-9029/2024).

Заключение

Анализ практики арбитражных судов показывает, что в спорах о получении необоснованной налоговой выгоды суды надлежащим образом оценивают действия налогоплательщика с позиции всех трех критериев, отраженных в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 №53.

При этом, практика применения указанных разъяснений показала, что суды не признают в качестве обязательного критерия необоснованности налоговой выгоды факт аффилированности налогоплательщика со спорными контрагентами или факт его осведомленности о неисполнении ими налоговой обязанности. Тем самым, налогоплательщик может быть привлечен к ответственности за использование агрессивных методов налоговой оптимизации в отсутствие умысла на совершение соответствующих действий. С учетом изложенного представляется возможным дополнить критерии обоснованности получения налоговой выгоды указанием на то, что действия налогоплательщика могут быть признаны неправомерными только в том случае, если судом будет установлен согласованный характер действий налогоплательщика и спорных контрагентов.

Список литературы:

[1] Попкова Ж.Г. Налоговая выгода как институт налогового права : Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Попкова Ж.Г. – Москва, 2019. – 303 с.

[2] Демин А.В., Молина А.Ю. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – №4. С. 37-45.

[3] Сасов К.А. Адвокат-налогоплательщик. Москва : Статут, 2024. 168 с.

[4] Цареградская Ю.К. Институт необоснованной налоговой выгоды: проблемы правоприменения в контексте изменений российского законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – №7(59). С. 82-88.

[5] Зарипов В.М. Статья 54.1 НК РФ: кодификация судебных доктрин или новые правила? // Налоговед. – 2017. – №11. С. 65-71.

[6] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 02.09.2026).

[7] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 №53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.09.2026).

[8] Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023) // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.09.2026).

References:

[1] Popkova Zh.G. Tax Benefit as an Institution of Tax Law: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.04 / Popkova Zh.G. – Moscow, 2019. – 303 p.

[2] Demin A.V., Molina A.Yu. Unjustified Tax Benefit: From Judicial Doctrine to Anti-Avoidance Provision // Legal Bulletin of Samara University. – 2022. – No. 4. pp. 37–45.

[3] Sasov K.A. The Lawyer as a Taxpayer. Moscow: Statut, 2024. 168 p.

[4] Tsaregradskaya Yu.K. The Institution of Unjustified Tax Benefit: Law Enforcement Challenges in the Context of Changes to Russian Legislation // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2019. – No. 7(59). pp. 82–88.

[5] Zaripov V.M. Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation: Codification of Judicial Doctrines or New Rules? // Nalogoved. – 2017. – No. 11. pp. 65–71.

[6] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998, No. 146-FZ // Legal Reference System «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: September 2, 2026). [7] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 12, 2006, No. 53, “On the Assessment by Arbitration Courts of the Justification for a Taxpayer’s Receipt of a Tax Benefit” // ConsultantPlus legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: September 10, 2026).

[8] Review of the Practice of Arbitration Courts Regarding the Application of Tax and Fee Legislation Provisions Concerning the Assessment of the Justification for a Tax Benefit (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 13, 2023) // ConsultantPlus legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: September 10, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-107-112

КОРОСТАШОВ Михаил Романович,
магистрант Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева» (г. Санкт-Петербург),
Санкт-Петербург, Россия,
тел.: + 7 (911) 771 71 94,
e-mail: ykorostashova@bk.ru

Научный руководитель:
НАСИКОВСКАЯ Анна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского процессуального права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева» (г. Санкт-Петербург),
e-mail: mail@law-books.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МИРОВЫХ СУДЕЙ ПО РАССМОТРЕНИЮ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

Аннотация. *В настоящей статье автор рассматривает проблему ограничения компетенции мировых судей по рассмотрению гражданских дел. Анализируя историю развития компетенции мирового судьи, автор приходит к выводу, что и в дореволюционный период деятельности мировых судей, и с момента возрождения данного института в судебной системе мировым судьям был подсуден широкий перечень разнообразных гражданских споров. Проблема несбалансированной нагрузки между районными судами и мировыми судьями подталкивает к внесению поправок в Закон о мировых судьях, определяющий предметную подсудность гражданских дел мировым судьям. Такие законодательные изменения могут включать в себя увеличение предельных сумм имущественных требований, передачу независимо от размера суммы иска простых категорий дел, соответствующих специфике производства мировых судей. Данные изменения обусловлены необходимостью адаптации судебной системы к новым экономическим условиям.*

Ключевые слова: *компетенция мирового судьи, оптимизация судопроизводства, изменение родовой подсудности.*

KOROSTASHOV Mikhail Romanovich,
Master's student at the North-Western Branch
of the Russian State University of Justice (named after V.M. Lebedev)
(St. Petersburg),
St. Petersburg, Russia

Academic Supervisor:
NASIKOVSKAYA Anna Alexandrovna,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Associate Professor
at the Department of Civil Procedural Law
of the Russian State University of Justice (named after V.M. Lebedev)
(St. Petersburg)

ON THE POSSIBILITY OF EXPANDING THE JURISDICTION OF MAGISTRATES (JUSTICES OF THE PEACE) IN CIVIL CASES

Annotation. *In this article, the author examines the problem of restrictions on the jurisdiction of justices of the peace in civil cases. An analysis of the historical development of the jurisdiction of justices of the peace leads the author to conclude that both during the pre-revolutionary period and since the reintroduction of this institution into the judicial system, justices of the peace have had jurisdiction over a broad range of*

civil disputes of various types. The problem of the uneven distribution of caseloads between district courts and justices of the peace calls for amendments to the Federal Law on Justices of the Peace, which governs subject-matter jurisdiction in civil cases. Such legislative amendments could include raising the monetary thresholds for property claims and assigning certain straightforward categories of cases to justices of the peace regardless of the amount in dispute, provided that such cases are consistent with the specific features of proceedings before justices of the peace. These changes are necessitated by the need to adapt the judicial system to new economic conditions.

Key words: *jurisdiction of justices of the peace, optimization of judicial proceedings, changes to subject-matter jurisdiction.*

Институт мировых судей появился в российской судебной системе впервые в 1864 году в период либеральных реформ императора Александра II. Авторами судебной реформы 1864 года был учтен опыт зарубежных стран, в которых функционировали судебные органы, рассматривающие по первой инстанции относительно несложные дела в упрощенной форме судопроизводства. Деятельность мировых судей была очень плодотворна, появление доступного для простого народа судебного органа соответствовало стремлениям образованных людей к идеалу правового государства.

Однако при Александре III должности мировых судей начали сокращаться, а после Октябрьской революции 1917 года мировые судьи были окончательно ликвидированы вместе со всей дореволюционной судебной системой.

Мировым судьям в дореволюционной России были подсудны споры, возникающие из договорных и деликтных обязательств, споры о защите чести, достоинства и деловой репутации, виндикиционные и негаторные иски, отдельные категории наследственных споров, иски о праве собственности на недвижимое имущество, дела, связанные с выявлением имущества должников, на которое может быть обращено взыскание; дела, связанные с отменой доверенности и прекращением полномочий представителя и другие (См.: ст.ст. 29-201, 1214, 1222, 1401–1422, 1424–1426, 1433, 1460 Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г.) [1].

Авторы Концепции судебной реформы РСФСР от 24 октября 1991 года были вдохновлены периодом функционирования института мировых судей в Российской империи, их объединяло с мировыми судьями дореволюционной России то, что они являлись участниками событий важных структурных преобразований государства, нацеленных на повышение уровня прав и свобод человека.

В 1998 году должности мировых судей были возрождены, а их компетенция была сформирована путем передачи части дел, подсудных районным судам [2]. При формировании компетенции мировых судей был учтен исторический опыт деятельности мировых судей, которые обладали достаточно широкой компетенцией по рассмотрению гражданских дел.

За период с 1998 по 2018 год к подсудности мировых судей помимо простых дел были отнесены различные категории сложных дел: трудовые (исключены из подсудности Федеральным законом от 22.07.2008 № 147-ФЗ [3]), семейные дела, в том числе о разделе между супругами совместно нажитого имущества независимо от цены иска (Федеральным законом от 22.07.2008 № 147-ФЗ подсудность мировым судьям данной категории дел ограничилась лимитом размера требований в 100 тыс. руб. [3], а Федеральным законом от 11.02.2010 № 6-ФЗ размер требований был уменьшен в два раза [4], и по настоящее время мировой судья может рассмотреть дело о разделе совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей 50 тыс. руб.), наследственные дела (исключены из подсудности мировых судей после конкретизации подпункта 6 части 1 статьи 3 Закона о мировых судьи в Федеральном законе от 22.07.2008 № 147-ФЗ [3]), дела об определении порядка пользования имуществом (исключены из подсудности Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ [5]).

Законодатель на федеральном уровне не мог воздействовать на органы власти субъектов РФ, определяя в федеральном законе стандарты кадрового и материально-технического обеспечения мировых судей. Во многих регионах России органы власти не могли увеличить финансирование обеспечения мировых судей, а поддерживать качество правосудия в условиях катастрофической нагрузки и нехватки кадров в структуре аппарата было очень тяжело. Законодатель пошел по пути ограничения компетенции мирового судьи по рассмотрению гражданских дел.

Постепенно вносились изменения в Закон о мировых судьях, исключавшие из их подсудности большинство дел искового производства, передавая их районным судам. Частота вносимых изменений в Закон о мировых судьях свидетельствовала о неясности ответа на вопрос, какое место в системе судов общей юрисдикции должны занимать мировые судьи, насколько компетентны мировые судьи в том, чтобы рассматривать сложные гражданские дела.

Как писал современник событий XIX века, выдающийся юрист и в том числе почетный мировой судья А.Ф. Кони: «Были, конечно, и в сфере мировой юстиции промахи. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дел, смущали предсудимые вопросы гражданского права, – далеко не все судьи получили юридическое образова-

ние. Но их промахи тонули в общем дружном и радостном подъеме духа, с которым первые судьи, подобно первым мировым посредникам, принялись за новое дело, видя в нем не простую службу, но занятие, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цену» [6].

Мировые судьи имеют очень богатую юридическую историю, современный судейский корпус состоит из профессиональных юристов, имеющих высшее юридическое образование (которого могли не иметь мировые судьи в дореволюционное время), многие действующие мировые судьи обладают многолетним опытом рассмотрения сложных категорий дел, находившихся в их подсудности до поправок в законодательство.

В современной России мировые судьи рассматривают подавляющее большинство гражданских дел в порядке приказного производства. Несмотря на эффективность данной упрощенной формы судопроизводства, мы полагаем, что компетенция мировых судей по рассмотрению иных категорий гражданских дел по общим правилам искового производства не должна оставаться столь ограниченной.

За годы развития судебной системы во многих регионах существенно улучшилось материально-техническое обеспечение мировых судей и используются различные способы цифровизации и автоматизации судопроизводства, в том числе внедрение искусственного интеллекта [7].

Экономика России после 2022 года столкнулась с беспрецедентными санкциями, структурной перестройкой, ростом цен на товары и услуги, инфляцией. Компетенция мирового судьи была сформирована в иных экономических условиях. Многие дела, которые, по нашему мнению, целесообразно передать мировым судьям в силу их относительной простоты, в настоящее время отнесены к подсудности районных судов. В результате, нагрузка между районными судами и мировыми судьями распределена неравномерно. А у мировой юстиции есть огромный потенциал, чтобы рассматривать больше дел искового производства, которые подходят их специфике.

3 марта 2026 года Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству был проведен круглый стол на тему «Направления совершенствования гражданского и гражданского процессуального законодательства в целях снижения нагрузки на судебную систему». На данном мероприятии было отмечено, что существует «дисбаланс в распределении дел между федеральными районными судами и мировыми судьями» [8]. Также на указанном круглом столе было озвучено, что «в настоящее время представляется актуальным увеличение предельных сумм имущественных исков, подсудных мировым судьям» [8].

М.С. Трофимова, рассуждая о действующих положениях Закона о мировых судьях и ГПК РФ, определяющих компетенцию мирового судьи, пишет следующее: «с 1998 г. фактически без учета каких-либо инфляционных процессов в компетенцию мирового судьи входят дела по имущественным спорам до 50 тыс. руб. (до 2007 г. - до 500 МРОТ). Отечественный законодатель поразительно стабилен в подходах к сложности гражданского дела посредством цены иска в условиях инфляции и общего удорожания жизни, роста минимального размера оплаты труда, средней заработной платы, прожиточного минимума. Для примера, минимальный размер оплаты труда в 2023 г., по сравнению с 1998 г. (после деноминации рубля), увеличился в 194 раза (с 83,49 до 16 242 руб.). Прожиточный минимум за время существования мировой юстиции вырос в 38 раз (с 493,3 руб. в 1998 г. до 18 832 руб. в 2023 г.)» [9].

Тяжело не согласиться с позицией М.С. Трофимовой о том, что нормы права, определяющие компетенцию мирового судьи, устарели, и из-за этого происходит неравномерное распределение нагрузки в судебной системе.

Мы предлагаем внести поправки в Закон о мировых судьях и ГПК РФ относительно цены иска по имущественным требованиям, увеличить цену иска до 150 тыс. руб. и 300 тыс. руб. для споров в сфере защиты прав потребителей, подсудных мировым судьям.

Предлагаемое увеличение предельной цены иска по имущественным требованиям в сфере защиты прав потребителей обусловлено изменением социально-экономических условий и фактического размера денежных требований потребителей.

Предел суммы иска в размере 100 тыс. руб. для споров в сфере защиты прав потребителей, подсудных мировому судье, был введен в действие в рамках реформы процессуального законодательства в 2018 году [5]. На сегодняшний день спустя 8 лет он сохранился без изменений. При этом в 2018 году федеральный МРОТ составлял с 1 января – 9489 руб. [10], то есть законодательный порог в размере 100 тыс. руб. в момент его установления был эквивалентен примерно 10,5 МРОТ (100000:9489=10,54). В 2026 году размер МРОТ составляет 27093 руб. [11]. Если сохранить эту же пропорцию в 2026 г.: 27093 × 10,54 = 285560,22 руб.

Таким образом, исходя из расчета МРОТ в 2026 году, размер требований по потребительским спорам должен составлять 285560,22 руб. Данный размер, мы полагаем, целесообразно округлить до 300 тыс. руб. до целого числа для удобства расчетов. Использование соотношения сумм 150/300 тыс. рублей обусловлено тем, что соотношение 1:2 соответствует логическому продолжению уже существующей законодательной дифференциации.

В 2024 году Судебным Департаментом при

Верховном Суде РФ был опубликован обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. Согласно данному обзору в 2024 году было окончено 175,6 тыс. дел (в 2023 году – 150,3 тыс. дел) о защите прав потребителей, или 5,9 % от общего числа оконченных производством гражданских дел, из них дела, вытекающие из договоров с финансово-кредитными учреждениями, составили 19,2 тыс. дел (10,9 %), и сумма составила 308,5 тыс. рублей на один удовлетворенный иск, а дела, вытекающие из договоров в сфере торговли, услуг, выполнения работ, — 156,4 тыс. дел (89,1 %), средняя взысканная сумма по данной категории дел составила 332,5 тыс. рублей на один удовлетворенный иск (в 2023 году иски из договоров с финансово-кредитными учреждениями — 16,8 тыс., иски, вытекающие из договоров в сфере торговли, услуг, выполнения работ, — 33,5 тыс. (88,8 %) [12].

Обратимся к статистической отчетности Судебного Департамента при Верховном Суде РФ – «Отчету о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции по форме № 2 за 2025 год» [12]. В указанном отчете нет показателей средней суммы исковых требований по потребительским спорам.

В данном отчете указано, что всего за 2025 года поступило 225325 гражданских дел в сфере защиты прав потребителей, из них 199829 дела – из договоров в сфере торговли, услуг, выполнения работ, 25496 дела – из договоров с финансово-кредитными учреждениями. Также в данном отчете указано, что общая сумма заявленных требований при подаче заявления составила 100593930237 руб. (94330265257 руб. по делам в сфере торговли, услуг, выполнения работ и 6263664980 руб. по делам из договоров с финансово-кредитными учреждениями) [12].

Возможно составить расчетные средние показатели путем деления общей цены заявленных требований на число поступивших дел:

100593930237: 225325 = 446439,3 (руб.);

94330265257: 199829 = 472054,9 (руб.);

6263664980: 25496 = 245672,5 (руб.).

Таким образом, за 2025 год расчетный средний показатель суммы исковых требований по делам в сфере защиты прав потребителей составляет 446439,3 руб.

Подводя итог анализу статистических показателей, можно констатировать, что лимиты суммы требований по имущественным спором в размере 50 тыс. руб. и 100 тыс. руб. по спорам в сфере защиты прав потребителей в настоящее время не актуальны, поскольку средний размер заявляемых требований по указанным категориям дел существенно увеличился за последние годы.

Наше предложение о повышении сумм требований до 150 тыс. руб. по имущественным спорам и 300 тыс. руб. по спорам в сфере защиты прав потребителей не является завышенным, поскольку указанные суммы не превышают средний размер заявляемых требований согласно официальной статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, и соответствуют увеличению МРОТ, показателя, который отражает динамику инфляции и доходов населения.

С учетом изложенных обстоятельств, возможно внести поправки в пункт 3 части 1 статьи 23 ГПК РФ [13] и подпункт 4 пункта 1 статьи 3 Закона о мировых судьях [2], увеличив размер требований по делам о разделе совместно нажитого имущества с размером заявленных требований до 150 тыс. руб. Увеличение ценового порога по данной категории дел так же обусловлено повышением МРОТ в 2026 году.

К тому же, мы полагаем, что актуален вопрос увеличения предельного размера требований, которые возможно рассмотреть в порядке приказного производства, до 1,5 млн рублей. Мы предполагаем, что это будет эффективно в случае автоматизации приказного производства посредством современных программных комплексов, внедрения искусственного интеллекта для подготовки проектов судебных актов по заявлениям, поступающим в электронном виде.

Учитывая, что в основе формирования компетенции мирового судьи был заложен критерий сложности дела, мы считаем, что целесообразно передать некоторые категории относительно несложных дел в подсудность мирового судьи независимо от цены иска. К данной категории однозначно относятся дела о взыскании задолженности по коммунальным услугам и по членским взносам в некоммерческих организациях, все возможные требования о взыскании алиментов (например, дела о взыскании алиментов в твердой денежной сумме).

Также относительно оптимизации судопроизводства мирового судьи заслуживает внимания предложение М.С. Трофимовой о передаче дел о расторжении брака в административную юрисдикцию органов записи актов гражданского состояния [14].

Указанные предложения очень актуальны в контексте реформирования судебной системы. Компетенция современного мирового судьи существенно отличается от мирового судьи дореволюционной России в силу различий между эпохами. Но мы считаем, что необходимо вновь возвращаться к той идее либералов XIX века, что в институте мировых судей заложен огромный потенциал для реализации прав граждан на скорое и доступное правосудие. Расширение компетенции мировых судей по рассмотрению гражданских дел позволит облегчить нагрузку районных судов, сделать работу мировых судей интереснее и разнообразнее, а также, безусловно, повысить качество, эффективность и доступность правосудия.

Список литературы:

[1] Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 20.10.2026).

[2] Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 21.12.1998, № 51, ст. 6270.

[3] Федеральный закон от 22.07.2008 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 28.07.2008, № 30 (ч. 1), ст. 3603.

[4] Федеральный закон от 11.02.2010 № 6-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 15.02.2010, № 7, ст. 701.

[5] Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.12.2018, № 49 (часть I), ст. 7523.

[6] Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (к пятидесятилетию судебных уставов): 1864 - 20 ноября - 1914. - Москва: издание т-ва И. Д. Сытина, 1914 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.10.2026).

[7] Приказ Председателя Верховного Суда РФ № 59-П от 03.09.2026 «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 20.10.2026).

[8] Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству. Круглый стол на тему «Направления совершенствования гражданского и гражданского процессуального законодательства в целях снижения нагрузки на судебную систему». URL: https://legislation.council.gov.ru (дата обращения: 20.10.2026).

[9] Трофимова М.С. Компетенция мирового судьи как фактор обеспечения доступности правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2023. № 6. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.10.2026).

[10] Федеральный закон от 28.12.2017 № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения» // «Собрание законодательства РФ», 01.01.2018, № 1 (Часть I), ст. 5.

[11] Федеральный закон от 28.11.2025 N 429-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» // «Собрание законодательства РФ», 01.12.2025, № 48 (Часть III), ст. 7240.

[12] Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: ttps://cdep.ru/ (дата обращения: 20.10.2026).

[13] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.

[14] Трофимова М.С. Направления оптимизации компетенции мирового судьи на примере дел о расторжении брака // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2026. Т. 36, вып. 1. С. 180-186.

References:

[1] Charter of Civil Procedure of November 20, 1864 // «Garant» Legal Reference System. URL: https://www.garant.ru/ (accessed: October 20, 2026).

[2] Federal Law No. 188-FZ of December 17, 1998, «On Justices of the Peace in the Russian Federation» // «Collected Legislation of the Russian Federation,» December 21, 1998, No. 51, Art. 6270.

[3] Federal Law No. 147-FZ of July 22, 2008, «On Amendments to Article 3 of the Federal Law 'On Justices of the Peace in the Russian Federation' and Article 23 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation» // «Collected Legislation of the Russian Federation,» July 28, 2008, No. 30 (Part I), Art. 3603.

[4] Federal Law No. 6-FZ of February 11, 2010, «On Amendments to Article 3 of the Federal Law 'On Justices of the Peace in the Russian Federation' and Article 23 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation» // «Collected Legislation of the Russian Federation,» February 15, 2010, No. 7, Art. 701.

[5] Federal Law No. 451-FZ of November 28, 2018 (as amended on October 17, 2019), «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // «Collected Legislation of the Russian Federation,» December 3, 2018, No. 49 (Part I), Art. 7523.

[6] Koni A. F. Fathers and Sons of the Judicial Reform: (On the Fiftieth Anniversary of the Judicial Statutes): 1864 – November 20 – 1914. – Moscow: I. D. Sytin Publishing House, 1914 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: 20.10.2026).

[7] Order of the Chief Justice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 59-P dated September 3, 2026, «On Approval of the Concept for Implementing Artificial Intelligence Technologies in the Judicial Proceedings of the Russian Federation» // Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/ (accessed: 20.10.2026).

[8] Federation Council Committee on

Constitutional Legislation and State Building. Round table on the topic: «Directions for Improving Civil and Civil Procedural Legislation to Reduce the Workload on the Judicial System.» URL: https://legislation.council.gov.ru (accessed: 20.10.2026).

[9] Trofimova M. S. The Competence of a Justice of the Peace as a Factor in Ensuring Access to Justice in Civil Cases // Herald of Civil Procedure. 2023. No. 6. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: 20.10.2026).

[10] Federal Law No. 421-FZ of December 28, 2017, "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Increase of the Minimum Wage to the Subsistence Minimum for the Able-Bodied Population" // *Collected Legislation of the Russian Federation*, January 1, 2018, No. 1 (Part I), Art. 5.

[11] Federal Law No. 429-FZ of November 28, 2025, "On Amending Article 1 of the Federal Law 'On the Minimum Wage'" // *Collected Legislation of the Russian Federation*, December 1, 2025, No. 48 (Part III), Art. 7240.

[12] Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/ (accessed: October 20, 2026).

[13] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on August 4, 2026) // *Collected Legislation of the Russian Federation*, November 18, 2002, No. 46, Art. 4532.

[14] Trofimova M.S. Directions for Optimizing the Competence of a Justice of the Peace: The Case of Divorce Proceedings // *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2026, Vol. 36, Issue 1, pp. 180–186.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г. DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-113-119
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

БЕЛЬСКАЯ Юлия Александровна,
магистрант Института магистратуры, направление «Менеджмент»,
профиль «Стратегическое корпоративное управление»,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: yulia_belskaya@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ МИКРОПРЕДПРИЯТИЯ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННЫХ РЕСУРСОВ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема выбора конкурентных преимуществ микропредприятия общественного питания при ограниченных финансовых, кадровых и производственных ресурсах. Цель исследования состоит в разработке порядка предварительного отбора решений, которые могут стать основой конкурентного преимущества. Использованы целевой теоретический обзор, сопоставление понятий и синтез положений ресурсного и конкурентного подходов с отдельными принципами эффектуации. Разграничены ресурсы предприятия, управленческие мероприятия и потенциальные конкурентные преимущества. Предложена последовательность, объединяющая предварительную оценку покупательской значимости, проверку ресурсной реализуемости, сравнительный анализ предложения и ограниченную практическую проверку. Прикладной вклад состоит в разделении условий допуска решения к рассмотрению и критериев его конкурентной ценности. Первичные данные не собирались; результативность предложенного порядка требует последующей эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *микропредприятие, общественное питание, конкурентная стратегия, конкурентные преимущества, ресурсные ограничения, эффектуация.*

BELSKAYA Yulia Aleksandrovna,
Master's student, Institute of Master's Studies,
Management programme, Strategic Corporate Management specialization,
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

EDEVELOPING COMPETITIVE ADVANTAGES FOR MICRO-ENTERPRISES IN THE FOOD SERVICE SECTOR UNDER CONDITIONS OF LIMITED RESOURCES

Annotation. *This paper examines the selection of competitive advantages for a foodservice microenterprise facing financial, staffing and production constraints. The study aims to develop a procedure for screening initiatives that may provide a basis for competitive advantage. The methods include a targeted theoretical review, conceptual comparison and synthesis of resource-based and competitive strategy perspectives with selected effectuation principles. The paper distinguishes enterprise resources, managerial initiatives and potential competitive advantages. The proposed procedure combines a preliminary assessment of customer relevance, resource feasibility screening, comparison with market alternatives and a limited practical trial. Its practical contribution lies in separating the conditions for admitting an initiative to further consideration from the criteria used to assess its competitive value. No primary data were collected. The effectiveness of the proposed procedure requires subsequent empirical evaluation.*

Key words: *microenterprise, foodservice, competitive strategy, competitive advantages, resource constraints, effectuation.*

Введение

Разработка конкурентной стратегии предполагает выбор оснований, по которым покупатель будет предпочитать предложение предприятия доступным альтернативам. Для микропредприятия общественного питания этот выбор необходимо соотносить с возможностью регулярно обеспечивать заявленные характеристики продукции и обслуживания.

Расширение ассортимента, ускорение выдачи заказов и изменение формата обслуживания могут требовать одних и тех же ограниченных ресурсов. Поэтому привлекательность отдельного решения для покупателя ещё не определяет возможность его реализации. Существенное значение имеют необходимые вложения, текущие расходы и влияние на действующие процессы.

В исследовании рассматриваются микропредприятия общественного питания, в которых собственник непосредственно участвует в управлении, небольшая команда совмещает функции, а возможности финансирования и аналитической работы ограничены. Эти характеристики задают область применения предлагаемого подхода и не рассматриваются как обязательные признаки каждого микропредприятия.

Исследовательский вопрос состоит в следующем: как организовать предварительный отбор решений для формирования конкурентных преимуществ, если предприятие не может одновременно реализовать все привлекательные для покупателей изменения?

Цель работы заключается в разработке порядка такого отбора. Для её достижения необходимо разграничить основные понятия, определить основания оценки решений и установить последовательность перехода от первоначального предложения к его практической проверке.

Метод и материалы исследования

Работа носит теоретико-прикладной характер. Использованы целевой обзор литературы, сопоставление понятий и синтез положений нескольких подходов. Обзор ограничен рассмотренными источниками и не претендует на систематическое или исчерпывающее описание исследований конкурентоспособности.

Источники отбирались по их роли в решении исследовательской задачи. Отечественная работа о конкурентоспособности предприятий питания использована для характеристики взаимосвязи продукции, обслуживания и среды предприятия [2]. Ресурсный подход применяется для рассмотрения оснований конкурентного преимущества [5]. Положения конкурентной стратегии позволяют связать предложение покупателю с организацией деятельности [10]. Концепция эффектуации используется в части анализа доступных средств и ограничения потерь при проверке решений [15].

Методологическая работа Э. Яакколы служит основанием для явного разграничения роли теорий и авторского результата в концептуальном исследовании [11]. Современное исследование небольших ресторанов используется для обсуждения границ переноса зарубежных выводов [9].

Отраслевую основу анализа дополняют российские исследования конкурентоспособности малого предприятия общественного питания и оценки ресурсного потенциала предприятий отрасли [1; 3]. Зарубежные работы используются для рассмотрения рыночной ориентации, человеческого капитала и взаимодействия с поставщиками [8; 12]. При сопоставлении учитываются объект исследования, условия деятельности и характер оцениваемого результата. Выводы о ресторанах и малых предприятиях не рассматриваются как автоматически применимые ко всем микропредприятиям.

Исследования удовлетворённости и восприятия инновационности используются для уточнения покупательской оценки предложения [4; 13], работа о ресторанных инновациях раскрывает возможные препятствия внедрению [14], а исследования предпринимательских решений обосновывают необходимость предварительной формулировки и проверки предположений [6; 7].

Сопоставление проводится по трём вопросам: что выступает источником преимущества, какие условия необходимы для его реализации и чем подтверждается его значимость. На этой основе разработана последовательность предварительного отбора решений. Первичные данные не собирались. Предлагаемые этапы и правила имеют статус положений для последующей проверки.

1. Теоретические основания и разграничение понятий

А.А. Курочкин и В.Ю. Юрьев рассматривают предприятие питания с учётом взаимосвязи продукции и услуг, а также внутренней и внешней среды [2]. Для настоящего исследования это означает необходимость оценивать изменения в меню и обслуживании вместе с их влиянием на работу предприятия.

В ресурсном подходе Дж. Барни потенциал устойчивого конкурентного преимущества связывается с ценностью, редкостью, сложностью имитации ресурсов и отсутствием доступных стратегически эквивалентных заменителей [5]. Следовательно, доступность ресурса и его конкурентное значение необходимо рассматривать раздельно.

В подходе к конкурентной стратегии, представленном Институтом стратегии и конкурентоспособности Гарвардской школы бизнеса, выделяются отличительная ценность предложения и согласованность действий предприятия [10]. Отсюда следует, что обещание покупателю должно поддерживаться соответствующей организацией работы.

В настоящей статье разграничиваются три понятия. Ресурсы представляют собой средства и возможности, доступные предприятию. К ним

относятся оборудование, компетенции работников, денежные средства, информация и деловые связи.

Управленческое мероприятие означает действие по использованию или изменению ресурсов. Такими действиями могут быть пересмотр ассортимента, изменение графика приготовления и организация предварительного заказа.

Потенциальное конкурентное преимущество представляет собой характеристику предложения или деятельности, которая может обеспечивать предприятию предпочтительную позицию относительно определённых альтернатив. Для признания такой характеристики преимуществом необходимо подтвердить её значимость и возможность поддержания.

Таким образом, наличие оборудования не равнозначно преимуществу, а внедрение новой услуги ещё не подтверждает улучшение конкурентной позиции. Между ресурсом, действием и результатом требуется установить обоснованную связь.

Концепция эффектуации дополняет рассмотренные положения вниманием к доступным средствам и допустимым потерям [15]. В предлагаемом порядке эти принципы используются при определении границ пробного внедрения. Применение отдельных принципов не означает, что вся стратегия действующего предприятия должна строиться исключительно на эффектуационной логике.

2. Отраслевые исследования конкурентоспособности и ресурсов предприятия

В российской литературе конкурентоспособность небольшого предприятия общественного питания рассматривается с учётом его положения на конкретном рынке. А.И. Панышев и О.И. Катлишин исследуют предприятие города Перми, используя экспертную балльную оценку и SWOT-анализ. В состав оцениваемых характеристик включены местоположение, ассортимент, ценовая политика, продвижение, программа лояльности и условия потребления продукции [3]. Работа показывает один из способов организации сравнительного анализа. Полученные оценки относятся к исследованному предприятию и не образуют универсального набора приоритетов для любого заведения.

Н.Е. Булетова и С.В. Кулибаба предлагают комплексную методику оценки ресурсного потенциала предприятия общественного питания. Она объединяет инструменты стратегического и финансового анализа, VRIO-анализ, интегральную оценку и приоритизацию мероприятий по соотношению затрат и эффекта [1]. Следовательно, взаимосвязь ресурсов и конкурентоспособности уже получила методическую разработку. Задача настоящей статьи имеет более узкую направленность: предварительный отбор отдельных инициатив микропредприятия при ограниченных возможностях сбора и обработки данных.

В исследовании G. Jogaratnam рассматриваются рыночная ориентация, предпринимательская ориентация и человеческий капитал в связи с конкурентной позицией ресторанного предприятия [12]. Для настоящей работы это служит основанием учитывать компетенции и организационные возможности наряду с материальными ресурсами. Наличие оборудования или финансов само по себе не раскрывает способность предприятия сформировать востребованное предложение.

Исследование M. Cho и соавторов посвящено критериям выбора поставщиков и партнёрским отношениям независимых ресторанов полного обслуживания в США [8]. Оно позволяет включить в обсуждение ресурсной реализуемости условия поставок и взаимодействия с контрагентами. При этом результаты зарубежного исследования не подтверждают надёжность конкретного поставщика российского микропредприятия. Она требует отдельной оценки применительно к планируемой инициативе.

Оценка покупательской значимости требует разграничения характеристик предложения и восприятия этих характеристик посетителями. S.S. Andaleeb и C. Conway исследуют удовлетворённость покупателей ресторанов полного обслуживания, рассматривая обслуживание, цену и качество питания [4]. Результаты относятся к определённой выборке и не устанавливают универсальную значимость каждого фактора. В настоящем исследовании эти характеристики используются как направления изучения потребностей покупателей, приоритет которых необходимо уточнять для конкретного предприятия.

E. Kim, L. Tang и R. Bosselman разрабатывают шкалу восприятия инновационности ресторана покупателями [13]. Работа позволяет дополнительно разграничить внедрение изменения и его оценку потребителем. Новизна решения с позиции собственника ещё не подтверждает, что покупатели замечают его или считают полезным. Поэтому при предварительном отборе инициатив необходимо выяснять, какую воспринимаемую ценность создаёт предполагаемое изменение. Восприятие инновационности при этом не тождественно удовлетворённости или фактической покупке.

C. Lee, R. Hallak и S.R. Sardeshmukh рассматривают источники идей и препятствия внедрению инноваций на основе обзора литературы и интервью с владельцами ресторанов Австралии. Среди выявленных препятствий отмечаются сопротивление работников изменениям и неприятие нововведений покупателями [14]. Для предлагаемого порядка это служит основанием учитывать готовность персонала и реакцию целевой аудитории наряду с финансовыми и производственными возможностями.

Рассмотренные работы используются как основания для выбора вопросов предварительной оценки. Предлагаемый порядок сосредоточен на переходе от отдельной идеи к решению о её огра-

ниченной проверке. Его применимость и удобство для собственника требуют последующего исследования.

3. Предварительный отбор решений при ограниченных ресурсах

Ограничения и условия применения

Предлагаемый порядок учитывает три ограничения рассматриваемой конфигурации микропредприятия. Первое связано с взаимозависимостью функций. Если небольшая команда одновременно занимается приготовлением, продажей и обработкой заказов, новая задача может изменять качество выполнения остальных операций. Поэтому необходимо оценивать дополнительную нагрузку на весь процесс.

Второе ограничение касается различия между возможностью запуска и возможностью постоянного выполнения. Разового бюджета может хватить на внедрение услуги, однако её дальнейшее поддержание потребует регулярных расходов или дополнительного рабочего времени.

Третье ограничение связано с неполнотой информации. У предприятия может отсутствовать достаточная база наблюдений для уверенной оценки спроса и затрат. В этом случае неопределённость следует фиксировать отдельно. Отсутствие информации не должно автоматически трактоваться как положительная или отрицательная оценка решения.

Обязательные требования к безопасности продукции и условиям деятельности рассматриваются как исходные условия. Их соблюдение не может зависеть от привлекательности предполагаемого конкурентного преимущества.

Последовательность отбора

На первом этапе формулируются целевая группа покупателей, ситуация покупки и предполагаемая ценность изменения. Формулировка должна объяснять, какую потребность удовлетворяет решение и с какими альтернативами его необходимо сравнивать.

На этом этапе достаточно предварительного основания: повторяющихся обращений покупателей, наблюдений или результатов короткого опроса. Эти сведения рассматриваются как повод для дальнейшего анализа. Они ещё не доказывают наличие устойчивого спроса.

На втором этапе проводится проверка ресурсной реализуемости. Оцениваются средства для запуска и последующего поддержания решения, доступное время работников и собственника, производственная мощность и зависимость от поставок.

Если необходимые ресурсы недоступны, решение пересматривается или откладывается. При нехватке информации определяется способ её получения. Такая проверка предшествует подробному сравнению вариантов, чтобы не расходовать ограниченное время на заведомо невыполнимые инициативы.

На третьем этапе оценивается конкурентная ценность решений, прошедших предварительный отбор. Выясняется, насколько предложение значимо для целевой группы, чем отличается от альтернатив, как быстро может быть повторено и какие замены доступны покупателю.

На четвёртом этапе проводится ограниченная практическая проверка. До её начала устанавливаются срок, бюджет, допустимые потери и показатели результата. На пятом этапе принимается решение о продолжении, изменении или прекращении инициативы. Критерии и правила перехода между этапами представлены в таблице 1.

Таблица 1. Порядок предварительного отбора решений для формирования конкурентных преимуществ

Этап	Предмет оценки	Основание для решения	Результат
Оценка потребности	Целевая группа, ситуация покупки, ожидаемая польза	Обращения, наблюдения, предварительные опросы	Гипотеза о ценности
Проверка ресурсной реализуемости	Затраты на запуск и поддержание, время, мощность, поставки	Потребность в ресурсах и их доступность	Допуск, пересмотр, отсрочка, уточнение
Оценка конкурентной ценности	Значимость, отличие от альтернатив, копируемость, заменяемость	Сопоставление предложений и предпочтений	Выбор решения для пробного внедрения
Ограниченная проверка	Выполнимость обещания, спрос, дополнительные затраты	Наблюдения и учёт за заданный срок	Данные для дальнейшего решения
Итоговый выбор	Результаты проверки и влияние на основную деятельность	Проверка заданных условий	Продолжение, изменение или прекращение инициативы

Источник: составлено автором на основе [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 10; 12; 15].

В предложенной последовательности ресурсная реализуемость выступает условием допуска к дальнейшей оценке. Высокая предполагаемая значимость для покупателя не компенсирует отсутствие возможности выполнить обещание.

При этом предварительный отсев не означает окончательного отказа от идеи. Решение может быть возвращено к рассмотрению после изменения его масштаба, способа реализации или доступных ресурсов.

Конкурентная ценность также не сводится к сложности копирования. Даже легко повторяемое изменение может иметь краткосрочную полезность. Однако возможность его быстрого воспроизведения ограничивает основания считать полученное отличие устойчивым.

Таблица не предполагает обязательного расчёта единого балла. Применение весов без обоснования может создавать видимость точности. Для первоначального использования достаточно фиксировать вывод по каждому вопросу, его основание и сохраняющуюся неопределённость.

4. Оценка результатов и границы применения

Показатели практической проверки выбираются в соответствии с содержанием решения. При изменении обслуживания могут учитываться время ожидания, ошибки и нагрузка на работников. При изменении ассортимента необходимы сведения о продажах, списаниях и дополнительных затратах.

Ограниченную проверку целесообразно организовывать вокруг заранее сформулированного предположения. Оно должно связывать предполагаемое изменение с наблюдаемым результатом и содержать условия, при которых инициатива будет пересмотрена. В исследовании A. Camuffo и соавторов научный подход к предпринимательским решениям рассматривается через формулирование объяснений и проверку гипотез на данных итальянских стартапов [6]. Последующая масштабная репликация охватывает 759 предприятий в четырёх рандомизированных исследованиях и уточняет влияние такого подхода на прекращение идей и изменение стратегии [7].

Эти работы используются для обоснования логики проверки предположений. Они не подтверждают эффективность предлагаемого в настоящей статье порядка для российских микропредприятий общественного питания. Практическая проверка отдельной инициативы также не равнозначна полноценному эксперименту: необходимо учитывать сезонность, изменения цен, действия конкурентов и другие обстоятельства, способные повлиять на результат.

До начала проверки следует определить ожидаемое изменение показателя, способ наблюдения и основания итогового решения. Отсутствие ожидаемого результата может служить основанием для изменения или прекращения инициативы. Такой исход представляет собой получение информации о решении, а не доказательство неэффективности всех сходных мероприятий.

Увеличение выручки само по себе недостаточно для решения о продолжении инициативы. Следует учитывать расходы, использование ограниченной мощности и возможное ухудшение основной деятельности.

Даже положительный результат краткого испытания ещё не подтверждает устойчивость преимущества. Для этого требуется наблюдать повторяемость результата и изменения предложений конкурентов.

Зарубежные исследования могут использоваться для уточнения вопросов оценки, однако границы переноса выводов должны быть обозначены. Работа G. Hernandez-Maskivker и соавторов посвящена практикам устойчивого развития и сертификации в ресторанах Барселоны [9]. Рассмотренная выборка не ограничена российскими микропредприятиями. Поэтому исследование не служит прямым подтверждением эффективности предлагаемого порядка в условиях настоящей статьи.

Прикладной вклад работы состоит в систематизации предварительного отбора отдельных инициатив микропредприятия общественного питания. В предлагаемой последовательности разделены оценка покупательской значимости, проверка ресурсной реализуемости и сравнение с рыночными альтернативами. Дополнительно предусмотрено решение о сборе недостающих данных. Такой порядок может использоваться перед более подробным стратегическим и финансовым анализом. Возможность его применения при ограниченном времени собственника и неполной информации требует эмпирической проверки.

Предложенный порядок не заменяет разработку конкурентной стратегии целиком. Он относится к предварительному выбору инициатив, на основе которых может формироваться стратегическое предложение предприятия.

Заключение

В работе разработан порядок предварительного отбора решений для формирования конкурентных преимуществ микропредприятия общественного питания при ограниченных ресурсах.

Разграничены ресурсы, управленческие мероприятия и потенциальные конкурентные преимущества. Предложена последовательность, в которой предварительная оценка потребности покупателей дополняется проверкой ресурсной реализуемости, сравнением с альтернативами и ограниченным пробным внедрением.

Основной результат состоит в разделении условий допуска решения и критериев его конкурентной ценности. При таком рассмотрении привлекательность предложения оценивается вместе с возможностью регулярно выполнять обещание покупателю.

Работа имеет теоретико-прикладной харак-

тер. Эффективность предложенного порядка не проверялась на первичных данных. Дальнейшее исследование должно установить, насколько последовательность понятна собственникам, какие сведения доступны для её применения и помогает ли она выявлять ресурсные ограничения до полномасштабного внедрения изменений. Для этого необходимо наблюдение за принятыми и отклонёнными инициативами с фиксацией затрат, результатов и причин итогового выбора.

Список литературы:

[1] Булетова Н. Е., Кулибаба С. В. Оценка ресурсного потенциала предприятия общественного питания с учетом высокой конкуренции и неопределенности условий функционирования // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16. № 2. С. 785–806.

[2] Курочкин А. А., Юрьев В. Ю. Системный подход к вопросу оценки конкурентоспособности предприятий питания // Инновационная техника и технология. 2023. Т. 10. № 3. С. 56–60.

[3] Панышев А. И., Катлишин О. И. Конкурентоспособность малого предприятия общественного питания на рынке города Перми // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 10. С. 4039–4052.

[4] Andaleeb S. S., Conway C. Customer satisfaction in the restaurant industry: an examination of the transaction-specific model // Journal of Services Marketing. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 3–11.

[5] Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17. No. 1. P. 99–120.

[6] Camuffo A., Cordova A., Gambardella A., Spina C. A Scientific Approach to Entrepreneurial Decision Making: Evidence from a Randomized Control Trial // Management Science. 2020. Vol. 66. No. 2. P. 564–586.

[7] Camuffo A., Gambardella A., Messinese D., Novelli E., Paolucci E., Spina C. A scientific approach to entrepreneurial decision-making: Large-scale replication and extension // Strategic Management Journal. 2024. Vol. 45. No. 6. P. 1209–1237.

[8] Cho M., Bonn M. A., Giunipero L., Jaggi J. S. Supplier selection and partnerships: Effects upon restaurant operational and strategic benefits and performance // International Journal of Hospitality Management. 2021. Vol. 94. Article 102781.

[9] Hernandez-Maskivker G., Nicoara-Popescu D., Fornells Herrera A. Sustainability and competitive advantage in small restaurants: a dynamic resource–relationship framework // Academia Revista Latinoamericana de Administración. 2026. Vol. 39. No. 1. P. 83–106.

[10] Institute for Strategy and Competitiveness, Harvard Business School. Strategy Explained // [Электронный ресурс]. URL: https://www.isc.hbs.edu/strategy/Pages/strategy-explained.aspx (дата обращения: 20.10.2026).

[11] Jaakkola E. Designing conceptual articles: four approaches // AMS Review. 2020. Vol. 10. P. 18–26.

[12] Jogaratnam G. The effect of market orientation, entrepreneurial orientation and human capital on positional advantage: Evidence from the restaurant industry // International Journal of Hospitality Management. 2017. Vol. 60. P. 104–113.

[13] Kim E., Tang L., Bosselman R. Measuring customer perceptions of restaurant innovativeness: Developing and validating a scale // International Journal of Hospitality Management. 2018. Vol. 74. P. 85–98.

[14] Lee C., Hallak R., Sardeshmukh S. R. Creativity and innovation in the restaurant sector: Supply-side processes and barriers to implementation // Tourism Management Perspectives. 2019. Vol. 31. P. 54–62.

[15] Sarasvathy S. D. Causation and Effectuation: Toward a Theoretical Shift from Economic Inevitability to Entrepreneurial Contingency // Academy of Management Review. 2001. Vol. 26. No. 2. P. 243–263.

References:

[1] Buletova N. E., Kulibaba S. V. Assessing the Resource Potential of a Food Service Enterprise Amidst High Competition and Uncertain Operating Conditions // Economics, Entrepreneurship and Law. 2026. Vol. 16. No. 2. pp. 785–806.

[2] Kurochkin A. A., Yuryev V. Yu. A Systems Approach to Assessing the Competitiveness of Food Service Enterprises // Innovative Engineering and Technology. 2023. Vol. 10. No. 3. pp. 56–60.

[3] Panyshev A. I., Katlishin O. I. Competitiveness of a Small Food Service Enterprise in the Perm City Market // Creative Economy. 2022. Vol. 16. No. 10. pp. 4039–4052.

[4] Andaleeb S. S., Conway C. Customer satisfaction in the restaurant industry: an examination of the transaction-specific model // Journal of Services Marketing. 2006. Vol. 20. No. 1. pp. 3–11.

[5] Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. Vol. 17. No. 1. pp. 99–120.

[6] Camuffo A., Cordova A., Gambardella A., Spina C. A Scientific Approach to Entrepreneurial Decision Making: Evidence from a Randomized Control Trial // Management Science. 2020. Vol. 66. No. 2. pp. 564–586.

[7] Camuffo A., Gambardella A., Messinese D., Novelli E., Paolucci E., Spina C. A scientific approach to entrepreneurial decision-making: Large-scale replication and extension // Strategic Management Journal. 2024. Vol. 45.No. 6. P. 1209–1237.

[8] Cho M., Bonn M. A., Giunipero L., Jaggi J. S. Supplier selection and partnerships: Effects upon restaurant operational and strategic benefits and performance // International Journal of Hospitality Management. 2021. Vol. 94. Article 102781.

[9] Hernandez-Maskivker G., Nicoara-Popescu D., Fornells Herrera A. Sustainability and competitive advantage in small restaurants: a dynamic resource–relationship framework // Academia Revista

Latinoamericana de Administración. 2026. Vol. 39.No. 1. P. 83–106.

[10] Institute for Strategy and Competitiveness, Harvard Business School. Strategy Explained // [Electronic resource]. URL: https://www.isc.hbs.edu/strategy/Pages/strategy-explained.aspx (accessed 10/20/2026).

[11] Jaakkola E. Designing conceptual articles: four approaches // AMS Review. 2020. Vol. 10. P. 18–26.

[12] Jogaratnam G. The effect of market orientation, entrepreneurial orientation and human capital on positional advantage: Evidence from the restaurant industry // International Journal of Hospitality Management. 2017. Vol. 60. P. 104–113.

[13] Kim E., Tang L., Bosselman R. Measuring customer perceptions of restaurant innovation: Developing and validating a scale // International Journal of Hospitality Management. 2018. Vol. 74. P. 85–98.

[14] Lee C., Hallak R., Sardeshmukh S. R. Creativity and innovation in the restaurant sector: Supply-side processes and barriers to implementation // Tourism Management Perspectives. 2019. Vol. 31. P. 54–62.

[15] Sarasvathy S. D. Causation and Effectuation: Toward a Theoretical Shift from Economic Inevitability to Entrepreneurial Contingency // Academy of Management Review. 2001. Vol. 26.No. 2. P. 243–263.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-120-124

СМИРНОВА Анна Валерьевна,
Московский гуманитарно-экономический университет
Тверской институт (филиал) г. Тверь, РФ,
Магистрант гр. МЮЗг-1-13,
e-mail: mail@law-books.ru

МИЦЫК Галина Юрьевна,
Московский гуманитарно-экономический университет
Тверской институт (филиал), г. Тверь, РФ,
кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин,
профессор Академии военных наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМА ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ БОГОСЛУЖЕНИЙ В ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу проблемы проведения публичных богослужений в помещениях, имеющих статус жилых. Рассматриваются коллизии между конституционной свободой вероисповедания, абсолютным характером права собственности и установленным жилищным законодательством принципом целевого использования недвижимости. Обосновывается, что более соразмерным является развитие уже имеющегося инструментария судебной защиты, а не введение абсолютного императива. Будут рассмотрены гражданско-правовые границы использования жилых помещений для систематических богослужений: злоупотребление правом, целевое назначение и защита прав соседей.*

Ключевые слова: *религиозная организация, жилое помещение, целевое назначение, злоупотребление правом, богослужение, права соседей, законопроект, баланс интересов.*

SMIRNOVA Anna Valerievna,
Moscow University of Humanities and Economics
Tver Institute (branch), Tver, Russian Federation,
Undergraduate gr. MUZg-1-13

MITSYK Galina Yurievna,
Moscow University of Humanities and Economics
Tver Institute (branch), Tver, Russian Federation,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal disciplines, professor of the Academy of Military Sciences

THE ISSUE OF CONDUCTING PUBLIC RELIGIOUS SERVICES IN RESIDENTIAL PREMISES

Annotation. *This article analyzes the problem of conducting public worship services in premises designated as residential. It examines the collisions between the constitutional freedom of religion, the absolute character of property rights, and the principle of designated use of real estate established by housing legislation. It argues that developing the already existing toolkit of judicial protection constitutes a more proportionate measure than introducing an absolute imperative. The article will consider the civil-law boundaries of using residential premises for systematic worship services: abuse of right, designated purpose, and protection of neighbors' rights.*

Key words: *religious organization, residential premises, designated purpose, abuse of right, worship service, neighbors' rights, draft law, balance of interests.*

13 февраля 2026 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 1149587-8 «О внесении изменений в статьи 16 и 24-1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации», вызвавший широкий общественный резонанс. Документ был подписан 59 депутатами, включая лидеров всех парламентских фракций (КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, Новые люди). Суть законопроекта заключается в установлении запрета на проведение богослужений, других религиоз-

ных обрядов и церемоний, а также молитвенных и религиозных собраний в нежилых помещениях, расположенных в многоквартирных домах и во встроенно-пристроенных к ним помещениях. При этом авторы инициативы сохраняют право на проведение религиозных мероприятий в жилых помещениях, но исключительно «в целях удовлетворения индивидуальных духовных потребностей лиц, проживающих в них на законных основаниях».

С одной стороны, действующее законодательство не содержит прямого запрета на совершение религиозных обрядов в квартирах и индивидуальных жилых домах, с другой – такие мероприятия всё чаще создают серьёзные неудобства для соседей, нарушая их право на тишину, покой и благоприятную среду проживания. Таким образом, в этих условиях возникает необходимость чёткого определения гражданско-правовых границ допустимости использования жилья для систематических религиозных собраний.

Современное российское законодательство, с одной стороны, гарантирует свободу совести и вероисповедания, а с другой — устанавливает светский характер государства и приоритет прав и законных интересов граждан, например, право на благоприятную среду проживания. Религиозные организации, будучи некоммерческими организациями со специальной правоспособностью [5, ст. 123, п. 1], вправе беспрепятственно совершать богослужения в культовых зданиях и на специально отведённых территориях. Однако на практике всё чаще встречаются ситуации, когда систематические собрания верующих проводятся в обычных квартирах многоквартирных домов или индивидуальных жилых строениях.

Грань между частной молитвой в кругу семьи и публичным религиозным мероприятием с участием десятков посторонних лиц, сопровождающимся пением, использованием звукоусиливающей аппаратуры и созданием неудобств для соседей, до недавнего времени оставалась юридически неопределённой. Для выработки соразмерного регулирования принципиально важно чётко разграничить несколько понятий, которые в бытовом словоупотреблении нередко смешиваются.

Предлагаемое регулирование должно строиться не на запрете молитвы или семейного богослужения, а на создании правовых механизмов, отсекающих трансформацию жилища в публичное культовое место, – то есть на борьбе именно с «домашними церквями» как устойчивой формой неправомерного использования жилья.

Гражданско-правовой спор в таких случаях — это столкновение абсолютного права собственника квартиры использовать её по своему усмотрению и права соседей на спокойное проживание, защищаемого через негаторный иск.

Ключевым гражданско-правовым ограничителем выступает ст. 17 Жилищного кодекса РФ [6, ст. 17], согласно которой жилое помещение предназначено для проживания граждан. Допускается использование жилья для осуществления профессиональной или индивидуальной предпринимательской деятельности, но при условии соблюдения прав и законных интересов других граждан, а также требований, которым должно отвечать жилое помещение.

Религиозная организация вправе осуществлять уставную деятельность, которая по определению не является предпринимательской [7, Ст. 6]. Более того, священнослужитель, проводящий обряд, реализует своё право на свободу вероисповедания, а не оказывает коммерческую услугу. Это создаёт правовой вакуум: формально не упоминается и не запрещается религиозных практик. Следовательно, ограничение возможно не по букве, а по духу закона — через категорию назначения помещения.

Пленум Верховного Суда РФ №14 разъяснил, что под использованием не по назначению понимается такое применение, которое не связано с проживанием, влечёт нарушение санитарно-гигиенических норм, правил пожарной безопасности и ущемляет права соседей [8, п. 39]. Если богослужения носят эпизодический характер, не создают повышенного шума и не привлекают массово посторонних лиц, сослаться на ст. 17 ЖК РФ практически невозможно [6, ст. 17]. Если же поток прихожан парализует работу лифтов, в подъезде постоянно находятся чужие люди, а громкое пение слышно в любое время суток — налицо нарушение пределов целевого использования.

Именно эта неопределённость и породила потребность в новой законодательной инициативе, однако, как будет показано далее, решение не сводится к простому запрету.

Поскольку прямого указания закона на запрет богослужений в жилых помещениях до февраля 2026 г. не существовало, суды всё чаще прибегали к ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом [5, ст. 10]. Запрещается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также иное заведомо недобросовестное осуществление прав.

Право собственности даёт лицу возможность владеть, пользоваться и распоряжаться квартирой. Однако использование её вопреки социальному предназначению жилья (как места для отдыха и личной жизни) может быть расценено как обход закона. В контексте «домашних церквей» злоупотребительный характер выражается не в умысле именно навредить соседям, а в игнорировании объективных пределов осуществления права. Собственник сознательно переносит в жилую среду деятельность, для которой законом предусмотрены отдельные нежилые культовые здания, и тем самым перекладывает издержки

такой деятельности на окружающих [1, с. 22].

Судебная практика показывает, что само по себе проведение богослужений (даже регулярных) ещё не есть злоупотребление. Квалифицирующим признаком становится интенсивность воздействия: круглосуточный характер собраний, применение колоколов или громкоговорителей, запахи ладана, проникающие в вентиляцию. Суды применяют конструкцию «превышение допустимого воздействия на окружающее пространство», которая лежит в основе ст. 304 ГК РФ [5, ст. 304]. При этом, как подчёркивает Слесарев С.А., суды обращают внимание на совокупность фактических обстоятельств, а не на единичный факт проведения собрания [1, с. 23]. В судебной практике квалифицирующим признаком злоупотребления становится именно интенсивность воздействия на соседей, а не сам факт богослужения [1, с. 25].

Россия – многоконфессиональное государство, в котором исторически сосуществуют православие, ислам, иудаизм, буддизм и множество других религиозных течений. Богослужебные практики разных конфессий существенно различаются по форме, продолжительности, уровню шума и массовости. Категоричный запрет, не учитывающий этих различий, способен непропорционально затронуть одни религиозные группы и оставить без внимания злоупотребления со стороны других. Безусловно, речь не идёт об ограничении свободы вероисповедания как таковой; авторы инициативы и исследователи исходят из того, что право на свободу совести не должно ставиться под сомнение. Однако свобода вероисповедания заканчивается там, где начинается право другого человека на спокойное проживание, здоровую среду и неприкосновенность жилища. Права жильцов и соседей должны уважаться в равной мере, и разрешение коллизии возможно только через поиск баланса, а не через абсолютный приоритет одной из сторон.

Очевидно, что полный запрет проведения любых коллективных молитв в частных домах означал бы непропорциональное ограничение свободы совести. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что право на свободу вероисповедания не является абсолютным и подлежит ограничениям в той мере, в какой это необходимо для защиты прав других лиц. Однако такие ограничения должны быть соразмерными и не затрагивать само существо права. Аналогичной позиции придерживаются авторы учебников по гражданскому праву, указывая, что при ограничении прав собственника необходимо соблюдать баланс частных и публичных интересов [2, с. 214].

Дополнительным гражданско-правовым ориентиром служат нормы регионального законодательства о тишине. В Москве действует Закон города Москвы от 12.07.2002 № 42 «О соблюдении покоя граждан и тишины в городе Москве» с последующими изменениями. Согласно ему, в ночное время (с 23:00 до 7:00) запрещается совершать действия, нарушающие покой граждан в жилых помещениях, в том числе использование звуковоспроизводящих устройств, крики, пение и иные шумные действия. Проведение богослужения с пением, молитвами вслух и использованием звукоусиливающей аппаратуры в ночные часы автоматически образует состав административного правонарушения, подлежащего рассмотрению административными комиссиями. Кроме того, в дневное время подобные мероприятия могут квалифицироваться как злоупотребление правом, если их интенсивность носит непрерывный или часто повторяющийся характер, делающий проживание соседей невозможным или существенно затруднённым. Таким образом, даже при отсутствии прямого запрета на богослужения в жилье, систематическое нарушение «закона о тишине» даёт соседям действенный инструмент защиты через обращение в полицию и суд. С этой позиции временные ограничения — например, запрет на использование звукоусиления после 22:00 или обязанность обеспечить пожарную безопасность — полностью оправданы. Принудительное же выселение религиозной группы из помещения только на том основании, что их деятельность не вписывается в «стандартное» представление о проживании, должно рассматриваться как крайняя мера, применимая лишь при доказанном и неустранимом нарушении прав соседей. При этом право собственности на жилое помещение не может быть использовано для систематического создания неудобств для соседей, особенно если речь идёт о деятельности, аналогичной по масштабу функционированию приходского храма [3, с. 38].

Согласно законопроекту, ст. 17 ЖК РФ дополняется частью 5 следующего содержания: «Не допускается систематическое проведение в жилых помещениях религиозных обрядов, церемоний, богослужений и иных религиозных мероприятий, если они носят публичный характер и нарушают права и законные интересы граждан, проживающих в данном многоквартирном доме или соседних жилых домах» [6, ст. 17]. Часть 5 ст. 17 ЖК РФ в предлагаемой редакции представляет собой легальное ограничение одного из ключевых правомочий собственника — права пользования жилым помещением. Гражданский кодекс допускает возможность ограничения гражданских прав на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц [5, ст. 209, п. 2]. Формулировка «нарушают права и законные интересы граждан» отсылает к уже существующему критерию, но вводит запрет не в силу факта нарушения, а в силу систематичности и публичности мероприятия.

Одновременно ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» дополняется пунктом 7, согласно которому «помещения, находящиеся в жилищном фонде, не могут использоваться в качестве мест для систематического проведения публичных богослужений и религиозных собраний, за исключением случаев, предусмотренных жилищным законодательством» [7, ст. 16]. Планируется, что нарушение указанных норм будет являться основанием для привлечения собственника жилья к административной ответственности по новой ст. 5.64 КоАП РФ (отдельный законопроект), а также для принудительного выселения в порядке ст. 293 ГК РФ при систематическом нарушении. Термин «публичный характер» не раскрывается ни в ЖК РФ, ни в Федеральном законе «О свободе совести…». В гражданском праве под публичностью обычно понимается обращение к неопределённому кругу лиц. Для религиозного мероприятия публичность зачастую является имманентным свойством: даже семейная молитва при большом количестве приглашённых родственников может быть сочтена публичной. Это создаёт риск произвольного толкования и применения нормы, что противоречит принципу правовой определённости, неоднократно подтверждённому Конституционным Судом РФ [9].

Более соразмерным способом решения проблемы было бы не введение абсолютного запрета, а совершенствование критериев, уже выработанных судебной практикой. В частности, целесообразно:

- закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ перечень объективных признаков, свидетельствующих о неправомерном характере богослужений (регулярность более двух раз в неделю; количество участников, не проживающих в помещении, свыше 10–15 человек; использование стационарной звукоусиливающей аппаратуры; внесение конструктивных изменений для обустройства молельного зала без согласования);

- дополнить ст. 304 ГК РФ правилом о возможности установления судом ограничений по времени и интенсивности проведения религиозных собраний в жилом помещении, учитывая законы о тишине в регионах.

- для малочисленных общин, не имеющих культовых зданий, ввести упрощённый порядок временного перевода части жилого помещения в нежилое при условии получения согласия всех собственников многоквартирного дома, оформляемого решением общего собрания. В данном критерии важно учесть согласие всех соседей о переводе жилого помещения в нежилое.

Эти меры позволили бы учитывать множество различных жизненных ситуаций и избежать излишнего ограничения правомочий собственника, одновременно обеспечив эффективную защиту прав соседей. Как справедливо указывается в практическом пособии по жилищным правам граждан, «любое ограничение пользования жильём должно быть обоснованным и соразмерным, а не носить характер превентивного запрета» [4, с. 156].

Если законопроект будет принят в нынешней редакции, суды столкнутся с рядом сложностей. Придётся вырабатывать критерии «систематичности» и «публичности», что неизбежно приведёт к разнородной практике в разных регионах. Новая норма способна породить волну исков со стороны соседей, которые будут ссылаться на формальный запрет, даже когда реального ущемления их прав нет. Религиозные организации могут начать оспаривать конституционность закона, что затянет окончательное разрешение вопроса на годы.

Вице-спикер Толстой П.О. предлагает внести изменения в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [7, ст. 6] и Жилищный кодекс РФ [6, ст. 17]. При этом, нет как таковой необходимости принятия нового отдельного закона, но есть рациональное предложение о внесении изменений и дополнений в уже существующие законы.

Оптимальным решением видится не запрет как таковой, а законодательное закрепление чётких критериев допустимости, что позволило бы сохранить баланс между свободой вероисповедания, неприкосновенностью жилища и защитой прав соседей

Список литературы:

[1] Слесарев С.А. Злоупотребление правом в жилищных правоотношениях: проблемы квалификации // Жилищное право. – 2024. – № 2. – С. 19–28.

[2] Гражданское право: учебник: в 4 томах / под ред. Е.А. Суханова. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2025. – 508 с.

[3] Козлов М.А. Пределы осуществления права собственности на жилые помещения при проведении религиозных обрядов // Гражданское право. – 2025. – № 1. – С. 35–44.

[4] Корнеева И.Л. Жилищное право Российской Федерации: учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 319 с.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ с посл. изм. и доп. от 08.08.2024 г. № 237-ФЗ // Российская газета от 28.11.2001 г., № 233.

[6] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ с посл. изм. и доп. от 02.05.2026 № 131-ФЗ // Российская газета от 12.01.2005 г., № 1.

[7] Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» с посл. изм. и доп. от 20.02.2026 № 30-ФЗ // Российская газета от 01.10.1997 г., №190.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009.

[9] Проект Федерального закона № 1149587-8 «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации и статью 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»» (внесён 13.02.2026) // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1149587-8 (дата обращения 26.05.2026).

References:

[1] Slesarev S.A. Abuse of Right in Housing Legal Relations: Issues of Legal Classification // Housing Law. – 2024. – No. 2. – pp. 19–28.

[2] Civil Law: Textbook in 4 volumes / ed. by E.A. Sukhanov. Vol. 2: Property Law. Inheritance Law. Intellectual Property Rights. Personal Non-Property Rights. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Statut, 2025. – 508 p.

[3] Kozlov M.A. Limits on the Exercise of Ownership Rights over Residential Premises During the Performance of Religious Rites // Civil Law. – 2025. – No. 1. – pp. 35–44.

[4] Korneeva I.L. Housing Law of the Russian Federation: Textbook for Higher Education Institutions. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt, 2025. – 319 p.

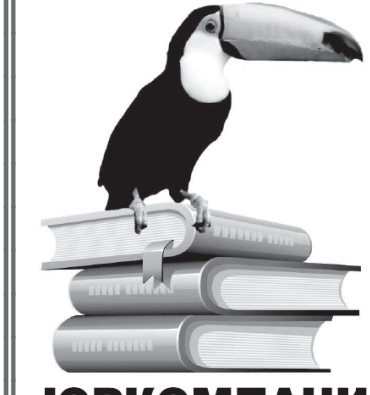
[5] Civil Code of the Russian Federation dated November 26, 2001, No. 146-FZ, as amended and supplemented (most recently by Federal Law No. 237-FZ of August 8, 2024) // Rossiyskaya Gazeta, November 28, 2001, No. 233.

[6] Housing Code of the Russian Federation dated December 29, 2004, No. 188-FZ, as amended and supplemented. dated May 2, 2026, No. 131-FZ // Rossiyskaya Gazeta, January 12, 2005, No. 1.

[7] Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997, «On Freedom of Conscience and Religious Associations,» as amended and supplemented (most recently by Federal Law No. 30-FZ of February 20, 2026) // Rossiyskaya Gazeta, October 1, 1997, No. 190.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 of July 2, 2009, «On Certain Issues Arising in Judicial Practice Regarding the Application of the Housing Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2009.

[9] Draft Federal Law No. 1149587-8 «On Amendments to Article 17 of the Housing Code of the Russian Federation and Article 16 of the Federal Law 'On Freedom of Conscience and Religious Associations'» (submitted on February 13, 2026) // Official website of the State Duma of the Russian Federation. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1149587-8 (accessed May 26, 2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-125-131

СЕРГИЕНКО Екатерина Анатольевна,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
тел.: +7-985-039-48-46,
e-mail: ksergienkooo19@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ

Аннотация. *В статье исследуется экспериментальность как инструмент развития и совершенствования национальной системы правового регулирования выбросов парниковых газов. Автором рассматривается сущность, основные формы и функциональное значение экспериментального правового регулирования применительно к сфере климатической политики. В ходе анализа сущности экспериментальности также выявлены преимущества экспериментального подхода, заключающиеся в преодолении регуляторной неопределенности, предварительной оценке эффективности правовых институтов и минимизации социально-экономических рисков. Особое внимание уделяется российскому опыту экспериментального регулирования, прежде всего Сахалинскому климатическому эксперименту, рассматриваемому в качестве инструмента апробации комплексной модели углеродного регулирования, сочетающей публично-правовые обязанности и финансово-правовые механизмы.*

Ключевые слова: *климатическая политика, углеродное регулирование, экспериментальное правовое регулирование, правовой эксперимент, Сахалинский климатический эксперимент, региональная апробация, углеродный рынок, квотирование выбросов, правовая определенность.*

SERGIENKO Ekaterina Anatolyevna,
Moscow State University, Moscow, Russia

THE USE OF EXPERIMENTAL APPROACHES AS A TOOL FOR DEVELOPING A NATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR GREENHOUSE GAS EMISSION REGULATION

Annotation. *The article explores experimentalism as a tool for developing and improving the national legal framework for greenhouse gas emissions regulation. It examines the nature, main forms and functions of experimental legal regulation in the context of climate policy. The analysis also highlights the key advantages of the experimental approach, including reducing regulatory uncertainty, assessing the effectiveness of legal mechanisms before their wider implementation, and minimising socio-economic risks. Particular attention is paid to Russia's experience with experimental regulation, especially the Sakhalin Climate Experiment, which is examined as a means of testing an integrated carbon regulation model combining public law obligations with financial and legal mechanisms.*

Key words: *climate policy, carbon regulation, experimental legal regulation, legal experiment, the Sakhalin Climate Experiment, regional pilot scheme, carbon market, emissions trading, legal certainty.*

В современных реалиях вопрос экологической безопасности и устойчивости стал достаточно значимым фактором влияния на деятельность множества государств вне зависимости от особенностей их экономического развития. Главным инструментом адаптации национальной экономики к изменениям климата является проведение декарбонизации, подразумевающей переход к «зеленой», экологически ориентированной экономике [1, с. 11]. Основа декарбонизации заключается в снижении объемов выбросов парниковых газов на единицу внутреннего валового продукта (ВВП) государства за счет перехода на возобновляемые источники энергии, низкоуглеродные виды транспорта и др. Для действительной эффективности применения указанных мер необходима развитая и комплексная система углеродного регулирования, сочетающая государственное принуждение и поощрение частной инициативы.

При этом мировое природоохранное сотрудничество по-прежнему опирается преимущественно на метод конвенционного регулирования, в то время как именно степень точности и детализации правовых механизмов пропорционально влияет на их эффективность [2, с. 35]. Хотя модель Парижского соглашения 2015 г. [3] и предусматривает периодическое повышение

амбициозности климатических целей, она не обязывает стран-участниц к придерживаться какой-либо единой и (или) строгой стратегии углеродного регулирования.

Несмотря на то, что начальный этап реализации межнациональной климатической политики выражался в исключительном преобладании норм «мягкого права» (рекомендательного характера), современный уровень развития системы углеродного регулирования развитых государств постепенно приходит к комплексности мер, все в большей степени выходит за пределы декларативных целей и формирует конкретно определенные обязанности для хозяйствующих субъектов.

При этом особенности сочетания национальных механизмов углеродного регулирования дифференцируется в зависимости от уровня экономического развития, а также от доли выбросов, приходящейся на соответствующее государство. Широко применяемыми инструментами являются: ведение кадастров и реестров выбросов, обязательная углеродная отчетность регулируемых организаций, квотирование выбросов и система обращения углеродных единиц (в форме системы торговли квотами и рынка углеродных единиц), добровольные климатические проекты, экономические меры государственной поддержки и иные.

Нередко в системы национального углеродного регулирования встроено и экспериментальное правовое регулирование, выражающееся в реализации пилотных проектов, внедрении поэтапного регулирования, а также «тестового» режима правового механизма или их совокупности. Большинство существующих в мировой практике комплексных и относительно эффективных институтов (торговля квотами, углеродные рынки и др.) были запущены в форме ограниченных, поэтапных, либо пилотных проектов. Так, например, первая фаза системы торговли квотами Европейского союза официально определялась как «пробный период», предшествовавший переходу к обязывающему регулированию в рамках исполнения обязательств Киотского протокола 1997 г. [4].

Экспериментальность как неотъемлемая часть становления национальных систем углеродного регулирования является важным и полезным инструментом в силу особенностей самой сферы охраны окружающей среды. Во-первых, в отличие от «традиционных» отраслей права и направлений деятельности государства, природоохранная политика и климатическое регулирование отличаются динамикой и регуляторной неопределенностью, а также отсутствием достаточной и устоявшейся практики. А потому экспериментальность является эффективным способом преодоления исходной неопределенности при выборе верной стратегии углеродного регулирования применительно к соответствующему государству.

Во-вторых, климатическое регулирование отличается комплексностью, предполагая решение одновременно экономических, экологических и финансово-правовых задач государства, чем и обусловлена необходимость особого внимания к точности и эффективности методов регулирования. В этой связи экспериментальный подход становится особо востребованным, позволяя перед повсеместным введением общеобязательного правила поведения проверить его релевантность в текущих социально-экономических условиях и оценить реальное соотношение целей нововведения и фактических последствий его применения. Таким образом, экспериментальность позволяет преодолеть ограниченность традиционного подхода к правотворчеству, при котором оценка последствий введения нового регулирования опирается преимущественно на метод прогнозов и теоретического моделирования.

Логика экспериментальности соотносится с более широкой концепцией экспериментального управления, сформулированной в западной политико-правовой доктрине применительно к анализу права Европейского союза. В рамках указанной концепции, рамочные цели и задачи устанавливаются централизовано, на уровне наднационального регулирования, тогда как конкретные способы и механизмы достижения поставленных целей и задач определяются на низшем, региональном уровне, с обязательством по периодической отчетности и коллегиальным пересмотром избранной стратегии [5].

Так, концепция экспериментальности в углеродном регулировании представляет собой способ апробации экономических, финансово-правовых и административных механизмов, при котором государство реализует некий правовой конструкт на ограниченной территории и (или) в отношении ограниченного круга регулируемых субъектов для получения релевантных данных об эффективности тестируемого механизма сокращения выбросов парниковых газов и (или) их поглощения путем сбора, учета и анализа получаемых в ходе эксперимента данных, которые в последующем подвергаются корректировке и, в случае успеха, масштабированию (либо, в случае получения неудовлетворительных либо нерелевантных результатов, отмене).

Как было отмечено ранее, применительно к углеродному регулированию экспериментальность в мировой практике проявляется в нескольких смежных и взаимодополняющих, при этом не тождественных формах. В пилотных (региональных) проектах акцент смещен на территориальную и (или) субъектную ограниченность применения и тестирования нововведения; в поэтапном регулировании – на последовательность введения единого, при этом изначально постоянного механизма (то есть, введение по фазам

или этапам), в пробном (тестовом) режиме – на заведомо переходный характер выбранного регулирования, например, от добровольного к принудительному, от выборочного (ограниченного) ко всеобщему и т.д. Вне зависимости от конкретной формы реализации, эксперименты в сфере углеродного регулирования отличаются от иных методов тем, что их правовая конструкция предполагает предварительное получение массива релевантных экспериментальных данных, которые будут достаточными для последующей оценки эффективности и практической применимости тестируемого механизма, а также для выбора наиболее удачного законодательного закрепления и правоприменения.

Следовательно, экспериментальное регулирование позволяет минимизировать экономические издержки и системные ошибки в ходе апробации новой регуляторной методологии, в режиме территориальной ограниченности создавать и тестировать новую институциональную инфраструктуру, постепенно вводить экономическую и административную нагрузку на регулируемые субъекты, снижая сопротивляемость рынка нововведениям. Эксперимент, тем самым, выступает способом снижения ряда регуляторных рисков, особенно существенных при создании принципиально новых правовых институтов.

Однако, наряду с преимуществами использования метода экспериментальности, в процессе его применении содержатся и существенные риски. Ограниченная выборка участников того или иного климатического эксперимента может оказаться непрезентативной для иных регионов и (или) групп регулируемых субъектов. Территориальные и технологические различия в энергобалансе, структуре промышленности, а также потенциале и реальном объеме поглощения изменяют фактическую результативность и действительную стоимость сокращения эмиссии парниковых газов. Кроме того, в ходе проведения эксперимента отдельные регулируемые субъекты могут получать ряд преимуществ, которые не всегда могут быть надлежащим образом учтены при оценке соразмерности и конкурентной нейтральности соответствующего правового эксперимента. В свою очередь, регулятор, ответственный за обеспечение проведения эксперимента и оценку полученных данных, обязан с детальной точностью провести анализ результатов эксперимента для отделения эффекта тестируемого правового регулирования от иных, внешних факторов (колебания рынка, изменение климатических условий, смена методики учета и др.).

Особую роль при использовании экспериментального правового регулирования играет наличие и характер правового обременения, возлагаемого на регулируемые субъекты. Фактическое достижение климатических целей зачастую невозможно без возложения на участников эксперимента ряда юридических обязанностей (приобрести либо погасить углеродные единицы, внести плату за превышение квоты, понести административную ответственность и т.д.). Однако введение элемента принудительности не должно подменять понятия законности, достаточности и определенности регулирования, ведь помимо прочего для хозяйствующих субъектов необходима предсказуемость правил и ограничений. Даже при учете изменчивости и отсутствия достаточного правового опыта в сфере углеродного регулирования, законодателю надлежит особо акцентировать внимание на должном обеспечении правовой определенности апробируемых механизмов, во избежание рисков высокого сопротивления рынка нововведениям, а также неоправданности административных и экономических затрат на проведение соответствующего эксперимента.

Таким образом, правовой климатический эксперимент обладает самостоятельной ценностью и релевантностью полученных результатов лишь при условии обеспечения реально работающего и взаимосвязанного организационного механизма, однозначного и достаточного правового регулирования, а также заранее проработанной методики анализа и оценки полученных результатов.

Важно отметить, что подчеркиваемая практическая полезность экспериментальной формы правового регулирования не означает необходимость ее избыточного применения. Использование эксперимента без достаточной его обоснованности в сложившихся политико-экономических условиях способно привести к тому, что экспериментальность из способа развития правового регулирования превратится в сдерживающий механизм такого развития. Если действующее регулирование существенно отстает от потребностей государства и общественности, а также от уровня развития мировой практики, при этом необходимость незамедлительных изменений очевидна, более предпочтительным кажется принятие полноценного регулирования. Кроме того, отступление от существующего регулирования и (или) введение принципиально нового, без устоявшихся правовых основ, не должно иметь многократное воспроизведение и стать привычным методом правотворчества. Различия в правом регулировании по отношению к регулируемым субъектам и (или) территории должно являться временным и исключительно обоснованным.

Соотношение экспериментального регулирования с международными климатическими соглашениями сводится к тому, что пришедшее на смену Киотскому протоколу Парижское соглашение основано на модели национально определяемых вкладов (NDC) без применения жесткого наднационального принудительного механизма. Государствам-участникам Парижского соглашения предоставляется свобода выбора правовой

формы имплементации достигнутых международным сообществом договоренностей, включая экспериментальную, при этом без прямого противоречия взятым на себя международным климатическим обязательствам. Так, методом экспериментальности была проверена практическая применимость таких зарубежных (региональных) практик, как система торговли квотами на выбросы Европейского союза (EU ETS), региональные пилотные углеродные рынки в Китае (перед запуском национальной ETS [6]), добровольная региональная кооперация для создания региональной ETS в Соединенных Штатах (RGGI) и др. Примеры указанных экспериментов свидетельствуют о том, что мировая практика климатического регулирования постепенно выходит за пределы учета и отчетности. Развитые страны так или иначе обращаются к методу рыночных механизмов в рассматриваемой сфере, вводя ценообразование на углерод либо апробируя такое нововведение.

В свою очередь, современный этап российской системы мер ограничения эмиссии парниковых газов по-прежнему выражен преимущественно в наличии декларативно установленных и обновляемых климатических целей, а также сочетании общефедеральных учетных и ряда проектных механизмов. После принятия положений Парижского соглашения в России было официально заявлено о новой климатической цели – к 2030 г. обеспечить сокращение выбросов парниковых газов до 70% относительно уровня 1990 г. с учетом максимально возможной поглощающей способности лесов и иных экосистем, а также при условии сбалансированного социально-экономического развития государства [7, пп. «а» п. 1]. К 2060 г. планируется достичь углеродной нейтральности («нулевого» объема выбросов парниковых газов за счет равенства выбросов и их поглощения).

При этом Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 г. № 3052-р [8, п. 1 раздела III], прямо предусматривает проведение региональных экспериментов по установлению углеродного регулирования и использование их результатов при выборе мер политики в области технического регулирования, финансовой и налоговой политики. Опыт Российской Федерации в сфере климатических экспериментов представлен следующими точечными экспериментами: эксперимент по развитию системы экологического страхования (1994-1996 гг.), эксперимент по обращению с твердыми коммунальными отходами и крупногабаритным мусором в г. Москве (старт в 2012 г.), эксперимент по квотированию выбросов загрязняющих веществ в 12-ти городских округах (старт в 2019 г.) [9, с. 2]. Указанные эксперименты по большей части были проведены в период становления климатического регулирования, отсутствия достаточности законодательных актов, а также общего понимания направления развития соответствующей сферы.

В настоящий момент специальное законодательство [10] закрепляет следующие институты углеродного регулирования, применение которых должно обеспечить достижение заявленной климатической цели: ведение кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов (учет выбросов), ведение реестра выбросов парниковых газов (ГИС с отчетами о выбросах хозяйствующих субъектов), обязательная углеродная отчетность регулируемых организаций и наличие мер административной ответственности за нарушение порядка ее предоставления, право субъектов частного сектора (физических и юридических лиц, индивидуальных предпринимателей) реализовывать климатические проекты. В режиме правового эксперимента по достижению углеродной нейтральности к концу 2025 г. и анализу полученных результатов к 2028 г. [11], проводящегося в Сахалинской области с 1 сентября 2022 г., введены основы обращения и верификации углеродных единиц, ведение реестра углеродных единиц и совершения операций с ними («торговля квотами на выбросы») – то есть, осуществляется апробирование рыночных механизмов.

Хотя официальное подведение итогов Сахалинского эксперимента будет произведено в 2028 г., на данный момент можно обратиться к промежуточным результатам. В части регуляторного успеха можно отметить тот факт, что с учетом длительности эксперимента, федеральными органами власти не принято решение о его отмене, и процесс отработки всей цепочки углеродных механизмов (методология расчетов, независимая верификация выбросов организаций и биржевые торги углеродными единицами) продолжается. Кроме того, по состоянию на середину 2025 г. Сахалинская область действительно была объявлена первым субъектом Российской Федерации, достигшим углеродной нейтральности – объем поглощения парниковых газов на территории региона превысил объем их выбросов, установленная на конец 2025 г. климатическая цель была достигнута досрочно [12]. Кроме того, по данным национального реестра углеродных единиц, на начало 2026 г. в реестре зарегистрировано 98 климатических проектов, выпущено 36,5 млн углеродных единиц, а совокупный потенциал их выпуска по реализуемым проектам превышает 101,5 млн единиц. Дополнительно оператором реестра зафиксирован выпуск примерно 349 тыс. единиц выполнения квоты за 2025 г., а также рост объема зачетов (фактического использования) компенсирующих активов участниками рынка в 6 раз, за тот же период [13]. Следовательно, углеродный рынок

запущен и апробирован, а практический оборот углеродных единиц продолжает осуществляться.

Так, Сахалинский эксперимент позволяет проверить в российских экономических и правовых условиях действительную эффективность тех механизмов углеродного регулирования, которые в мировой практике становятся основой и оказывают свое влияние на международные экономические отношения. Выбор экспериментальной формы углеродного регулирования на территории отдельно взятого субъекта признается обоснованным – указанный эксперимент вполне уместен при текущем уровне развития системы углеродного регулирования в России, когда существующие инструменты приемлемы с точки зрения их соответствия мировой практике и достижения национальных климатических целей, но требуют дальнейшего развития, при этом с учетом социально-экономической и климатической нестабильности, а также необходимости пересмотра методов международного климатического диалога сохраняется риск «возможного худшего» [14, с. 21].

Помимо прочего, Сахалинский эксперимент заслуживает особого внимания в целях развития национального углеродного регулирования, ведь он способен компенсировать недостаточность и непроработанность ранее проводимых экспериментов, имея также своей целью отработать механизм экспериментальности внутри национальной климатической системы. Общее специальное законодательство об экспериментальном правовом регулировании на данный момент отсутствует, в части нормативных правовых актов, закрепляющих ранее проведенные климатические эксперименты, отсутствуют необходимые элементы правового эксперимента (например, цели проведения эксперимента и показатели их достижения, оценка эффективности закреплялась лишь в форме доклада о результатах). В этой связи федеральный закон, оформляющий проведение Сахалинского эксперимента, отвечает требованиям совершенствования процесса проведения экспериментов – в законе закреплена единая цель эксперимента, задачи и принципы его реализации, предусмотрено утверждение программы эксперимента и мониторинг ее реализации. Указанная характеристика эксперимента отвечает требованиям, которые международная практика предъявляет к экспериментальному законодательству, а именно определенность содержания и пределов эксперимента, его временный характер и закрепление критериев оценки результатов [14, с. 24].

В рамках Сахалинского эксперимента существенностью обладает не только расширение перечня применяемых финансово-правовых и административных механизмов, но и изменение самого метода правового регулирования деятельности хозяйствующих субъектов, а также получение подтверждения эффективности либо необходимости корректировки избранного метода. Так, Сахалинский эксперимент реализуется с целью апробировать комплексную работу системы взаимосвязанных и взаимодополняющих инструментов углеродного регулирования, сочетающих возложение публично-правовых обязанностей, административных контрольных процедур и экономических механизмов, в том числе применяемых впервые. Вне Сахалинской области обязательные требования к сокращению выбросов парниковых газов на уровне хозяйствующих субъектов отсутствуют, а потому предварительная апробация позволяет ограничить масштаб возможных негативных последствий и принять решение общего действия, с опорой на полученный опыт, а не прогностические расчеты и предположения. Данный эксперимент должен стать опорным примером перехода от преимущественно информационно-учетного характера мер углеродного регулирования к установлению юридически обязательных и индивидуально-определенных ограничений для регулируемых организаций.

Опыт Сахалинского эксперимента может также стать показательным примером необходимости гибкой региональной климатической политики. Хотя территория Сахалинской области и представляет собой территорию экспериментальной площадки, на которой параллельно сравниваются действующая и предлагаемая модели национального углеродного регулирования, ее уровень экономического развития и структура производства отличается от каждого отдельно взятого региона Российской Федерации. Положительные показатели на территории одного субъекта не могут служить основанием для немедленной унификации опыта иных субъектов, в силу чего полученный результат должен служить основанием для разработки вариативных моделей углеродного регулирования. Наличие общей климатической цели по региону и единой модели сочетания рыночных механизмов и властного принуждения в виде обязательных требований не противоречит методу дифференциации числового выражения возлагаемых требований для регулируемых субъектов в зависимости от необходимых для них условий экономической деятельности. Перед администраторами Сахалинского эксперимента в ходе анализа его результатов должна встать задача по адаптации полученного опыта к практике иных регионов, ведь климатическая политика не должна усиливать социально-экономическое неравенство субъектов федерации [15, с. 191-192].

Как было отмечено ранее, экспериментальность в сфере углеродного регулирования выполняет функцию управления неопределенностью. При этом самостоятельная ценность экспериментальности заключается не только в минимизации потенциальных регуляторных и экономических рисков, но и в формировании ин-

формационной и институциональной основы для дальнейшего совершенствования законодательства.

Анализ международного опыта свидетельствует о значительной роли экспериментальных подходов в становлении современных систем углеродного регулирования. В рамках же российской модели углеродного регулирования экспериментальность позволяет оценить перспективы перехода от информационно-учетной модели к модели юридически обязательных и индивидуально-определенных ограничений в сочетании с финансово-правовыми инструментами. В настоящий момент российская климатическая политика находится именно в том состоянии, когда проведение регионального эксперимента отвечает сформированному убеждению о том, что пересмотр и международноориентированная унификация мер углеродного регулирования даст относительно положительный, а возможно и прорывной эффект.

В сложившихся условиях Сахалинский эксперимент выступает практически значимым примером применения экспериментальности для проверки комплексной модели регулирования. Предмет эксперимента и поставленные перед ним вопросы не являются произвольными либо декларативными, без практической и регионально ограниченной апробации крайне сложно оценить необходимость новейшей для углеродного регулирования практики рыночного механизма. Так, до фактического получения полного массива данных по итогам эксперимента отсутствуют основания для введения принципиально новой модели углеродного регулирования.

Вместе с тем установлено, что территориальная ограниченность экспериментального регулирования одновременно определяет как его преимущества, так и пределы использования полученных результатов. В связи с этим представляется, что последующее использование результатов Сахалинского эксперимента должно основываться на разграничении универсальных элементов углеродного регулирования, допускающих единообразное федеральное закрепление, и вариативных механизмов, параметры необходимость и условия которых должны определяться с учетом региональных и отраслевых особенностей.

Результативность же правового эксперимента не должна отождествляться исключительно с достижением установленных климатических показателей – надлежит разграничивать экологическую и правовую результативность экспериментального регулирования. Кроме того, результаты эксперимента не обязательно должны являться исключительно положительными – получение результатов, свидетельствующих о недостаточной эффективности первоначально избранной модели регулирования также может иметь самостоятельную ценность, если позволяет выявить недостатки нормативных решений и определить направления их совершенствования.

Таким образом, основное значение экспериментальности для развития национальной системы правового регулирования выбросов парниковых газов заключается в обеспечении последовательного перехода от нормативного моделирования новых правовых институтов к их практической апробации, объективной оценке и последующему закреплению в системе постоянно действующего законодательства. Российский опыт Сахалинского эксперимента демонстрирует потенциал подобного подхода в условиях формирования национальной климатической политики и позволяет рассматривать региональную апробацию как один из инструментов совершенствования действующих механизмов углеродного регулирования, а также введения новых. Представляется, что дальнейшее развитие российской системы ограничения выбросов парниковых газов должно основываться на последовательной адаптации существующей международной практики, ее проверке и оценке применительно к национальным условиям. В таком понимании экспериментальность выступает связующим элементом между разработкой государственных климатических целей и формированием реально действующих правовых механизмов их достижения.

Список литературы:

[1] Кичигин Н.В., Хлуденева Н.И. Правовые механизмы углеродного регулирования в Российской Федерации // Экологическое право. 2022. № 3. С. 10-16.

[2] Международное экологическое право: Учебник / Отв. ред. Р.М. Валеев. Москва: Статут, 2012. 639 с.

[3] Парижское соглашение от 12 декабря 2015 г. (Соглашение вступило в силу для Российской Федерации 6 ноября 2019 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 13.09.2026).

[4] Development of EU ETS (2005-2020) // European Commission. Climate Action. URL: https://climate.ec.europa.eu/areas-action/carbon-markets/eu-emissions-trading-system-eu-ets/development-eu-ets-2005-2020_en (дата обращения: 13.09.2026).

[5] Sabel C.F., Zeitlin J. Learning from Difference: The New Architecture of Experimentalist Governance in the European Union // European Law Journal. 2008. Vol. 14. No. 3. P. 271-327.

[6] From Pilot to the National Emissions Trading Scheme in China: International Practice and Domestic Experiences // Sustainability. 2016. Vol. 8. No. 6. Art. 522.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ от 09.11.2020 № 45, ст. 7095.

[8] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СЗ РФ, 2021 № 45, ст. 7556.

[9] Санченко И.Д. Современные тенденции использования правовых экспериментов в сфере защиты окружающей среды // Безопасность бизнеса. 2023. № 2. С. 39-42.

[10] Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ 2021 № 27, ч. 1, ст. 5124.

[11] Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ от 07.03.2022 № 10, ст. 1391.

[12] Сахалинский эксперимент достиг цели // Независимая газета. 2025. 5 авг. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-08-05/100_111405082025.html. https://www.eastrussia.ru/news/itogi-klimaticheskogo-eksperimenta-sakhalina-obsudili-na-forume-ostrova-ustoychivogo-razvitiya/ (дата обращения: 13.09.2026).

[13] Итоги климатического эксперимента Сахалина обсудили на форуме «Острова устойчивого развития» // EastRussia. URL: https://www.eastrussia.ru/news/itogi-klimaticheskogo-eksperimenta-sakhalina-obsudili-na-forume-ostrova-ustoychivogo-razvitiya/ (дата обращения: 13.09.2026).

[14] Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15-30.

[15] Львова Н.А. Региональные климатические эксперименты в РФ: финансовые условия и способы их дифференциации // Санкт-Петербургский государственный университет. С. 191-194.

References:

[1] Kichigin N.V., Khludeneva N.I. Legal Mechanisms for Carbon Regulation in the Russian Federation // Environmental Law. 2022. No. 3. pp. 10–16.

[2] International Environmental Law: Textbook / Ed. by R.M. Valeev. Moscow: Statut, 2012. 639 p.

[3] Paris Agreement of December 12, 2015 (entered into force for the Russian Federation on November 6, 2019) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru (accessed: 13.09.2026).

[4] Development of EU ETS (2005–2020) // European Commission. Climate Action. URL: https://climate.ec.europa.eu/areas-action/carbon-markets/eu-emissions-trading-system-eu-ets/development-eu-ets-2005-2020_en (accessed: 13.09.2026).

[5] Sabel C.F., Zeitlin J. Learning from Difference: The New Architecture of Experimentalist Governance in the European Union // European Law Journal. 2008. Vol. 14. No. 3. pp. 271–327.

[6] From Pilot to the National Emissions Trading Scheme in China: International Practice and Domestic Experiences // Sustainability. 2016. Vol. 8. No. 6. Art. 522.

[7] Decree of the President of the Russian Federation dated November 4, 2020, No. 666 “On the Reduction of Greenhouse Gas Emissions” // Collected Legislation of the Russian Federation, November 9, 2020, No. 45, Art. 7095.

[8] Order of the Government of the Russian Federation dated October 29, 2021, No. 3052-r “On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions until 2050” // Collected Legislation of the Russian Federation, 2021, No. 45, Art. 7556.

[9] Sanchenko I.D. Modern Trends in the Use of Legal Experiments in the Field of Environmental Protection // Business Security. 2023. No. 2. pp. 39–42.

[10] Federal Law dated July 2, 2021, No. 296-FZ “On Limiting Greenhouse Gas Emissions” // Collected Legislation of the Russian Federation, 2021, No. 27, Part 1, Art. 5124.

[11] Federal Law dated March 6, 2022, No. 34-FZ “On Conducting an Experiment to Limit Greenhouse Gas Emissions in Certain Constituent Entities of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation, March 7, 2022, No. 10, Art. 1391.

[12] The Sakhalin Experiment Has Achieved Its Goal // Nezavisimaya Gazeta. August 5, 2025. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-08-05/100_111405082025.html. https://www.eastrussia.ru/news/itogi-klimaticheskogo-eksperimenta-sakhalina-obsudili-na-forume-ostrova-ustoychivogo-razvitiya/ (accessed: September 13, 2026).

[13] Results of the Sakhalin climate experiment discussed at the «Islands of Sustainable Development» forum // EastRussia. URL: https://www.eastrussia.ru/news/itogi-klimaticheskogo-eksperimenta-sakhalina-obsudili-na-forume-ostrova-ustoychivogo-razvitiya/ (accessed: 13.09.2026).

[14] Sivitsky V.A., Sorokin M.Yu. Legal experiment and the development of law // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 4. pp. 15–30.

[15] Lvova N.A. Regional climate experiments in the Russian Federation: financial conditions and methods for their differentiation // Saint Petersburg State University. pp. 191–194.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-132-135

ПОЛЯНСКИЙ С.В.,
Тольяттинский государственный университет,
Тольятти, Россия,
тел.: +7-999-171-91-04,
e-mail: polyanski064@yandex.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЩЕУГОЛОВНОГО МОШЕННИЧЕСТВА: КРИТЕРИИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье сопоставляются признаки общеуголовного мошенничества (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ) и его специального состава, связанного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ). Показано, что базовые криминообразующие признаки хищения — противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества, обман или злоупотребление доверием, прямой умысел на завладение — сохраняются и в специальном составе, но приобретают дополнительную специфику: субъектный состав, сферу совершения деяния и особый механизм причинения ущерба через договорную конструкцию. На основе анализа позиций Верховного Суда РФ и материалов судебной практики выделены три проблемных узла: критерий реальной предпринимательской деятельности, разграничение предпринимательского риска и умысла на хищение, квалификация действий с использованием фиктивных юридических лиц. Обосновывается предложение о необходимости дальнейшей конкретизации разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.*

Ключевые слова: *мошенничество, предпринимательская деятельность, общеуголовное мошенничество, критерии хищения, преднамеренное неисполнение обязательств, предпринимательский риск, фиктивное юридическое лицо, квалификация преступлений.*

POLYANSKIY S.V.,
Togliatti State University,
Togliatti, Russia

DISTINGUISHING BETWEEN FRAUD IN BUSINESS ACTIVITIES AND GENERAL CRIMINAL FRAUD: CRITERIA AND CHALLENGES IN LEGAL CLASSIFICATION

Annotation. *The article compares the features of general criminal fraud (parts 1–4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and its special composition related to deliberate non-fulfillment of contractual obligations in the sphere of entrepreneurial activity (parts 5–7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is shown that the basic criminogenic features of embezzlement — illegal gratuitous seizure of another's property, deception or abuse of trust, direct intent to take possession — are preserved in the special composition, but acquire additional specificity: subject composition, sphere of commission of the act and a special mechanism of causing damage through a contractual structure. Based on the analysis of the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and materials of judicial practice, three problematic nodes are identified: the criterion of real entrepreneurial activity, the distinction between entrepreneurial risk and intent to embezzle, qualification of actions using fictitious legal entities. The proposal on the need for further concretization of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is substantiated.*

Key words: *fraud, entrepreneurial activity, general criminal fraud, criteria of embezzlement, deliberate non-fulfillment of obligations, entrepreneurial risk, fictitious legal entity, qualification of crimes.*

Специальный состав мошенничества, связанного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, был введён первоначально как ст. 159.4 УК РФ, а после её признания Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции — в 2016 г. перемещён в ч. 5–7 ст. 159 УК РФ [3]. Цель дифференциации очевидна: учесть рисковый характер бизнеса, оградить добросовестных предпринимателей от уголовного преследования за обычные договорные срывы и одновременно не допустить ухода от ответственности под видом гражданско-правовой сделки [6]. Однако дифференциация породи-

ла обратную проблему. Санкции по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ заметно мягче, чем по общим положениям о мошенничестве, а криминообразующие пороги крупного и особо крупного ущерба существенно выше — 4,5 млн и 18 млн рублей соответственно. В результате ошибка в квалификации означает не просто неточность в юридической оценке, а принципиально разный объём уголовной репрессии. Именно поэтому вопрос о критериях разграничения двух составов остаётся одним из наиболее дискуссионных в доктрине и правоприменении [1]. Замечание руководителя о необходимости рассмотреть критерии общеуголовного мошенничества и соотнести их с особенностями предпринимательского мошенничества представляется методологически верным: разграничение невозможно без предварительного ответа на вопрос, что именно в специальном составе сохраняется от общего, а что — изменяется. Целью настоящей работы является сопоставление указанных критериев и выработка предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Легальное определение мошенничества (ч. 1 ст. 159 УК РФ) включает противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, общеуголовное мошенничество конструируется вокруг механизма хищения через обман: потерпевший передаёт имущество под влиянием заблуждения, а виновный изначально не намерен предоставлять встречное исполнение. Специальный состав не отменяет этот механизм, а лишь указывает, в какой сфере и при каком субъектном составе он реализуется.

Согласно примечанию 2 к ст. 159 УК РФ и п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ, специальной нормы. Именно эти два дополнительных признака и порождают основные практические трудности.

Суды последовательно указывают, что квалификация по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ возможна лишь тогда, когда мошенничество совершено в процессе реальной, законной предпринимательской деятельности, а не под её видом [1]. Если лицо лишь формально обладает статусом предпринимателя, используя его исключительно как инструмент для завладения чужим имуществом, специальный состав не применяется — содеянное квалифицируется по общим положениям ст. 159 УК РФ. Однако содержание категории «реальная предпринимательская деятельность» остаётся недостаточно определённым. В практике встречаются два подхода. Первый — формальный: суд ограничивается констатацией наличия у лица статуса индивидуального предпринимателя или руководителя организации. Второй — содержательный: требуется доказать, что деятельность носила системный характер, была направлена на извлечение прибыли и соответствовала признакам, закреплённым в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Представляется, что второй подход является более обоснованным. Показательно, что при решении вопроса об отграничении необходимо качественно сопоставлять сферу, в которой фактически осуществлялась хозяйственная деятельность лица, и сферу, в которой ему вменяется мошенничество [4]. Если, например, предприниматель занимался оказанием юридических услуг, а хищение совершил под видом договоров займа, не связанных с его основной деятельностью, квалификация по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ исключена.

Предпринимательская деятельность по своей природе рискова. Неисполнение договорного обязательства может быть вызвано объективными экономическими причинами — изменением конъюнктуры, недобросовестностью контрагентов, ошибками в планировании. В доктрине справедливо отмечается, что риск, даже если он привёл к неисполнению обязательств, не может отождествляться с преступным умыслом [7]. Ключевой критерий разграничения — момент возникновения умысла на неисполнение договорного обязательства. Умысел, направленный на хищение.

Отдельный узел проблем — квалификация действий лиц, использующих фиктивно образованные юридические лица или фиктивно зарегистрированных индивидуальных предпринимателей. Согласно разъяснениям, нельзя квалифицировать по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ случаи мошенничества в процессе деятельности фиктивно образованного юридического лица [4]. В таких ситуациях содеянное подлежит квалификации по общим положениям ст. 159 УК РФ, а при наличии признаков — по совокупности со ст. 173.1 УК РФ. Этот подход логичен: если организация создана не для осуществления реальной хозяйственной деятельности, а как подготовительный этап к совершению преступлений, предпринимательская деятельность как таковая отсутствует. Однако на практике суды не всегда последовательны. Встречаются решения, где формальное наличие статуса индивидуального предпринимателя или директора организации воспринимается как достаточное основание для применения специальной нормы, без исследования вопроса о том, осуществлялась ли деятельность реально. Такая фетишизация формального статуса приводит к необоснованному смягчению ответственности [2].

Дополнительный аспект проблемы связан с соотношением предпринимательского мошенничества и смежного состава причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ). В отличие от мошенничества, при причинении имущественного ущерба отсутствует признак хищения: виновный не изымает имущество, а лишает потерпевшего возможности получить ожидаемое. Если лицо, обладающее статусом предпринимателя,

путём обмана уклоняется от исполнения договорного обязательства, но при этом не завладевает имуществом потерпевшего, а лишь причиняет ему убытки, содеянное может квалифицироваться по ст. 165 УК РФ. Судебная практика исходит из того, что при разграничении необходимо устанавливать, была ли направленность умысла на безвозмездное изъятие имущества или на причинение ущерба без такового [5]. Это разграничение имеет значение и для специального состава: если предприниматель, получив предоплату, не исполняет обязательство и не возвращает средства, но при этом не имел умысла на хищение, а действовал в условиях риска, возможна квалификация по ст. 165 УК РФ либо отсутствие состава преступления. Таким образом, специальный состав мошенничества не поглощает все случаи недобросовестного поведения в предпринимательской сфере, а требует тщательного установления направленности умысла.

Кроме того, требует уточнения вопрос о том, как оценивать «реальность» предпринимательской деятельности при отсутствии прибыли или при убыточности бизнеса. Формальный подход, при котором наличие статуса индивидуального предпринимателя автоматически влечёт применение ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, противоречит смыслу специального состава: предпринимательская деятельность может быть убыточной, но это не превращает её в фиктивную. Содержательный подход, напротив, позволяет учитывать объективные экономические условия и не вменять предпринимателю преступление за добросовестное, хотя и неудачное ведение бизнеса. Представляется, что при оценке реальности деятельности следует ориентироваться на совокупность признаков: наличие фактических хозяйственных операций, использование ресурсов, исполнение иных обязательств, отсутствие признаков создания организации исключительно для совершения преступления. Такой подход согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, указавшего на необходимость отграничения преступного поведения от правомерной предпринимательской деятельности [3].

Сопоставление критериев позволяет выстроить следующую картину. Механизм хищения в обоих составах совпадает. Сфера совершения в предпринимательском мошенничестве ограничена отношениями между субъектами предпринимательской деятельности. Субъект в специальном составе особый — индивидуальный предприниматель или член органа управления коммерческой организации. Способ в предпринимательском мошенничестве сопряжён с умышленным неисполнением договорного обязательства. Пороги крупного и особо крупного ущерба для специального состава существенно выше. При этом критерий момента возникновения умысла остаётся единым для обоих составов. Как видно, специальный состав не создаёт нового механизма хищения — он сужает сферу применения общего состава за счёт дополнительных признаков. Это означает, что при сомнении в наличии хотя бы одного из дополнительных признаков должна применяться общая норма. Такой подход соответствует и позиции Конституционного Суда РФ, указавшего, что специальные составы применяются только при наличии признаков хищения, умышленного неисполнения договорных обязательств исключительно в сфере предпринимательства и специального субъекта [3].

Проведённое сопоставление позволяет сформулировать несколько выводов. Разграничение общеуголовного и предпринимательского мошенничества не может строиться на противопоставлении «хищение — не хищение». Оба состава предполагают хищение путём обмана. Различие лежит в дополнительных признаках: сфере совершения, субъектном составе и связи деяния с договорным обязательством. Ошибка в квалификации возникает тогда, когда правоприменитель либо преувеличивает значение формального статуса, либо, напротив, игнорирует содержательные критерии реальной деятельности.

Категория «реальная предпринимательская деятельность» нуждается в законодательной или разъяснительной конкретизации. Представляется целесообразным дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 указанием на признаки, исключающие фиктивный характер деятельности: наличие операционной деятельности до заключения спорного договора, фактическое исполнение иных обязательств, наличие ресурсов (персонал, основные средства, лицензии), систематичность хозяйственных операций.

Критерий момента возникновения умысла также требует дальнейшей конкретизации. Наконец, заслуживает обсуждения предложение об унификации порогов крупного и особо крупного ущерба для ч. 5–7 ст. 159 УК РФ и иных специальных составов мошенничества. Существующий разрыв в порогах создаёт стимулы к искусственной подгонке деяния под предпринимательскую сферу, что подрывает принцип справедливости.

Список литературы:

[1] Князьков А.А. Как разграничить общеуголовное и предпринимательское мошенничество: анализ судебной практики // Уголовный процесс. 2026. № 3. С. 3–18.

[2] Конституционный Суд РФ не нашёл правовой неопределённости в критериях мошенничества в предпринимательской сфере // Уголовный процесс. 2025. 15 июля. URL: https://www.ugpr.ru/news/8901-ks-ne-nashel-pravovoy-neopredelennosti-v-kriteriyah-moshennichestva-v-predprinimatelskoy (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере

экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. В 2 ч. Ч. 1. М.: Юрлитинформ, 2015. 335 с.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Ткачев И.О. Спорные вопросы уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 10–22.

[6] Эриашвили Н.Д., Луценко Е.П. Предпринимательский риск или мошенничество // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 167–171.

[7] Яни П.С. Вопросы квалификации мошеннического обмана суда // Законность. 2024. № 1, 2. С. 38–45.

References:

[1] Knyazkov A.A. How to Distinguish Between General Criminal Fraud and Fraud in the Sphere of Entrepreneurial Activity: An Analysis of Judicial Practice // Criminal Procedure (Ugolovny protsess). 2026. No. 3. pp. 3–18.

[2] The Constitutional Court of the Russian Federation Finds No Legal Uncertainty in the Criteria for Fraud in the Sphere of Entrepreneurial Activity // Criminal Procedure (Ugolovny protsess). July 15, 2025. URL: https://www.ugpr.ru/news/8901-ks-ne-nashel-pravovoy-neopredelennosti-v-kriteriyah-moshennichestva-v-predprinimatelskoy (accessed: September 17, 2026).

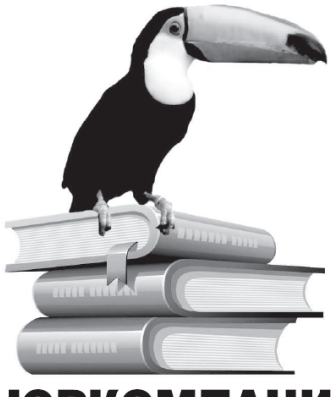
[3] Lopashenko N.A. Crimes in the Sphere of Economic Activity: Theoretical and Applied Analysis. In 2 parts. Part 1. Moscow: Yurlitinform, 2015. 335 p.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated November 30, 2017, «On Judicial Practice in Cases Involving Fraud, Misappropriation, and Embezzlement» (as amended on December 15, 2022) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (accessed: September 17, 2026).

[5] Tkachev I.O. Controversial Issues Regarding Criminal Liability for Fraud in the Sphere of Entrepreneurial Activity // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2018. No. 3 (45). pp. 10–22.

[6] Eriashvili N.D., Lutsenko E.P. Entrepreneurial Risk or Fraud // Public Service and Personnel. 2024. No. 2. pp. 167–171.

[7] Yani P.S. Issues Regarding the Legal Classification of Deception of a Court Constituting Fraud // Legality (Zakonnost). 2024. Nos. 1, 2. pp. 38–45.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-136-140

СЕРГЕЕВА Вера Владиславовна,
студент высшей школы теории права и частного права,
Тихоокеанский государственный университет имени М.П. Даниловского,
e-mail: 2023102887@togudv.ru

Научный руководитель:
КОВАЛЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
доцент высшей школы теории права и частного права,
Тихоокеанский государственный университет имени М.П. Даниловского,
e-mail: 013052@togudv.ru

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье исследованы правовые и организационно-экономические условия развития промышленного туризма на Дальнем Востоке России. Анализируются общероссийские показатели за 2021–2025 гг. и пример космодрома Восточный. Выявлены ключевые барьеры: затраты на безопасность, удалённость объектов, ограниченный доступ и недостаток сопоставимой статистики. Предложены меры по развитию межрегиональных маршрутов, унификации организационных решений и поддержке малого и среднего бизнеса.*

Ключевые слова: *промышленный туризм, предпринимательское право, Дальний Восток, туристская деятельность, космодром Восточный, малый и средний бизнес.*

SERGEYEVA Vera Vladislavovna,
student of the Higher School of Theory of Law and Private Law,
Pacific National University named after M.P. Danilovsky

Academic Supervisor:
KOVALENKO Elena Gennad'evna,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the
Higher School of Theory of Law and Private Law,
Pacific National University

DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL TOURISM IN THE RUSSIAN FAR EAST

Annotation. *The article examines legal and organizational conditions for industrial tourism in the Russian Far East. It reviews national indicators for 2021–2025 and the Vostochny Cosmodrome example. Key barriers include safety costs, distance, restricted access and insufficient comparable statistics. Measures are proposed to develop interregional routes, standardize organizational practices and support small and medium-sized businesses.*

Key words: *industrial tourism, business law, Russian Far East, tourism activities, Vostochny Cosmodrome, small and medium-sized enterprises.*

Под промышленным туризмом в настоящей работе понимается посещение действующих предприятий, технологических комплексов, научных центров и объектов индустриального наследия с познавательными или профессионально-ориентированными целями. Он позволяет предприятиям получать дополнительный доход, укреплять репутацию и знакомить молодёжь с производственными профессиями, а территории – расширять туристское предложение.

Для Дальнего Востока направление особенно перспективно благодаря развитию энергетики, добывающей и перерабатывающей промышленности, судостроения, транспортной и космиче-

ской отраслей. Однако большие расстояния и высокая стоимость перевозок затрудняют формирование маршрутов. Поэтому промышленный туризм требует согласования коммерческих интересов, доступности услуг и безопасности производств.

Цель статьи – выявить правовые и организационно-экономические условия развития промышленного туризма на Дальнем Востоке России и определить меры по преодолению основных барьеров. Для достижения этой цели рассматриваются правовые модели организации промышленных экскурсий, анализируются открытые сведения о посещаемости предприятий, выявляются ограничения доступа и формулируются предложения по взаимодействию участников маршрутов.

Используются формально-юридический анализ нормативных правовых актов, обобщение открытых статистических и информационных материалов, а также рассмотрение космодрома Восточный как регионального примера. Общероссийские показатели сопоставляются с данными об отдельном объекте с учётом различий в охвате и методиках учёта. Такое сопоставление позволяет определить направления развития, но не даёт оснований оценивать весь промышленный туристский поток Дальнего Востока.

Важно отметить, что отдельного универсального определения промышленного туризма в Федеральном законе от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (Далее Закон № 132-ФЗ) нет [1]. Его правовой режим складывается из норм туристского, гражданского, потребительского и отраслевого законодательства. Конкретная модель зависит от того, кто организует экскурсию и какие услуги получает посетитель.

Экскурсию может проводить само предприятие либо туроператор или специализированная организация. Если клиенту предлагается туристский продукт в понимании Закона № 132-ФЗ, необходимо соблюдать требования к соответствующей деятельности и договорному оформлению. При продаже отдельной экскурсии правовая квалификация определяется фактическим составом услуги, а не её названием. Следовательно, до запуска программы организатору важно определить её правовую модель.

Модель определяется по фактическому составу услуги, например, если организатор единовременно предоставляет размещение и хотя бы одну дополнительную услугу (перевозку, услуги гида-экскурсовода и т.п.) за общую цену, это туристский продукт со всеми требованиями законодательства о туроператорской деятельности. Если же продаётся только экскурсия без размещения либо размещение и экскурсия предлагаются отелем своим постояльцам, это самостоятельная услуга, и достаточно соблюдать требования к деятельности экскурсоводов и договорному оформлению конкретной услуги.

Выбор правовой модели должен учитывать и общие стратегические ориентиры развития туристской отрасли. Они определены распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [3]. Предусмотренные документом направления развития туризма имеют значение для промышленного туризма, поскольку создание новых туристских продуктов и развитие туристской инфраструктуры могут способствовать включению промышленных предприятий в региональные маршруты.

Насколько эти ориентиры реализуются на практике, позволяют судить общероссийские показатели, которые свидетельствуют о росте интереса к промышленным экскурсиям. По данным Агентства стратегических инициатив (Далее АСИ), в 2023 году число посетителей предприятий достигло примерно 1,5 млн. человек; в 2024 году в мероприятиях участвовали более 2 млн. человек, а программа «Открытая промышленность» охватила 82 региона [5, 6, 8]. Эти данные показывают расширение практики, но могут рассчитываться по методикам, отличающимся от официальной статистики туризма.

На Дальнем Востоке наиболее наглядным примером является Космодром «Восточный» в Амурской области. По сведениям АСИ, его посетили около 3,2 тыс. туристов в 2022 году и почти 10 тыс. в 2024 году [7]. Рост примерно втрое показывает, что сложный технологический объект может стать самостоятельной точкой притяжения при условии организованного доступа и содержательной экскурсионной программы.

Общий внутренний туристский поток характеризует потенциальную аудиторию, но не количество промышленных экскурсантов. Росстат сообщал, что за январь–август 2025 года в России было совершено более 61,7 млн. внутренних туристских поездок – на 5,4% больше, чем за аналогичный период 2024 года [4]. Чтобы этот спрос стал спросом на промышленные экскурсии, необходимы удобное расписание, доступная цена, транспорт и продвижение.

Схема 1. Основные показатели и этапы развития промышленного туризма в 2021–2025 гг.

Региональные возможности различаются по отраслевой структуре. В Амурской области перспективны космическая отрасль, энергетика и переработка; в Хабаровском крае – судостроение, авиационная, железнодорожная и речная инфраструктура; в Приморье – порты, судоремонт и рыбопереработка. На Сахалине и Камчатке маршруты могут опираться на энергетику и добывающие производства. В каждом случае содержание программы определяется режимом объекта и допустимым уровнем доступа. Поскольку режим объекта и уровень доступа напрямую влияют на условия посещения, эти особенности должны быть закреплены в договоре.

Договорная модель должна отражать состав и стоимость услуги, длительность экскурсии, порядок оплаты и возврата средств, требования к одежде и документам, а также действия при отмене посещения по производственным причинам. При оказании услуги гражданину для личных нужд применяются нормы законодательства о защите прав потребителей в соответствующей части. Чёткие условия договора особенно важны из-за возможных ограничений доступа.

Эти ограничения прежде всего связаны с обеспечением безопасности. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» устанавливает требования к предупреждению аварий и защите людей [2]. Он не регулирует экскурсии как отдельный вид деятельности, однако опасные факторы объекта определяют возможность и условия допуска. Предприятие должно оценить риски, утвердить маршрут, провести инструктаж и обеспечить сопровождение; экскурсия не оправдывает отступление от требований безопасности.

Дополнительно могут действовать правила охраны труда, пожарной безопасности, санитарные требования, антитеррористические ограничения и режим коммерческой тайны. Поэтому посещения иногда требуют предварительного согласования списка гостей, проверки документов, применения средств защиты или запрета съёмки. Соблюдение этих требований и само устройство промышленных площадок порождают проблемы развития, которые взаимосвязаны.

Во-первых, расходы на оборудование безопасного маршрута и подготовку сопровождающих особенно чувствительны для малого бизнеса.

Во-вторых, удалённость предприятий увеличивает стоимость поездки и требует объединять экскурсию с музеями, городскими объектами и другими площадками.

В-третьих, производственные графики, погода и режимные мероприятия создают риск переноса посещений. Эти факторы необходимо учитывать при проектировании продукта и закреплять в договоре порядок уведомления, возврата оплаты или замены программы.

Отдельное препятствие – слабая координация участников и отсутствие сопоставимой статистики. Предприятие оценивает безопасность и репутацию, туроператор – спрос и рентабельность, образовательная организация – профориентационный результат, регион – экономический эффект. Без общего календаря и единого набора показателей трудно оценить эффективность маршрутов. Дополнительный риск связан с тем, что экскурсия может оказаться лишь рекламной презентацией вместо содержательного рассказа.

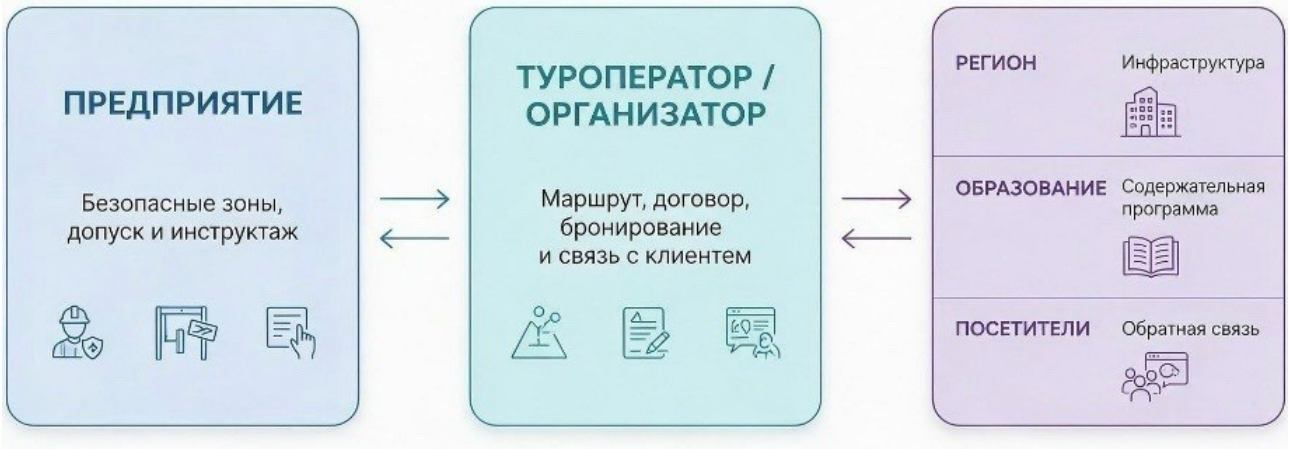
Для преодоления этих барьеров целесообразно создать межрегиональную сеть промышленного туризма Дальнего Востока с участием предприятий, туроператоров, образовательных организаций, музеев и органов власти. Её задача не подменять коммерческую деятельность, а согласовывать маршруты, обмениваться практиками, готовить кадры и совместно продвигать региональные продукты. Такая координация позволит снизить организационные издержки и перейти к конкретным мерам поддержки.

В первую очередь следует подготовить типовой договор и краткий чек-лист допуска посетителей: состав услуги, условия оплаты и отмены, правила поведения, требования к одежде, ограничения съёмки и контакты ответственных лиц. Для предприятий это сократит повторяющуюся организационную работу, но не заменит индивидуальную правовую проверку объекта.

Вторым шагом станет внедрение регионального стандарта качества, включающего минимальные элементы экскурсии: утверждённый маршрут, подготовленный сопровождающий, инструктаж, план действий при чрезвычайной ситуации и обратная связь. Для небольших предприятий оправдана адресная поддержка расходов на разработку сценария, обучение сотрудников и оборудование безопасной обзорной зоны. Поддержку следует оценивать по числу состоявшихся экскурсий, удовлетворённости посетителей и деятельности ведомств, заинтересованных в развитии направления, прежде всего Министерства образования и науки, Министерства труда и социального развития и Федеральное агентство по делам молодежи [9].

Наконец, нужно развивать комбинированные межрегиональные маршруты и улучшить учёт. Посещение предприятия можно объединять с городской исторической экскурсией, музеем или научно-технической программой. В статистике важно отдельно фиксировать заявки, фактические посещения, выручку, долю школьных и студенческих групп и отмены по причинам безопасности или сезонности. Такой подход позволит сравнивать результаты и корректировать меры поддержки. В схеме ниже показано, за что отвечает каждый участник промышленного туристского продукта.

Схема 2. Взаимодействие участников промышленного туристского продукта

Устойчивый маршрут возникает при распределении функций: предприятие отвечает за безопасный доступ, организатор за договор и логистику, регион за инфраструктуру и продвижение, образовательные участники за содержание, а посетители дают обратную связь.

Поэтому приоритетными мерами должны стать межрегиональная сеть маршрутов, типовые договорные решения, добровольный стандарт качества, адресная поддержка небольших предприятий и отдельный учёт промышленных посещений. Их применение позволит согласовать интересы бизнеса с задачами регионального развития и подготовки кадров.

Таким образом, промышленный туризм на Дальнем Востоке имеет реальные перспективы, но его развитие зависит не столько от спроса, сколько от готовности предприятий и организаторов выстроить безопасный и юридически корректный формат доступа. Ключевые сложности заключаются в размытости правовой модели, в режимных и производственных ограничениях, в затратах на подготовку маршрутов и в отсутствии общей системы учёта. Преодоление этих барьеров возможно через согласованную работу предприятий, организаторов, регионов и образовательных организаций.

Список литературы:

[1] Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 49, ст.5491).

[2] О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 30, ст.3588;

[3] Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 29.05.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2019, № 39, ст.5460

[4] Федеральная служба государственной статистики. Топ 24 региона для поездок с точки зрения статистики. 2025. // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/268270 (дата обращения: 18.10.2026).

[5] Агентство стратегических инициатив. «Две страны, тысяча заводов»: АСИ и Белорусский институт стратегических исследований представили путеводитель по промтуризму. 2024. // URL: https://asi.ru/news/204213/ (дата обращения:

19.10.2026).

[6] Агентство стратегических инициатив. В Тобольске обозначили планы развития программы «Открытая промышленность». 28.05.2025. // URL: https://asi.ru/news/204539/ (дата обращения: 21.10.2026).

[7] Агентство стратегических инициатив. Пилотный проект АСИ по промышленному туризму – космодром Восточный – установил рекорд по посещаемости туристами. 05.03.2025. // URL: https://asi.ru/news/203969/ (дата обращения: 21.10.2026).

[8] Агентство стратегических инициатив. Турпоток на промышленные предприятия России вырос до 1,5 млн человек. 28.05.2024. // URL: https://asi.ru/news/199923/ (дата обращения: 22.10.2026).

[9] СенатИнформ. В Совете Федерации предложили регионам помогать предприятиям в развитии промышленного туризма. 04.12.2025. // URL: https://www.senatinform.ru/news/v_sf_predlozhili_regionam_pomogat_predpriyatiyam_v_razvitii_promyshlennogo_turizma/ (дата обращения: 22.10.2026).

References:

[1] On the Foundations of Tourism Activities in the Russian Federation: Federal Law No. 132-FZ of November 24, 1996 (as amended on July 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 49, Art. 5491.

[2] On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities: Federal Law No. 116-FZ of July 21, 1997 (as amended on August 4, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, 1997, No. 30, Art. 3588.

[3] On Approval of the Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the Period up to 2035: Order of the Government of the Russian Federation No. 2129-r of September 20, 2019 (as amended on May 29, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 2019, No. 39, Art. 5460.

[4] Federal State Statistics Service. Top 24 Regions for Travel Based on Statistical Data. 2025. // URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/268270 (accessed: October 18, 2026).

[5] Agency for Strategic Initiatives. «Two Countries, a Thousand Factories»: The ASI and the Belarusian Institute for Strategic Studies Present a Guide to Industrial Tourism. 2024. // URL: https://asi.ru/news/204213/ (accessed: October 19, 2026).

[6] Agency for Strategic Initiatives. Development Plans for the «Open Industry» Program Outlined in Tobolsk. May 28, 2025. // URL: https://asi.ru/news/204539/ (accessed: October 21, 2026).

[7] Agency for Strategic Initiatives. ASI pilot project on industrial tourism — the Vostochny Cosmodrome — sets a record for tourist attendance. March 5, 2025. // URL: https://asi.ru/news/203969/ (accessed: October 21, 2026).

[8] Agency for Strategic Initiatives. Tourist flow to Russian industrial enterprises has grown to 1.5 million people. May 28, 2024. // URL: https://asi.ru/news/199923/ (accessed: October 22, 2026).

[9] SenatInform. The Federation Council has proposed that regions assist enterprises in the development of industrial tourism. December 4, 2025. // URL: https://www.senatinform.ru/news/v_sf_predlozhili_regionam_pomogat_predpriyatiyam_v_razvitii_promyshlennogo_turizma/ (accessed: October 22, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-4-141-144

АЛЕКСАНДРОВ Андрей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»,
e-mail: alexandrov.klg@gmail.com

ГЛАДЫШЕВА Виктория Романовна,
студент магистратуры,
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»,
e-mail: victoriachigirin@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ В РОССИИ В ПЕРИОД С 1917 ГОДА ПО НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ

Аннотация. *В статье анализируется развитие законодательства в сфере государственных закупок в период с 1917 года до момента принятия действующего Федерального закона №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В работе проведен краткий обзор развития законодательства в указанный период, также автором исследуются нормативные правовые акты советского и современного периодов, анализируются этапы формирования системы правового регулирования сферы государственных закупок.*

Ключевые слова: *государственные закупки, плановая экономика, контрактная система, рыночная экономика, подрядчик, исполнитель, государственные нужды, муниципальные нужды.*

ALEXANDROV Andrey Yuryevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

GLADYSHEVA Victoria Romanovna,
Master's student,
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

THE EVOLUTION OF LEGISLATION ON PUBLIC PROCUREMENT IN RUSSIA FROM 1917 TO THE PRESENT DAY

Annotation. *The article analyzes the development of legislation in the field of public procurement from 1917 to the adoption of the current Federal Law No. 44 FZ "On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs". The paper provides a brief overview of the development of legislation during the specified period; the author also examines regulatory legal acts of the Soviet and modern periods and analyses the stages in the formation of the system of legal regulation in the field of public procurement.*

Key words: *public procurement, planned economy, contract system, market economy, contractor, performer, state needs, municipal needs.*

Контрактная система закупок для государственных и муниципальных нужд является итогом многовековой работы законодателя. Политика государства в последние два века была крайне противоречива, в связи с чем исследователи активно анализируют нормативно-правовую базу, сформированную как в СССР, так и в Российской Федерации. Целью данной статьи является анализ и обобщение теоретических положений, характеризующих развитие законодательства в сфере государственных закупок в России в период с 1917 года до настоящего момента, а также анализ нормативных правовых актов, закрепляющих регулирование данной сферы. Задачами являются:

- проведение анализа правовых актов, регулировавших государственные закупки в советский период развития государства;
- проведение анализа действующего законодательства в рассматриваемой сфере;
- выявление особенностей развития сферы государственных закупок в рассматриваемые периоды.

В исследовании используются как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция и классификация), так и частнонаучные методы познания (сравнительное правоведение, системный подход и формально-логическое тол-

кование норм закона).

Октябрьская революция 1917 года привела к смене модели государственного управления и системы законодательства, что соответственно отразилось и на сфере государственных закупок. Новое Советское государство ставило перед собой цель в виде построения коммунизма и общества социальной справедливости. Такой курс совершенно не предполагал существование свободных рынков и конкуренции и должен был строится на централизованной плановой экономике. Переход к плановой экономике не предусматривал потребность государства в осуществлении государственных закупок через частных исполнителей для удовлетворения собственных нужд, поскольку обеспечение осуществлялось через государственные предприятия с заранее установленными ценами и полным отсутствием конкуренции. Такой переход не мог быть резким и осуществленным в один момент, в связи с чем он осуществлялся постепенно [5].

На первых этапах развития советской власти законодателем были предприняты попытки в сфере регулирования законодательства в сфере государственных закупок. В 1921 году было издано Положение о государственных подрядах и поставках. Указанный документ не содержал норм, регулирующих процедуру государственных закупок, однако, предусматривал возможность заключения договора между казной и подрядчиками в зависимости от стоимости такого договора, а также предусматривал применение мер уголовной ответственности к недобросовестным исполнителям. При этом ГК РСФСР, принятый в 1922 году, содержал лишь упоминание о торгах в связи с продажей предметов, находящихся в залоге, земельных участков или иного имущества. В последующем в рассматриваемое Положение дважды вносились изменения:

- в 1923 году были внесены нормы, регулирующие вопросы с выплатой аванса подрядчикам и поставщикам. Они закрепляли, что наиболее выгодные условия аванса предоставлялись преимущественно подрядчикам, относившимся к государственным предприятиям;

- в 1927 году Положение было дополнено требованиями о том, что при выборе исполнителя государственного заказа необходимо ориентироваться не только на самую низку цену, которую предлагает поставщик, но и также учитывать кредитоспособность, опыт и ряд других характеристик исполнителя [1].

Очевидно, что в первые годы советской власти прослеживается нацеленность на развитие института государственных закупок и внедрение новых механизмов в процедуру самих закупок, что связано прежде всего с проведением новой экономической политики (далее-НЭП). О. Беляева отмечает, что тезис о том, что уже на первых этапах советская власть вытесняет из гражданского оборота государства государственные закупки, является несостоятельным, поскольку «…и тогда, и в наши дни регулирование закупок определенно тяготеет к приоритету специального, а не общегражданского закона» [2]. С исследователем нельзя не согласиться в этом плане. Также на рассматриваемом этапе развития государственных закупок прослеживаются черты, характерные и современному периоду развития контрактной системы:

- нормы в большинстве своем направлены на конкретизацию процедурных вопросов;

- преимущество отдается интересам государства при осуществлении закупок;

- динамичный характер изменений законодательства.

После сворачивания НЭПа и перехода к плановой экономике использование механизма государственных закупок фактически приостанавливается и из гражданского оборота исключаются договорные отношения между государством и частными поставщиками. Советское государство начинает выстраивать совершенно иную модель взаимодействия. Если ранее в дореволюционный период государство стремилось найти баланс между интересами частных поставщиков и исполнителей и заказчиком в лице государства, то в период плановой экономики на первое место вышли публичные интересы государства, поскольку государственные закупки стали реализовываться при помощи централизованного распределения ресурсов.

Представляется, что развитие института государственных закупок при советской власти разделяется на несколько этапов:

- первый этап с 1917 – по 1931 годы, в который государство признавало и стремилось регулировать систему государственных закупок с участием частных исполнителей;

- второй этап с 1932 года – начало 1990-х годов, характеризующийся исключением из гражданского оборота договорных отношений между государством и частными поставщиками.

Политика, проводимая в период с 1932 года – начало 1990-х годов Советским государством, повлекла за собой кризис во всей системе в целом и привела к возврату к рыночной модели экономики. В связи с чем с 1992 года по 2005 год законодателем была проведена огромная работа по возврату торгов и государственных закупок в гражданский оборот. Возвращение государственных закупок в Российской Федерации принято связывать с Указом Президента РФ от 7 августа 1992 г. №826 «О мерах по формированию федеральной контрактной системы» и Постановлением Правительства РФ от 10 августа 1992 г. «О Реализации Указа Президента РФ «О мерах по формированию федеральной контрактной системы». Указанные документы стали первыми актами, которые вернули механизм государственных закупок в Россию после распада

СССР. На основании перечисленных нормативно-правовых актов Государственному комитету РФ по управлению государственным имуществом поручалось создать две Федеральные контрактные корпорации – АО «Росконтракт» и АО «Росхлебопродукт». Целью созданных организаций являлось обеспечение государственных закупок соответствующими товарами.

В дальнейшем на федеральном уровне было принято несколько законов:

- Закон Российской Федерации от 28 мая 1992 года №2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд»;

- Федеральный закон от 13 декабря 1994 года №60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд».

Вышеуказанные законы частично заимствовали традиции дореволюционного права в сфере регулирования государственных закупок. Они не предусматривали закрытой процедуры размещения заказа, также в них отсутствовал четкий правовой механизм. Закон Российской Федерации от 28 мая 1992 года №2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» возлагал обязанности по заключению контрактов на закупки на министерства, данная мера не оказалась эффективной, поскольку министерства в силу своего административно-правового статуса не являлись участниками рынка.

Изменение в механизме проведения закупок произошли в 1997 году в связи с изданием Положения об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд, утвержденного Указом Президента РФ от 8 апреля 1997 года №305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд». Законодатель закрепил в п. 27, п. 30 и пп. «г» п. 30 рассматриваемого Положения право заказчика размещать заказы путем проведения закрытого конкурса, что стало новшеством для отечественного законодательства, поскольку ранее данный механизм не использовался. Реализации данного права была возможна в следующих случаях:

- «продукция в силу уровня технической сложности или специального характера может быть закуплена только у ограниченного круга поставщиков»;

- «цена государственного контракта составляет менее 2500 установленных законом размеров минимальной месячной оплаты труда, а также когда время и расходы, необходимые для рассмотрения и оценки большого числа заявок на участие в торгах (конкурсе), значительны по сравнению со стоимостью закупаемой продукции, - по согласованию с Министерством экономики Российской Федерации или с уполномоченным им территориальным органом»;

- «…в случае если государственный контракт заключается на приобретение продукции для нужд национальной обороны или для обеспечения национальной безопасности в части, составляющей государственную тайну в соответствии с законодательством Российской Федерации»;

- «…при наличии обстоятельств, позволяющих заказчику проводить специализированные закрытые торги (закрытый конкурс) в соответствии с настоящим Положением, в случае если заказчик установил, что проведение закупок из единственного источника является наилучшим способом закупок».

Дополнительно механизм проведения закрытого конкурса был установлен Федеральным законом от 6 мая 1999 года №97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд». При этом указанный закон вводил новое понятие – двухэтапный закрытый конкурс, а также закреплял механизм проведения открытого конкурса. На смену этому нормативно-правовому акту пришел Федеральный закон от 21 июля 2005 года №94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Принятие данного закона стало новым качественным этапом в развитии отечественного законодательства в сфере государственных закупок. В нем были сконцентрированы все существующие нормы о государственных закупках, в том числе подробное регулирование всех процедур, в том числе добавлены и новые (например, закрытый аукцион), было введено большое количество новых понятий (например, недобросовестных поставщиков) [3]. Рассматриваемый нормативный правовой акт действовал около 8 лет, в него было внесено большое количество правок, что привело к принятию нового федерального закона. В 2013 году был принят Федеральный закон №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Сам термин «контрактная система» был заимствован из американской правовой семьи. Новый федеральный закон стал регулировать более широкий круг отношений по сравнению с предыдущими законами. Так, например, в сферу регулирования специального законодательства входят теперь не только вопросы, касающиеся размещения заказов, но и вопросы аудита и контроля в сфере закупок. Также, рассматривая законодательство в сфере государственных закупок, нельзя упускать Федеральный закон от 18.07.2011 года №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Указанный нормативно-правовой акт регулирует проведение закупок и тендеров, осуществляемых юридическими лицами различной организационной-правовой формы. Преимущественно речь идет о юридических ли-

цах, в которых государство либо владеет 50% акций, либо их деятельность регулируется государством. Однако, данный закон не регулирует этапы проведения закупок, но упрощает поиск требований к документальному оформлению и процедуре осуществления закупок отдельными юридическими лицами [4].

Представляется, что на этапе развития законодательства Российской Федерации, законодательство в сфере государственных закупок прошло следующие этапы развития:

- первый этап с 1992 года по 2005 год, характеризующийся возвращением системы государственных закупок в гражданский оборот Российской Федерации;

- второй этап с 2005 года по 2013 год, в который законодатель начинает формировать единую нормативную базу, нацеленную на всестороннее и всеобъемлющее регулирование сферы государственных закупок;

- третий этап с 2013 года по настоящий момент, связанный с переходом к контрактной системе и её совершенствованием и адаптацией под современные реалии.

Таким образом, отечественное законодательство в сфере государственных закупок прошло за XX век и начало XXI века несколько этапов развития. В советский период развития законодательство в сфере государственных закупок прошло два противоречивых этапа: сначала государство стремилось к регулированию института государственных закупок и участию в них частных исполнителей, потом государство фактически исключило данный институт из гражданского оборота. В истории развития законодательства Российской Федерации развитие института государственных закупок прошло несколько этапов, начиная с возрождения самого института, перехода к контрактной системе и ее совершенствования.

Список литературы:

[1] Белова Ю.Н. Особенности регулирования закупочной деятельности отдельных хозяйственных субъектов в советском законодательстве // Конкурентное право. - 2026. - N 3. - С. 22 - 25.

[2] Беляева О. Законодательство о казенных подрядах и поставках времен НЭП: исторические параллели // Прогосзаказ.рф. - 2024. - N 2. - С. 51 - 55.

[3] Горохова Д. В. Государственные закупки в Российской Федерации: ретроспектива и развитие // Финансовый журнал. – 2020. - Т. 12. - № 2. - С. 57–68.

[4] Мухамедьяров И.Р. Становление и развитие института государственной контрактной системы в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. - Том 8. - № 1А. - С. 92-100.

[5] Яруллин С.М. История возникновения и развития государственного заказа в России // История государства и права. - 2010. - N 20. - С. 26 - 29.

References:

[1] Belova Yu.N. Specifics of the Regulation of Procurement Activities of Certain Economic Entities under Soviet Legislation // Competition Law. - 2026. - No. 3. - pp. 22–25.

[2] Belyaeva O. Legislation on State Contracts and Supplies During the NEP Era: Historical Parallels // Progoszakaz.rf. - 2024. - No. 2. - pp. 51–55.

[3] Gorokhova D.V. Public Procurement in the Russian Federation: Retrospective and Development // Financial Journal. – 2020. - Vol. 12. - No. 2. - pp. 57–68.

[4] Mukhamedyarov I.R. Formation and Development of the Public Contract System in Russia // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2018. - Vol. 8. - No. 1A. - pp. 92–100.

[5] Yarullin S.M. History of the Emergence and Development of State Procurement in Russia // History of State and Law. - 2010. - No. 20. - pp. 26–29.

ЭКОНОМИКА И ПРАВО. XXI ВЕК

Научно-правовой журнал

№ 4 (ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ) 2026 ГОД

Сдано в набор 05.11.2026. Подписано в печать 10.11.2026.

Формат 60x90/8. Печ. л. 5,7. Заказ № 19.

Верстка и редакционная подготовка в ООО «Юркомпани»

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис 218